Джон Литтл

Брюс Ли

Путь воина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это книга о величайшем мастере боевых искусств, ярчайшем мастере кино — Брюсе Ли. Люди, знавшие Брюса Ли лично, восхищались не только его актерским и боевым талантом, но и высоко ценили его как неординарного мыслителя, философа, учителя, который глубоко постиг мудрость китайского даосизма и философии дзэн.

Джон Литтл, автор книги, был одним из любимых учеников Брюса. И теперь он делится с читателями воспоминаниями о величайшем учителе, чей творческий гений позволил одухотворить школу боевых искусств Запада древней философией Дао.

- Брюс Ли. Путь воина
  - Предисловие
    -
    - Предисловие Линды Ли Кэдвелл
    - Предисловие Дениела Ли
    - Предисловие Марка Уотса
    - Вступление
    - Благодарность
    - Философские озарения Брюса Ли в афоризмах
    - Размышления о Брюсе Ли
  - Часть I
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть II
    -
    - Глава 6
    - Глава 7
      -
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть III
    -
    - Глава 11
    - Глава 12

        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
    - Приложения
        -
        - Эко-дзэн
        - Введение Марка Уотса
        - Дао ву-син
        - Основные работы Брюса Ли
        - Хронологические факты жизни Брюса Ли
        - Об авторе
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

Брюс Ли. Путь воина

Предисловие

Посвящается моей жене Терри и нашим детям:
Рили, Тейлору и Бреддону

Предисловие Линды Ли Кэдвелл

Дорогой счастливейший в мире читатель!

Что-то привлекает тебя в Брюсе Ли, если ты открыл эту книгу. Ты вспоминаешь его образ в кино: великий воин, он наносил молниеносные и мощные удары и был противником, которого боялись; мужчина в превосходной физической форме со стальными мускулами живота, развитыми предплечьями, ясно очерченной линией сильных плеч; актер, чья личность не оставляла тебя равнодушным, волновала и воодушевляла тебя. Вполне может быть, что ты много раз смотрел фильмы с его участием — они стали классикой жанра боевых искусств. Но Брюс Ли как философ? Эту грань его личности ты не принимал во внимание, хотя интерес к ней уже возник у тебя. Читай же, друг мой, ибо на страницах этой книги Джон Литтл доносит до тебя некий подвиг духа, возможность постичь настоящего Брюса Ли.

За девять лет, что мы прожили вместе, я узнала Брюса, вероятно, лучше, глубже, чем многие другие. Я видела, что внешне его жизнь представляла собой борьбу, в которой он преодолевал на своем пути одно препятствие за другим, чтобы добиться поставленных целей. Я также видела, что его внутренний мир был для него ареной борьбы с сомнениями в самом себе, с чувством неуверенности — чувством, которое разъедает сознание каждого из нас. Брюс первым сказал бы вам, что он далек от совершенства, но, что более важно, он сказал бы, что его миссия в жизни заключается в том, чтобы стать настоящим человеком. Его путь представлял собой непрерывный эволюционный процесс, шаг следовал за шагом, и целью этого процесса было не достичь состояния совершенства, но ощущать жизнь обнаженными нервами, соприкасаться с ней нутром и разумом. Ради этого Брюс погружался в самые глубины своей психики, чтобы определить и отточить собственную жизненную философию.

Брюс часто говорил, что любое познание — это в действительности познание самого себя. Он имел в виду, что чем больше человек раскрывается, чтобы приобрести знания, тем больше эти приобретенные знания обогащают его, вдохновляют и становятся неотъемлемой частью личности. Брюс — это образец человека, настроенного на самообразование. Его формальное образование состояло в том, что он закончил первый курс Вашингтонского университета, где изучал философию. Затем Брюс бросил учебу и открыл свою школу Джун Фэн Кунг-фу в Окленде. Однако его образование на этом отнюдь не закончилось.

Вопрос о том, как мыслительный процесс человеческой личности побуждает ее реализовывать свои возможности в самом высшем смысле слова, с ранней юности довлел над ним, и Брюс продолжал поиски ответа на свой вопрос.

Он целеустремленно изучал этот процесс на самом себе. Даже когда он упражнял свое тело, чтобы сделать его сильным и ловким, его мозг не прекращал работать над поиском причин своего неведения. Эта задача настолько поглощала внимание Брюса, что его мозг полностью сосредоточился на ее решении. И в то же время Брюс был переполнен острейшим осознанием происходящего вокруг — неотъемлемая черта бойца кунг-фу. Исследуя глубины своего существа, Брюс смог взрастить семена собственной философии, и эти семена дали побеги, а потом расцвели, чтобы родился настоящий Брюс Ли — тот, кого вы знали как необыкновенного чудо-борца и кто предстанет теперь перед вами как философ, человек, чья мудрость намного превосходила его годы.

Существует немало людей, владеющих военными искусствами, и прекрасных актеров с отличными физическими данными. Некоторые добились славы и получили за свой талант щедрое вознаграждение. Но в Брюсе Ли было нечто такое, благодаря чему в сердцах и умах его последователей во всем мире он по-прежнему незаменим. С тех пор как он умер, прошло более двадцати лет, но поток писем от людей, восхищенных его личностью, по-прежнему не иссякает. Тринадцатилетний юноша, который родился, когда Брюса уже давно не было в живых, пишет, что пример Брюса побуждает его хорошо учиться; пожилой мужчина рассказывает о том, как под влиянием Брюса его жизнь изменилась в лучшую сторону; молодая женщина говорит, что, вдохновленная личностью Брюса, она начала изучать боевые искусства, в результате чего ее уверенность в себе возросла во много раз. Таких историй бессчетное множество, но суть их одна: Брюс Ли — это объект для подражания, образец героя и реальная человеческая личность.

Что же в Брюсе Ли по-прежнему так сильно привлекает людей всех слоев общества и профессий? Думаю, главное здесь — глубина его собственной философии, которая, хотел он того или нет, отчетливо проступает в фильмах с его участием и в его записях. Воздействие его личности было настолько сильным, что вы втягивались в его внутренний мир, менялись ваши установки и представления, перестраивалось сознание. Эта книга даст вам возможность пересмотреть воспоминания о Брюсе Ли, увидеть его в другом ракурсе.

Один из тех, кто воспользовался возможностью научиться

чему-то от Брюса Ли, был Джон Литтл, автор этой книги. Джона с детства занимали философия и личность Брюса Ли. С огромной энергией, приложив весь свой интеллект, в неустанных поисках и с помощью тонкой интуиции Джон решал задачу сравнения философии Брюса Ли с философией столетних гуру и современных мудрецов с Востока и Запада. Кроме того, Джон показывает, как Брюс применял свои философские взгляды в повседневной жизни и, более широко, в процессе достижения конечных целей. Наконец, он открывает вам возможности взять из жизненного опыта Брюса Ли то, что полезно для вас, и через это взрастить и развить собственную философию.

Вспоминается фраза из роли Брюса в фильме «Выход Дракона»: «Это как указывать пальцем на Луну. Не сосредоточивайся на пальце, иначе ты не увидишь ее божественного сияния». Так же и вы: смотрите сквозь строчки этой книги, проанализируйте заложенные в ней мысли, затем прочувствуйте их и сделайте своими собственными.

Желаю вам изобилия энергии, доброго здоровья и спокойного осознания.

Бойз, Айдахо

Предисловие Дениела Ли

PS. В память и в честь моего сына Брэндона в Уитмен-колледже учреждена стипендия в области драматургии. От имени Брюса и Брэндона Ли в Университете Арканзаса учреждена стипендия в области медицинских исследований. Джон Литтл отдает в качестве взносов в эти стипендии существенную долю гонорара от продажи этой книги. Семья Ли благодарит его за щедрость.

Для широкой публики Брюс Ли, китаец по происхождению, был известной кинозвездой, снимавшейся в фильмах о восточных единоборствах. Для членов сообщества восточных единоборств Брюс Ли — непревзойденный мастер восточного боя, великолепно владеющий боевыми искусствами и разработавший новую систему борьбы. Однако совсем немногие знали, что Брюс Ли был также творческим мыслителем, философом и разносторонне образованным человеком, глубоко проникнувшим в философию китайского даосизма и дзэн-буддизма.

Для меня было огромной привилегией стать одним из его учеников в тренировочной школе в Лос-Анджелесе в 1967 г. Брюс был великолепным учителем, творческим гением двадцатого века. Он сумел соединить древнюю философию Дао с китайской системой Вин Чун, современным искусством западного бокса и ударами каратэ и создал чрезвычайно эффективную систему борьбы без оружия, которую он называл «джит кун до» (ДКД) (обычно это название переводят на английский как «путь преграждающего кулака»). Его наставления пробудили во мне новое понимание высшей реальности в сражении без оружия, благодаря чему полностью изменились не только мои тренировки, но и вся жизнь.

Мысли Брюса Ли в отношении философии ДКД появлялись в течение шестнадцати лет во многих публикациях. Некоторые из этих периодических изданий давно уже не существуют, поэтому теперь действительно очень трудно узнать что-то еще о жизни и философии Брюса Ли. Равным образом это обстоятельство делает тщетными попытки тех из нас, кто стремится понять некоторые аспекты его мастерства в восточных единоборствах.

К счастью, мой друг Джон Литтл, которого за прошедший год мне довелось узнать достаточно близко, смог добиться определенных успехов в этом направлении. Его превозносили за то, что он взял на себя монументальную задачу написать труд, в котором философия Брюса Ли была бы отражена полностью. Джону понадобились два года и поездки по крайней мере на три

континента, чтобы собрать воедино все написанное и сказанное Брюсом Ли. Соединив собранные материалы с собственными хорошо продуманными и обоснованными комментариями, Джон создал всеобъемлющий труд из семнадцати глав под тремя крупными заголовками.

Кто-то, возможно, прочитает эту книгу от начала до конца, другой может выбрать какую-то часть, заголовок которой покажется ему интересным, потому что каждая из частей посвящена какому-то конкретному аспекту философии Брюса и, таким образом, может рассматриваться отдельно. И все-таки вместе все части образуют единое целое. Эта книга охватывает многие стороны философии Брюса, в ней рассматриваются его личные взгляды на взаимоотношения между людьми (на различных уровнях), а также его отношение к проблеме преодоления ударов судьбы и стресса. Отдельную главу Джон полностью посвящает пяти фильмам Брюса-режиссера. Он уделяет много места описанию чрезвычайно интересной подоплеки каждого из этих фильмов и анализирует скрытые послания, которые Брюс через фильмы пытался донести до зрителей.

В книгу включены также выдержки одного из немногих личных интервью, которые Джон взял у покойного Брэндона Ли, сына Брюса. Из этого интервью становится ясно, что Брэндон во многом унаследовал пытливый, любознательный ум своего отца. В этой главе читатель получает редкую возможность узнать о жизни Брэндона, о его личности, а также о стремлении добиться успеха в качестве актера.

В приложениях помещены два чрезвычайно содержательных эссе Алана Уотса (философа, который произвел на Брюса особенно сильное впечатление), а также перечень наиболее важных событий в жизни Брюса, составленный в хронологическом порядке, и список его основных работ. Это очень ценные сведения для тех, кто хотел бы узнать больше о достижениях Брюса и его вкладе в искусство боя. Для артиста-воина (в широком смысле), полностью изучившего три этапа совершенствования военного искусства Брюса Ли и четырехступенчатое руководство к самопросвещению, эта книга представляет ценный источник информации для лучшего понимания философской основы искусства борьбы без оружия Брюса Ли.

Поскольку я родился, вырос и получил образование в Китае и уже более одиннадцати лет преподаю китайский язык и китайскую культуру в колледже в Пасадене, а также работаю в качестве переводчика с китайского и лектора по вопросам медицинской терминологии в университете китайской

традиционной медицины САМРА в Лос-Анджелесе, я хотел бы прокомментировать перевод на английский язык термина «джит кун до*. Его часто переводят как «путь преграждающего кулака» — и это вполне приемлемо. Однако мне хотелось бы расширить смысл перевода. Слово «дао» («до» на кантонском диалекте) означает «путь природы» или «созидательная сила, управляющая Вселенной». Таким образом, термин «джит кун до», написанный на китайском языке, будет означать «преграждающий кулак, который следует принципам Дао».

То же самое слово на японском языке — «до» — имеет значение «путь чего-либо» или «способ чего-либо*. Поэтому приведенные ниже японские термины переводятся следующим образом: дзюдо — «путь мягкости», кэндо — «путь сражающейся шпаги», айкидо — «путь приведения ци к гармонии», шодо — «способ каллиграфии».

Китайский мудрец Лао-цзы, автор «Дао дэ цзин», утверждал:

> «Дао — это то, из чего созданы все вещи во Вселенной. Процесс, по которому создаются все вещи, производится этой энергией, или ци, которая берет свое начало в Дао. Эта энергия состоит из двух частей: инь и ян. Все вещи во Вселенной обладают энергией инь и энергией ян. Когда энергии инь и ян сливаются вместе, наступает состояние гармонии».

На Брюса эта концепция гармоничного существования энергий инь — ян произвела настолько сильное впечатление, что он выбрал символ инь — ян (который упоминается китайцами как Тай-цзи, «Великий Принцип») в качестве эмблемы его школы, с тем чтобы она представляла основополагающий принцип искусства борьбы ДКД, который включает в себя и использует как твердую, так и пластичную энергии инь — ян.

Рядом с кругом Тай-цзи Брюс поместил две стрелы, чтобы подчеркнуть, что техника борьбы ДКД должна включать в себя гармоничное взаимодействие энергий инь (пластичной, уступающей) и ян (твердой, утверждающей). Он подчеркивал, что в его искусстве борьбы ДКД противник не противостоит силе силой, а, скорее, «дополняет» мощную силу своего соперника уступающей энергией инь.

В своих записках Брюс метафорически описывал этот принцип следующим образом: «Прочнейшее дерево легко ломается под нажимом, а бамбук выживает, сгибаясь под ветром».

Он также писал: «Будьте как вода, потому что она мягкая, упругая и бесформенная. Ее нельзя поймать».

С тех пор как Брюс ушел из этого мира, я со многими своими

учениками продолжаю отрабатывать технику ДКД у себя дома на заднем дворе. Наставлениям Брюса я следовал с большой точностью. Помимо техники жестких ударов и сильных киков, я тренирую приемы тай-цзи цюань и «пуш-хэнд», чтобы привести мощную энергию ян в равновесие с соответствующим уровнем энергии инь. С тех пор я изучил множество китайских рукописей по философии Дао и классических работ по тай-цзи цюань — я хочу лучше понять природу энергий инь — ян и способы их развития.

Я глубоко убежден, что Брюс считал развитие энергий инь и ян неотъемлемой частью тренировки ДКД. Развитие и совершенствование энергии ян включает в себя оттачивание того, что Брюс называл боевыми «инструментами» воина или оружием нападения, — такие приемы, как удары кулаком и захваты. Воин должен, кроме того, повышать мастерство, совершенствуя координацию, точность, скорость и силу.

Развитие энергии инь подразумевает также улучшение чувствительности и гибкости тела, совершенствование мягкой пружинистости конечностей и культивирование способности мозга и тела к расслаблению в дополнение к вырабатыванию «отстраненной» позиции душевного равновесия и эмоционального спокойствия.

В результате, развивая искусство спонтанной адаптации, воин способен продвинуться на более высокий уровень мастерства. Это искусство позволяет быстро произвести значительную энергию, которая дополнит энергию противника практически без каких-либо сознательных усилий. Во время сражения, например, целью является использование мягкой, уступающей энергии (энергии инь), чтобы нейтрализовать силу противника, вместо того чтобы пытаться противостоять его силе (энергии ян) с помощью дополнительной жесткой или противодействующей силы (энергии ян).

Как только у противника наступит стадия перенапряжения, он почувствует слабость и начнет отступать (энергия инь), его нужно немедленно атаковать (энергия ян), чтобы одержать над ним победу. Этот метод борьбы требует отдачи всех сил и очень увлекателен, а я пока еще далек здесь от совершенства. Как отмечал Брюс в своих записях, когда искусство адаптации достигает наивысшего уровня, оно становится «как тень, следующая без усилий за движущимся объектом» или «как поплавок, приспосабливающийся к гребням и впадинам волн».

Брюс напоминал также о том, что «вершина совершенствования — в стремлении к простоте. Половинное совершенство ведет к украшению… Процесс упрощения

аналогичен таковому у скульптора, который постепенно отсекает все несущественное, пока не сотворит шедевр».

Развитие энергий инь и ян описано к книге Брюса «Путь Дао в джит кун до», которая вполне доступна для желающих ее прочитать. Не знаю, достигну ли я когда-нибудь в жизни такого уровня мастерства, но Брюс всегда останется для меня образцом для подражания и источником вдохновения.

Коллеги, практикующие ДКД, я надеюсь, что, читая эту книгу, вы получите удовольствие и сможете почерпнуть из нее суть философии ДКД Брюса Ли. Следуйте его тренировочным программам, уясните для себя смысл трех стадий совершенствования и содержание его четырехступенчатого руководства к самопросвещению. Сведения, представленные Джоном Литтлом в этой книге, прольют свет на смысл ДКД, и занятия борьбой начнут приносить вам больше удовлетворения.

В заключение позвольте мне процитировать слова знаменитого китайского мастера и учителя тай-цзи цюань. Когда он увидел, что его ученики на уроках тай-цэи цюаыь занялись изучением всевозможных военных искусств, не имеющих отношения к предмету, он предостерег их следующими словами:

> Многие ученики совершают ошибку, пренебрегая тем, что близко (то есть тем, что доступно без труда и существенно для вас), в погоне за тем, что далеко (другими военными искусствами, которые несущественны или не имеют отношения к тому, что вы сейчас изучаете). Ошибка в суждении и в ваших поисках заставит вас отклониться от пути на тысячу миль. Следовательно, вы должны очень ясно разграничивать то, что для вас существенно, а что — нет.

Пасадена, Калифорния

Предисловие Марка Уотса

Птица в полете следует своим курсом и не обращает внимания на границу, разделяющую Восток и Запад.

Каллиграфическая надпись Алана Уотса

Некоторое время назад мне позвонил из Японии один господин, который спросил, не могу ли я порекомендовать ему какие-нибудь магнитофонные записи, сделанные моим отцом по дзэн-буддизму. Далее он объяснил, что приехал из Сиэтла в Киото, чтобы поучиться в буддийском монастыре, но теперь, семь лет спустя, он так и не просветился в области дзэн. Ему очень хотелось учиться дзэн, и он был очень благодарен, когда я назвал ему довольно много записей из числа самых лучших.

Как бы смешно это ни звучало, здесь нет ничего удивительного: дзэн в Японии не приспособлен для быстрого обучения ему западных людей, так как его часто неправильно понимают.

Удивило меня, однако, то обстоятельство, что, как я недавно обнаружил, Брюс Ли регулярно делал записи выступлений Алана Уотса по радио или по телевидению и давал слушать кассеты своим ученикам. Читая его дневники и интервью, я понял, что работы моего отца оказали значительное влияние на его жизнь и, как и для моего отца, осознание Дао было основным в его искусстве. Конечно, феномен стопроцентно восточного человека, обучающего своих западных учеников физическим боевым искусствам и при этом находящего источник духовного вдохновения в работах человека с Запада, который всю свою жизнь интересовался мудростью Востока, действительно необычен. Но, как замечает Джон Литтл, «проблема западного подхода заключается в том, что с его помощью пытаются объяснить жизнь, вместо того чтобы открыть, как ее почувствовать».

Оба — и Ли, и Уотс — были вовлечены в учительствова-ние, что для них означало в каком-то смысле «говорить о непроговариваемом», доносить (передавать) смысл чего-то, что может быть понято только прямо. В даосизме они обнаружили необычайно практическую философию, направленную, как это и есть на самом деле, на то, чтобы раскрыть нецеленаправленность жизни. Ибо, направляя себя к какой-либо цели, мы неизбежно сосредоточиваем свое внимание на том, что впереди и что находится вне настоящего момента. Как не раз говорил мой отец:

«Если цель танца в том, чтобы достигнуть определенного места на полу, тогда, очевидно, самый быстрый танцор и будет лучшим. Цель танца — сам танец». Так же и жизнь.

Историческая граница между «неприятно объективным» западным миром и глубоко субъективным Востоком в двадцатом веке начала стираться, и сегодня характерные способы восприятия мира, присущие каждому из них, воспринимаются во всем мире совершенно по-другому. И хотя значение символа инь — ян на яркой футболке подростка в Америке может быть не до конца им понято, протянутая рука из встречного автомобиля, грациозно исполняющая движения тай-цзи цюань, со всей очевидностью, имеет отношение к сосредоточенному на духовности существу, которое, по крайней мере опытным путем, поняло что-то из философии, вдохновлявшей и Алана Уотса, и Брюса Ли. Ибо, как сказал Брюс Ли:

> Жизнь живет, и в ее потоке вопросы не возникают. Причина этого в том, что жизнь живет СЕЙЧАС! Завершенность, настоящее — это отсутствие в сознательном разуме стремления разделить неразделимое. Потому что, как только завершенность вещей разделена, она больше не является завершенной.

Этими словами Брюс открывает, что он нашел секрет, который ускользает от большинства современных людей. Если говорить простыми словами, секрет заключается в том, что, хотя мы можем одновременно жить и созерцать жизнь, делать это — означает выбросить что-то из жизни, потому что мыслящий аспект личности не есть вся — или завершенная — личность. Как сказал британский физик Дэвид Бом: «Проблема маленького “я” в том, что оно думает, будто оно — большое “я”»

Восток встречается с Западом: Брюс Ли был одним из первых, кто начал посредством кинофильмов учить публику на Западе — и даже западных актеров, таких, как, например, Джон Саксон (слева), — восточной философии

На страницах этой книги читатель найдет основные идеи, высказанные Аланом Уотсом, Кришнамурти, обойми Судзу-ки, Джозефом Кэмпбеллом и — много веков назад — Лао-цзы, Чжуань-цзы, Буддой и Шанкарой. Хотя многие из этих идей не новы, их выражение олицетворяет живое искусство, которое указывает путь к освобождению, охарактеризованному однажды моим отцом как «религия не-религии».

И последнее. Кажется, что, после того как культуры Востока и Запада двигались в противоположных направлениях, сейчас: сцена приготовлена и ждет появления некой культуры Востока/ Запада, основанной на лучших чертах каждой — авантюрном духе и любопытстве по отношению к новому Запада и на высокоразвитой философской и эстетической восприимчивости Востока. Взаимная поглощающая способность этих элементов уже создала многое для рождения объединенных в одно целое путей знания. Теперь остается только наблюдать, составят ли направления движения каждой культуры полный круг, чтобы танцевать вместе в классическом образе Тай-цзи.

Сан-Ансельмо, Калифорния

Вступление

Возможно, к великому удивлению многих из нас, кто переживает в настоящий момент глубочайший душевный или жизненный кризис, остается непреложным тот факт, что ответ практически на все наши проблемы уже находится в нас самих. Этот ответ существует в форме обширного резервуара свободно циркулирующей энергии, которая, притекая к мускулам, может придать им колоссальную силу, а поднимаясь к мозгу, может сообщить ему способность к необыкновенному внутреннему видению и пониманию сути вещей. Эту естественным образом возникающую энергию китайцы называют «ци» (или «чи»). Они полагают, что она постоянно циркулирует внутри человеческого тела.

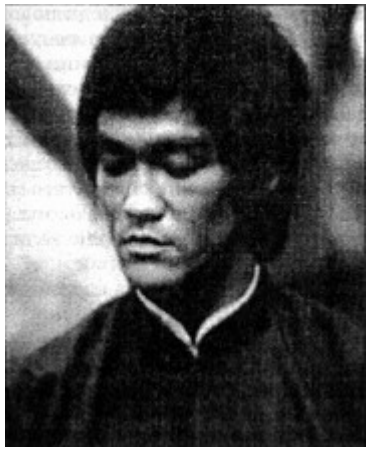
Некоторые сравнивали эту огромную внутреннюю энергию с квантовой теорией в физике: структуры субатомной энергии сопоставляются с эволюционными силами, которые лежат в основе роста и развития всего сущего.

Эта энергия не поддается наблюдению, как, например, элементарные частицы или какие-то другие формы материи, существующей в твердом состоянии, и вместе с тем ее нельзя описать только как волну или процесс. Очевидно, это, скорее всего, сочетание первого и второго. Во всяком случае, как мы скоро увидим, любое проявление жизни подражает этому энергетическому циклу в процессах, которые легко различимы, — от атома до Солнечной системы. Научившись подключаться к циклам этой громадной энергии, мы в результате достигаем полной и совершенной гармонии ума и тела, кульминация которой — величайшее духовное пробуждение. Даосские мудрецы Древнего Китая называли его «тун-ву», а учителя японского дзэн-буддизма называют «сатори».

Человек-легенда двадцатого века, мастер боевых искусств Брюс Ли был осведомлен — и это не удивительно — о существовании великих сил, и однажды он заметил:

> Я чувствую, что во мне есть эта огромная созидательная духовная сила. Она больше, чем вера, больше, чем честолюбие, больше, чем уверенность, больше, чем решимость, больше, чем предвидение. Эта сила — все они вместе… Не знаю, есть ли в этом божественность или нет, но я чувствую внутри себя эту великую силу, эту нетронутую мощь, это динамическое Нечто. Чувство не поддается описанию, и нет такого

переживания, с которым оно могло бы сравниться. Оно скорее сродни сильным эмоциям, смешанным с верой, но во много раз больше.



Брюс Ли был способен произвести громадную внутреннюю энергию, именуемую на китайском языке ци.

Если бы я осмелился дойти до такой дерзости, чтобы попытаться выразить в каком-то символе эту огромную внутреннюю энергию, я, возможно, представил бы ее в образе исполнителя военных искусств, или воина. В конце концов, воин — это символ одного из аспектов этой великой силы, которая, если ею должным образом распорядиться, может выиграть для вас многие сражения, но вместе с тем, если ее неверно направить или ею пренебречь, может разрастись и стать возмездием. Большинство из нас пренебрегли этой силой воина, не замечали ее присутствия и отказались даже от попытки установить с ней контакт. А в результате все мы пришли к тому, что стали способны на гораздо меньшее, чем могли бы. Как заметил американский психолог Уильям Джеймс в своем эссе «Виды энергии у людей»: «По сравнению с тем, чем мы должны были бы быть, мы бодрствуем только наполовину. Огни затушены, счета оплачены. Мы используем всего лишь маленькую часть наших умственных и физических ресурсов».

Но если бы мы предпочли подключиться к этой внутренней энергии, мы стали бы тем, чем в конечном счете можем быть: мгновенно пробудив страсти и раздув пламя наших предельных возможностей, мы изменили бы свою жизнь. Мы стали бы более страстными, более определенными — в гармонии с самими собой и с окружающим миром. И тогда мы почти без усилий преуспели бы в достижении целей.

Без сомнения, Брюс Ли умел подключаться по собственной воле к силе воина, существующей внутри него, и он верил, что

можно совершить любые великие дела, если научиться направлять в нужное русло то, что он называл «этими великими духовными силами внутри нас», провидя будущее: «Когда человек придет к осознанному жизненно важному пониманию этих великих духовных сил внутри самого себя и начнет использовать эти силы в науке, бизнесе и жизни, прогресс человечества в будущем превзойдет все, что было раньше».

Суперзвезда Национальной ассоциации бокса Карим Абдул-Джаббар, который в течение шести лет брал частные уроки у Брюса Ли, вспоминает, как Ли учил его подсоединяться к внутренней силе воина:

> «Брюс показывал мне, как обуздать бушующее начало и направить его в нужную сторону только по моей воле. Китайцы называют это «ци», японцы — «ки», индийцы — «прана». Это жизненная сила, она невероятно мощная… Как ни странно, но ее невозможно должным образом объяснить. Это понимают те, кто сам уже почувствовал ее. Она — одно из очень немногих существующих на свете чудес, которых желаешь больше всего в жизни».

Сказать, что эта созидательная сила, когда она правильно направлена, дает вам возможность добиться успеха, значит ничего не сказать. В конечном итоге, когда Ли использовал ее в области бизнеса (снявшись только в двух фильмах), он добился в переговорах с компанией, которая продюсировала его фильмы, чтобы ее руководители создали совершенно новую фирму, где он получил 50 процентов акций во владение. Когда Брюс задействовал эту силу в любви, он и его жена (которая тоже использовала принципы его философии в их взаимоотношениях) смогли преодолеть расовые различия, подняться над расхождениями в культурных устоях и не принимать во внимание ханжески нетерпимые мнения тех, кто хотел бы воспрепятствовать их любви. Брюс использовал эту созидательную силу также в разработке тех революционных принципов, которые он положил в основу воинского искусства джит кун до.

Взращивание воина внутри себя требует в первую очередь понимания некой философской перспективы, которая для многих из нас представляет совершенно новый взгляд на жизнь и на пути развития мира. В этой книге делается попытка представить читателю эту перспективу через философские озарения и догадки, которые оставил нам Брюс Ли. Я уже давно пришел к выводу, что от других мастеров воинских искусств Ли отличает не

физическое совершенство (каким бы замечательным оно ни было), но его ум, и что его видение мира и философские представления имеют намного более широкую область применения, чем это могло казаться.

Свой вклад, если вы захотите применить именно это слово, я вношу не в философию Ли, ибо его философия — это всецело его собственное достижение, но в способ ее преподнесения. На этих страницах я хотел бы преподнести идеи и учение Брюса Ли таким образом, чтобы — я на это надеюсь — они приобрели значимость для вас, чем бы вы ни занимались в жизни.

Благодарность

Я признателен всем тем, кто помог мне в работе над этой книгой. Таких людей много. Прежде всего я хочу сказать, что неизмеримую благодарность я испытываю к человеку, чью философию и видение жизни я представляю на этих страницах, — к Брюсу Ли. Слова Ли и его пример в первую очередь послужили тому, чтобы открыть глаза автора этой книги на радости философии, и в конечном итоге помогли мне пробудить в себе воина. Я благодарен тем выдающимся личностям и мыслителям, у которых Ли многому научился — непосредственно, как его первый (и единственный) учитель боевых искусств Ип Мэн, или через труды философов первой величины, таких, как Лао-цзы, Конфуций, Алан Уотс, Джидду Кришнамурти и Дайзец Т. Судзуки.

Я выражаю свою благодарность Линде Ли Кэд-велл, вдове Ли. Ее глубокое понимание философии Брюса Ли, так же как и точка зрения, которую она разделяла в отношении влияния других философских учений, помогли мне лучше понять систему убеждений ее покойного мужа. Я хотел бы выразить благодарность Эдриану Маршаллу, адвокату Брюса Ли с 1969 г. и до смерти Ли в 1973 г. И Линда, и Эдриан оказали мне значительную поддержку в моих стремлениях представить и сохранить то, что я считаю истинным наследством Брюса Ли. Кроме того, и это очень важно, они подарили мне свою дружбу. Я также хотел бы поблагодарить учеников

Брюса Ли, в особенности Теда Вонга, Дэниела Ли, Таки Кимуру и Дэна Иносанто, которые поделились со мной некоторыми материалами, имеющими отношение к философии Брюса Ли. Эти материалы он раздавал ученикам своей школы в Чайнатауне в конце 60-х годов. В обсуждении идей Брюса Ли в целом и его философии в частности я провел с ними немало часов.

Наибольшую благодарность я хотел бы выразить покойному Брэндону Ли, беседы с которым в августе 1992 г. побудили меня взяться за серьезное исследование значения духовной стороны боевых искусств и полностью посвятить себя задаче поиска и распространения подлинных материалов, полученных из первых рук, которые подробно излагали бы единственную в своем роде философию его отца и его замечательное наследство.

Многие из тех публикаций, откуда я почерпнул материалы по исследуемой мной теме, больше не существуют. Некоторые из приведенных утверждений Брюса Ли я взял либо из его личных

записей и заметок, либо из обширной выборки «Little-Wolff Creative Group». Однако во всех случаях мною делалась попытка установить или авторов материалов, или их издателей, чтобы получить их разрешение на публикацию. Я чувствую себя в огромном долгу перед теми людьми, которые записывали в блокноты, на магнитофон или видеокассеты свои беседы с Брюсом Ли, ибо то, что они сделали, помогло сохранить замечательную философию этого человека. И наконец, я хотел бы поблагодарить следующих издателей и журналы за подборки, которые включены в эту книгу: Теда Томаса, Алекса Бен Блока, Пьера Бертона и Эльзу Франклин, «Seattle Times», «Seattle Post-Intelligencer», «Springfield Union News», «Hong Kong Standard», «Gastonia Gazette», «Miami News» («Florida Report»), «Movie Mirror», «TV and

Movie Screen», «TV/Radio Mirror» и «Little-Wolff Creative Group».

Моя особая благодарность — «Ohara Publications» и журналу «Black Belt» за их бесценную помощь и разрешение взять цитаты из обширного каталога подлинных материалов Брюса Ли и за огромную работу, которую они проделали ради увековечивания в памяти людей искусства и философии Брюса Ли.

Философские озарения Брюса Ли в афоризмах

Жизнь — это непрерывный процесс установления связей.

Человек, живое создание, созидающая личность всегда интереснее любого общепринятого способа выражения.

Бить кирпичи и крушить доски — не есть цель кунг-фу… В большей степени мы стремимся всецело подчинить ей наш образ мыслей и поведение.

Брэндон вырос на стыке двух культур. В китайской культуре есть свои сильные стороны, есть они и в западной культуре. Его научат, как почерпнуть из одной и из другой некоторые принципы. Брэндон узнает, что восточная и западная культуры не взаимоисключающи, но взаимозависимы. Каждая замечательна сама по себе, но только благодаря существованию другой.

Линда и я не существуем по отдельности. Мы — две половинки, которые и составляют целое. Вы должны посвятить себя тому, чтобы стать семьей — две половинки, созданные, чтобы стать целым, всегда сильнее, чем каждая из них сама по себе в каких бы то ни было обстоятельствах.

Поначалу все это выглядело в точности так, как будто нанимали мальчиков на побегушках. Я сказал Доузье: «Знаешь что, если ты собираешься подписать контракт, где все с косичками, и я тоже, должны скакать под джаз, то ничего не получится». Раньше это был своего рода стереотип такой труппы. Как с индейцами. Настоящего индейца никогда не увидишь по телевизору.

Главное — это научить человека делать то, что нужно ему, быть самим собой… Я против того, чтобы навязывать какой-то определенный стиль человеку. Стиль — своего рода искусство, выражение человеком собственного «я».

Нельзя упорядочить истину. Делать это — все равно что пытаться налить в оберточную бумагу фунт воды и придать ей форму.

Людей разделяют разные стили, ставшие для них законом. Так-то, приятель. Создатель стиля начал с предположения. Но теперь стиль стал библейской истиной, и те, кто принимают его, становятся его продуктом. Не важно, как ты живешь, кто ты, как сложен, как ты создан или как сделан… Как будто это не имеет никакого значения. Ты просто принимаешь стиль и становишься продуктом. Что до меня, считаю, что это неправильно.

Величайшая помощь — это помощь самому себе; другой

помощи и нет, кроме работы над собой — делаешь все, что в твоих силах, полностью посвящаешь себя выполнению поставленной задачи, и получается, что этому процессу нет конца; он продолжается и продолжается.

Люди приходят и все время спрашивают: «Брюс, ты и в самом деле такой хороший?» Я говорю: «Ну, если я скажу вам, что я хороший, вы, вероятно, скажете, что я хвастаюсь. Но если я скажу вам, что я нехороший, вы поймете, что я лгу».

Как только выдавалась свободная минута-другая, Ли возвращался к своим афоризмам, в которых выражалась глубокая истина

Любое познание в конечном счете — познание самого себя. Опустошите свой разум. Станьте аморфным. Бесформенным. Как вода. Налейте воду в чашку — вода станет чашкой. Налейте воду в бутылку — вода станет бутылкой. Налейте ее в чайник — она станет чайником. Вода может течь или может разбиться. Будь водой, мой друг.

Думаю, в Юго-Восточной Азии у меня особая роль. Публику нужно просвещать, и тот, кому предстоит это делать, должен быть в ответе за это. Мы имеем дело с массами и должны создавать что-то, что дойдет до них. Мы должны просвещать их шаг за шагом. Мы не можем сделать это за один раз. Именно этим я сейчас занимаюсь. Получится у меня или нет, покажет время. Но я знаю, что я — призван.

Во все времена конец героев был таким же, как и конец обычных людей. Все они умерли, и воспоминания о них постепенно изгладились из памяти людей. Но пока мы живы, мы должны понять себя, разобраться в себе и выразить себя.

Знания недостаточно — мы должны применять его. Желания недостаточно — мы должны действовать.

Я не хочу выступать в духе «как говорил Конфуций», но под этим небом, под всеми небесами есть только одна семья. Просто так уж получилось, что люди разные.

Размышления о Брюсе Ли

Брюс очень гордился, что он китаец, и хотел, чтобы в кино весь мир увидел часть китайской культуры. Не только борьбу — он хотел привнести в фильмы немного философии. Он изучал все традиционные философские системы, но в какой-то момент начал формировать свою собственную философию и тогда пришел к осознанию невозможности заимствовать философию другой личности. Нужно все понять в самом себе и создать свою философию, найти свой жизненный путь. Брюс верил, что самое важное в мире — это человеческая личность и что каждая личность должна получить знание самой себя, прежде чем она начнет взаимодействовать с другими людьми. Он сумел преодолеть барьеры в общении с людьми.

Линда Ли

В человеке, который заставляет вас поверить в себя, есть что-то совершенно особенное. Какая-то сила, которой обладает только мастер. Брюс делал так, что вы добивались выдающихся успехов, потому что поверили в невозможное. Под его руководством все было возможным. Сомнения отбрасывались в сторону.

Стирлинг Силифант (ученик Брюса Ли)

Брюс обладал огромной внутренней силой, по-другому — ци. Найдите центральную точку вашего тела — она расположена двумя дюймами выше пупа, — и на вас снизойдет своего рода осознание, что все исходит из этой точки. Что-то вроде осей руля у автомобиля, когда одним небольшим поворотом ось может повернуть всю окружность колеса. Как поток адреналина, который вы выпускаете на волю в чрезвычайных обстоятельствах. А он просто мог призывать эту энергию по собственному желанию.

Таки Кимура (ученик Брюса Ли)

Среди учеников Брюса было много японцев и

американцев. Однако, будучи китайцем, я был в состоянии впитать его философию, возможно, легче, чем большинство других. Он рассказывал о Тай-цзи, инь — ян, твердости и мягкости, философии Лао-цзы… Он был усердным учеником всех философских школ, очень интересовался Лао-цзы и верил в высказывание: «Неиспользование пути как путь, отсутствие ограничений как ограничение». После каждого урока с Брюсом я приходил в восхищение, потому что каждый его урок был примером философии в действии. Он не просто говорил на механическом или физическом уровне: «Ударь туда» или «Ударь сюда». Он всегда говорил о философской части, которая придавала особое значение ударам. Например, об инь — ян или «принципе воды»: он четко закладывал этот принцип вам в голову, а затем обеспечивал применение вами этого принципа в действии. Это был иной подход к обучению боевым искусствам. Мы изучали философию с Брюсом, потому что философия для него лежала в основе всего и служила ориентиром при выборе направления. Он действительно был для меня наставником, он показал мне связь между философией и искусством боя. Они неотделимы друг от друга.

Дэниел Ли (ученик Брюса Ли)

Он был очень земной человек. Мог со знанием дела говорить на любую тему. Не только об искусстве боя — он изучал философию, и я часто приходил к нему за советом и задавал множество вопросов. Он всегда уделял мне время, чтобы выслушать и помочь взглянуть на вещи совершенно по-новому. Он давал мне действительно хорошие советы — не только по вопросам искусства боя, но и по жизненным проблемам в целом.

Тед Вонг (ученик Брюса Ли)

Он ощущал очень остро, что если ему удастся сделать так, что люди смогут оценить китайскую культуру, то тогда они начнут ценить и другие культуры. Он верил, что играет свою маленькую роль в установлении мира, гармонии и понимания людьми смысла различных культур.

Дэниел Иносанто (ученик Брюса Ли)

Прежде всего он был учителем. Он учил философии и старался распространять среди людей знание и мудрость. Вот почему он воспринимал официальные учреждения боевых искусств именно так. Потому что многое из того, о чем у них там говорилось, было лицемерием, так что они действительно имели возможность обжуливать людей, которые хотели изучать боевые искусства. Та целостность, с которой Брюс жил и пытался защищать то, что считал правильным, — настоящий пример того, как это должно быть. Чем бы вы ни занимались, делайте это с абсолютной честностью и полной преданностью своему делу. Конечно, он оказал на меня сильное влияние.

Карим Абдул-Джаббар (ученик Брюса Ли)

Прощай, брат мой. Для меня было большой честью разделить с тобой время и пространство. Как друг и как учитель, ты дал мне и соединил воедино физическое, духовное и психологическое начала. Благодарю тебя. Да пребудет душа твоя в мире.

Джеймс Кобурн (ученик Брюса Ли)

Для некоторых, я уверена, он был просто типом, который выделывает всякие штучки-дрючки в зубодробительных фильмах в субботу по утрам, понимаете? В то время как на других он оказал огромное влияние и изменил их жизнь благодаря своей удивительной философии, о которой он писал. Еще для кого-то он — самый потрясающий мастер восточного боя, и я не перестаю удивляться, что его так хорошо знают во всем мире. Думаю, он много сделал для азиатской общины в Голливуде. Думаю, он был первым во многих совершенно разных областях.

Шэннон Ли

Он был моим отцом. Он воспитал меня. Я считаю, что боевые искусства, которые стали неотъемлемой частью моей жизни, — целиком от моего отца… Я хочу сказать, он попробовал показать их мне, как только я начал ходить. Он учил меня всю мою жизнь, до самой своей смерти, а потом, когда я возобновил занятия, это было с его учеником. Поэтому, хотя во время обучения

боевым искусствам я испытывал влияние различных мировоззрений, в наиболее существенной степени боевые искусства для меня связаны с папой, так что я почти не чувствую никакой разницы. Мне кажется, в этом его самое сильное влияние.

Брэндон Ли

Я не могу научить тебя, я могу только помочь тебе исследовать самого себя… Ничего больше.

Брюс Ли

Часть I
Увидеть целое

Глава 1
Истинное значение кунг-фу

Кунг-фу — это философия; это неотъемлемая часть философии даосизма и буддизма; образец отступления перед превратностями судьбы, когда нужно слегка согнуться, а затем распрямиться с большей силой, чтобы обладать терпением во всех делах, чтобы извлечь пользу из ошибок и уроков, которые преподает жизнь. Все это — многочисленные аспекты искусства борьбы кунг-фу; она учит нас способу жить и способу защищаться.

Брюс Ли

Рон вышел на семнадцатом фарватере — у него получился еще один великий день. Всю вторую половину дня он ломал ровный счет на каждой лунке, и семнадцатый не стал исключением. Его партнером по гольфу в тот день был китайский джентльмен по имени Ли Цун. После того как Рон покончил с восемнадцатой лункой — с еще одной пташкой, — Ли Цун похлопал партнера по спине.

— Рон, — сказал он с улыбкой, — вы человек кунг-фу.

— Кунг-фу? — отвечал Рон с озадаченной улыбкой. — Я понятия не имею о том, как взлетают в воздух и дают в зубы! — Он усмехнулся своей находчивости и добавил: — Я играю в гольф, Ли, в гольф. Вам следовало бы научиться произносить правильно это слово, потому что, судя по сегодняшним результатам, я очень даже неплохо играю, скажу вам.

— Я не говорил, что у вас хорошо получаются летящие удары, — пояснил Ли Цун. — Я сказал, что вы человек кунг-фу, и ваше последнее заявление только подчеркивает этот факт.

— Вы не поняли меня, — сказал Рон, укладывая клюшку в сумку для гольфа. — Разве кунг-фу, или как там вы сказали, — не то, чем занимался этот парень Брюс Ли?

— Правильно, — ответил Ли Цун. — Именно это вы и продемонстрировали сегодня здесь, на поле.

Эта история служит хорошей иллюстрацией известной разницы в подходе к боевым искусствам Востока и Запада. Ли

Цун совершенно правильно интерпретирует термин «кунг-фу», что можно ожидать от знатока восточной культуры. Точно так же предсказуема интерпретация кунг-фу Роном, который воспринимает его просто как еще одну форму борьбы. Как вы видите, мы, западные люди, виноваты сами в том, что исковеркали настоящее значение термина «кунг-фу», или «гун-фу», как предпочитал, будучи уроженцем Кантона, произносить его Брюс Ли. Для людей на Западе этот термин означает, в сущности, то же самое, что и восточные единоборства, он понимается как одно из искусств боя, такое, как каратэ или таэквондо. Это, однако, не имеет ничего общего с первоначальным китайским значением кунг-фу.

Кунг-фу, в соответствии с дословным переводом с китайского языка, — это термин, используемый для обозначения великого смысла полной победы или выполненной задачи. Мастер кунг-фу, таким образом, — это человек, который проявляет завидное мастерство в каком-либо деле. Этим делом может быть, по сути, что угодно. О журналисте, например, который исключительно хорошо пишет, можно сказать, что он владеет кунг-фу. О способном художнике также можно сказать, что он проявляет кунгфу, — и так со всеми профессиями и развлечениями, от медицины до верховой езды и от — вы уже сами догадались — воинских искусств до гольфа.

По сегодняшним стандартам, кунг-фу проявляется через отточенность и мастерство, и через достижение этого уровня проявляется уже совершенное владение самим собой. Владение в совершенстве самим собой — по крайней мере, с позиций китайской культуры — это очень нужная, очень желаемая вещь, к которой должен стремиться индивидуум. Почитаемая в Китае традиция утверждает, что мастер кунг-фу проявляет совершенное владение самим собой, будучи видным философом, одаренным алхимиком, сведущим искусным целителем, начитанным студентом-литератором или же талантливым музыкантом. О да, мастер кунг-фу должен также быть способен защищать себя и своих близких, если в этом возникнет необходимость. Однако, как видите, использовать термин «кунг-фу» просто как синоним умения хорошо драться означает допустить вопиющую несправедливость по отношению к этому понятию.

Сказка о трех воинах с мечами

Брюс Ли, человек, которого многие считали воплощением понятия «кунг-фу» в его первоначальном, чистом значении, когда

речь заходила о кунг-фу, любил рассказывать сказку под названием «Три японских воина с мечами». Эта сказка, связанная с именем знаменитого японского кэнсай (святого воина) Миямото Мусаши, произвела па Ли настолько сильное впечатление своим тонким символизмом, что он рассказал ее во время своего выступления по национальному телевидению в Гонконге и даже использовал ее во вступлении к сценарию фильма «Молчаливая флейта», который он написал совместно с актером Джеймсом Кобурном и писателем Стирлингом Силифантом. Вот эта сказка, как ее рассказывал Ли.

> Три воина с мечами сели за стол в переполненной людьми японской гостинице и принялись громко обсуждать своего соседа — в расчете на то, что их замечания побудят его вступить с ними в сражение. Мастер Мусаши, величайший самурай во всей Японии, казалось, не обратил на них внимания, но, когда их реплики стали еще более оскорбительными и очевидными, он взял палочки для риса и, действуя как ножницами, мгновенно и без всяких усилий поймал за крыло четырех мух. Когда он медленно положил палочки, три воина поспешно покинули комнату.

Причина, по которой воины внезапно перестали оскорблять Мусаши, заключалась не в том, что, как некоторые из нас, западных людей, возможно, поспешили предположить, их поразило умение этого человека ловить мух палочками для риса. Просто они поняли, что искусство, которое обнаружил этот человек через обращение с палочками, означает высшую степень кунг-фу — совершенное владение самим собой, — стало быть, этого человека следует обходить стороной. Их вывод подчеркивает старинное китайское убеждение, что человек, достигший совершенства в любом искусстве, обнаруживает присутствие духа в каждом своем действии.

Ли рассказывает историю «Три японских воина с мечами» во время выступления на гонконгском телевидении в 1970 г

Говорят, что древние мастера кунг-фу были искусными массажистами, травниками, успешно практиковали акупунктуру. Западная медицина только недавно начала признавать или даже изучать их методы лечения болезней тела, разума и духа. Например, когда обнаружили, что трава ma huang, применявшаяся еще тысячу лет назад для лечения астмы, на самом деле содержит эфедрин, то есть именно то средство, которое прописывают врачи на Западе в случае этой болезни, только тогда западная медицина осознала, что, возможно, свой вердикт в отношении по крайней мере ряда методов лечения болезней на Востоке она вынесла слишком поспешно. Точно так же древнее искусство акупунктуры, которое в настоящее время широко применяется в спортивной медицине благодаря своим чудесным целебным и обезболивающим свойствам, давным-давно используется в тренировках кунг-фу. Однако западной медициной оно отвергалось в течение почти всего двадцатого века.

Для западного ума характерно упорное стремление распознавать и раскладывать по полочкам все, с чем сталкивается человек, разделяя явления на удобные категории. Чаще всего эти категории сводятся к двум простым: безопасно и небезопасно. Те явления, с которыми мы более или менее знакомы, попадают в первую категорию, другие же, неизвестные, чуждые, мгновенно помещаются во вторую.

Конечный результат такой практики приводит к тому, что мы вдруг обнаруживаем, что слишком заняты наклеиванием ярлыков и находимся слишком далеко от течения жизни, чтобы принимать в ней участие или, по крайней мере, наслаждаться ею в той степени, которую можно назвать значительной. Короче говоря, нам недостает более широкого видения. Брюс Ли говорил:

> Кунг-фу практикуют не только ради здоровья или обучения самозащите, но также для развития ума. Даосские священники и китайские монахи применяли кунг-фу как философию, образ мышления, где практикуются образцы отступления перед превратностями судьбы, чтобы слегка согнуться, а затем распрямиться с большей силой. Частью кунг-фу как дисциплины являются такие качества, как терпение и умение извлекать пользу из своих ошибок.

Таким образом, для кого-то, возможно, будет потрясением узнать, что Брюс Ли, человек, известный на Западе в первую очередь как звезда фильмов действия и преимущественно как борец, в действительности был человеком кунг-фу в первоначальном значении этого термина. Ли был философом, человеком, которого интересовали вопросы поведения людей, человеком, который стремился понять огромный и сложный окружающий мир. Оборачиваясь назад, можно сказать, что Ли был удачливый философ. Учитывая глубину его ума и тот факт, что его фильмы и слова приобрели истинных приверженцев по всему миру, можно с определенной степенью точности сказать, что человек этот был мудрецом.

В словах Ли содержится мудрость, слишком глубокая для его возраста, мудрость, которая приоткрывает степень понимания им сути вещей. Это не значит, что восприятие предназначения человека пришло к нему чисто интуитивно. Ли долго и упорно изучал разнообразные труды по философии, религии, учения о духовности. Он читал и перечитывал страницы высказываний таких философов, как Лао-цзы, Чжуань-цзы, Сунь-цзы, Конфуций, Цзы-Йе, Сократ, Платон, Барух Спиноза, Рене Декарт и Давид Хьюм, а также более современных мыслителей, таких, как Джидду Кришнамурти, Д. Т. Судзуки и Алан Уотс. В их словах он искал вечные истины и пытался узнать больше о высшей природе души, о Вселенной, из которой она возникает, и о роде людском в целом. Именно философия была настоящей страстью Ли. Через боевые искусства он просто предпочел выражать ее.

К счастью, Ли охотно делился своими убеждениями с другими. Фактически именно через публичные интервью его взгляды и убеждения доходили до людей в наиболее красноречивой форме. Некоторые из журналистов, с которыми он разговаривал, понимали, насколько выдающимся был его ум, и сохранили аудио- и видеозаписи, чтобы пользоваться ими как поучениями для самих себя и проанализировать их. Но большинство этого не делали. И все-таки тем из нас, кто хочет

сегодня почерпнуть что-то из мудрости этого вдохновенного мыслителя, повезло, потому что частично сохранились аудио- и видеозаписи публичных выступлений Ли и его записи, позволяющие осознать и использовать для самой жизни его философское видение.

Вершина эволюции боевых искусств

Как и кунг-фу в своем истинном значении, философия Брюса Ли заключает в себе намного больше, чем просто техническое искусство боя. В самом деле, чтобы по достоинству оценить философию этого человека, необходимо выйти за рамки воинских искусств. В конце концов, мы уже стучимся в дверь двадцать первого века, и в вопросах боя человечество прошло эволюционный процесс и добралось до бомбардировщика «Стелс» и автомата Uzi. Хотя многочасовые интенсивные, сложные тренировки с применением чисто технических приемов рукопашного боя высшего пилотажа достойны всяческой похвалы, в том смысле, что они помогают развивать усердие и повышать мастерство, тем не менее шансы успешно применить свое искусство на улицах города весьма невелики, особенно в мире, где безраздельно господствует оружие.

Количество усилий, которые необходимо затратить, например, чтобы достичь мастерства во владении древними вращающимися орудиями острова Окинавы (первоначально это включалось в древние воинские искусства с конкретной целью выбивать японских всадников из седла), теперь представляется по большей части не соответствующим требованиям времени и весьма непрактичным способом подготовиться к возможности нападения на улицах сегодняшних городов. Достаточно лишь пролистать газеты, чтобы обнаружить, что подавляющее большинство бандитов в наше время не испытывают ностальгии по прежним временам с их уличными боями. Как следствие, на улицах Нью-Йорка убито больше мастеров рукопашного боя, чем их было повержено в самом разгаре Боксерского восстания в Китае, — по иронии судьбы, между прочим, по одной и той же причине: неспособности большинства мастеров боевых искусств приспособить свою философию к требованиям времени и развитию техники сражений.

Статистика показывает, что в наших крупных городах люди носят с собой оружие, которое позволяет лишить вас жизни с расстояния от тридцати до девяноста футов, а иногда и с более дальнего. При таком положении вещей посвящать лучшую часть

жизни изучению техники рукопашного боя, первоначально предназначенной для победы над невооруженным противником, с тем чтобы защищаться против вооруженного автоматом бандита наших дней, вряд ли целесообразно. Правила игры изменились. Мир стал другим. И большей части мастеров боевых искусств необходимо установить стрелки своих часов в соответствии с реальным временем.

Все сказанное не означает, что обучение боевым искусствам не имеет смысла в наши дни — просто нет необходимости концентрироваться только на элементах рукопашного боя, если ваша цель — поиски истины, стремление обрести жизнь, которая стоила бы того, чтобы жить. Непреходящая ценность изучения боевых искусств заключается в том, что посредством их вы выражаете себя и затем приходите к лучшему пониманию самого себя с точки зрения духовности — через все более растущее осознание своих ресурсов и ограничений.

Я уже слышу протесты: «Но ведь, без сомнения, боевые искусства действительно эффективны при самозащите в некоторых ситуациях!» Это верно — так же, как если бы речь шла и о томагавке. Однако ни то ни другое не в состоянии защитить вас от потока пуль из магазина полуавтоматического оружия, типа того, что используется в автомобильных перестрелках, так часто происходящих в наши дни на улицах крупных городов. Нет сомнений, что боевые искусства полезны: они выступают как замечательные предпосылки здоровья и духовного самосовершенствования, однако намерение включить любое из них в число законных средств защиты против оружия наших дней в лучшем случае выглядит непрактичным, а в худшем — просто глупым. Сам Брюс Ли признавал этот факт эволюции техники сражений. Именно так он и говорил в своем знаменитом «Потерянном интервью»:

> В наши дни не ходят по улицам, раздавая тумаки направо и налево, потому что, если вы так сделаете, кто-нибудь вытащит пистолет и — пух! Вот и все. Я хочу сказать, что мне не важно, насколько хорошо вы владеете боевыми искусствами.

Брюс Ли, как вы скоро узнаете, был очень реалистическим человеком, и поэтому именно он выступал против траты времени на подготовку к сражениям, которым не суждено случиться. В то время как он восхищался красотой движений и искусством, необходимыми, чтобы достичь мастерства в различных видах борьбы, он отдавал себе отчет, что в основном все эти упражнения — из школы доисторического периода. Даже еще в

60-е годы для Ли было ясно, что способы тренировки большинства мастеров боя похожи на обучение танцам: людей учили движениям, которые со стороны были очень красивы, они производили достаточно сильное впечатление, но если бы вы попытались использовать их, чтобы защитить себя или своих близких на улицах города, ваши шансы уцелеть были бы такими же, как у ученика танцевального класса.

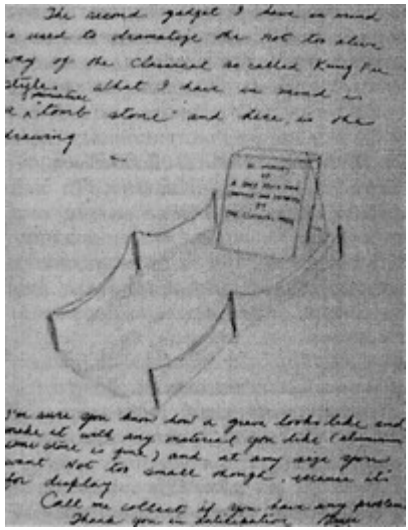
Ли даже придумал своего рода пародийный надгробный камень, который стоял у него на рабочем столе. Камень был призван открыть посетителям отношение Ли к тем, кто слепо следует классическим традициям прошлого, вместо того чтобы идти в ногу с прогрессом боевых искусств. Надпись на камне гласила:

ПАМЯТИ КОГДА-ТО ПОДВИЖНОГО ЧЕЛОВЕКА, ПЕРЕКОРМЛЕННОГО И ИЗУРОДОВАННОГО В КЛАССИЧЕСКОЙ СТОЛОВОЙ

Во время публичного интервью, проведенного журналистом Алексом Блоком, Ли выразился еще более категорично:

> Большинство инструкторов боевых искусств зверски упрямые, понимаете? Вот их позиция: «Ну, двести лет назад учили так, значит, следует продолжать учить именно так». Настаивая на своем — я хочу сказать, вы уже это делаете! — вы по-прежнему останетесь в [этой временной капсуле]. Вы никогда не вырастете, потому что учение — это познавание нового. Это процесс постоянного открытия. В то время как если вы следуете старым методам, это будет означать для вас повторение снова и снова того, что семьсот лет передавалось из поколения в поколение.

Ли назвал такое повторение практики устаревших боевых искусств «организованной безнадежностью» и всю оставшуюся жизнь стремился найти подход к вечной проблеме нападения — во всех ее формах, — который бы соответствовал духу двадцатого столетия.



Письмо Ли своему другу и ученику Джорджу Ли (никакой родственной связи) в середине 60-х годов. Брюс Ли нарисовал чертеж и написал фразу, которую он хотел бы поместить на миниатюрный надгробный камень. Эти слова полностью выражают его чувства в отношении традиционных форм боевых искусств
Надпись на картинке:
«Вторая вещичка, которую я придумал, нужна, чтобы подчеркнуть поярче не слишком жизненный способ выражения так называемого классического стиля кунг-фу. Что я имею в виду? Миниатюрный «надгробный камень». Вот чертеж:
Памяти когда-то подвижного человека, перекормленного и изуродованного в классической столовой.
Уверен, вы сами знаете, как выглядит плита, так что сделайте ее из любого материала, который вам нравится (отлично подойдет алюминий), и любого размера. Не делайте его только слишком маленьким, потому что он нужен для демонстрации.
Звоните за мой счет, если возникнут какие-то проблемы.
Заранее благодарю, подпись».

Именно по этой причине истинное наследство Брюса Ли выходит далеко за пределы просто круга боевых искусств. Его философия принадлежит исключительно мастерам боя не в большей степени, чем философия Ницше принадлежала исключительно Гитлеру и нацистской Германии. Ли был мастером, гуманистом и, сверх того, мыслителем. Он был человеком, чье красноречие — в противовес кулакам — оказывало влияние в равной степени на политиков и чиновников, кинозвезд и людей не столь выдающегося социального положения. Что еще более важно, Ли был человеком, чьи идеи и философия давали ему возможность успешно бороться с расизмом, финансовыми затруднениями, совладать с чувством любви и боли, радости и печали, решать проблемы брака, отцовства, дружеских отношений, другими словами, помогали быть хозяином своей жизни.

В то время как учение Ли в отношении боевых искусств ограничивалось объяснением того, что человеческое существо может сделать со своими четырьмя конечностями, его идеи в

области духа и разума были безграничны.

Именно в сфере личного совершенствования через новые открытия и конечное владение самим собой можем мы идти вперед в наши дни. Если эта концепция видится вам в большей степени истинным значением термина «кунг-фу», вы начинаете прозревать.

Глава 2
Опустошим нашу чашу

Если философии Брюса Ли предстоит играть значительную роль в жизни большинства из нас — тех, кто не занимается боевыми искусствами, — нам придется обратиться к высшим принципам, которые лежат в основе системы его убеждений. И поскольку таковые установлены, мы можем далее обращаться к ним для решения более широкого круга проблем, с которыми мы, вероятнее всего, будем встречаться в своем повседневном существовании. В конце концов, не ко всем из нас обращаются с просьбой сойти с ежевечернего пути следования домой с работы и вступить в рукопашный бой на улице или же проделывать нечто похожее по выходным дням на поле для игры в гольф. Всем из нас, однако, полезно узнать больше о самих себе и об окружающем мире, чтобы лучше понять, как справляться с многочисленными превратностями судьбы, которые, кажется, постоянно подстерегают нас на жизненном пути. И с этой целью нам нужно понять, как наша жизнь вписывается во Вселенную в целом.

Дао

Не важно, предпочитаете ли вы путь Запада или путь Востока, в основе обоих лежит путь Вселенной, общий знаменатель, который объединяет их в огромную всеобщность. Постигнуть это, независимо от того, каковы на данный момент наши личные предпочтения, — значит почувствовать свободу как на высоком, так и на низком уровне, другими словами, in toto. Китайцы называют это метафизическим «очертанием страны» Дао, и, возможно, было бы уместным коротко прокомментировать положение дел.

Если Вселенную сравнить с простором океана, мы можем уподобиться отдельным волнам, которые появляются и исчезают с его поверхности. Все волны отличаются друг от друга, и все-таки они все связаны с океаном. Весь этот океанический процесс в любом виде (то есть прилив и отлив, отдельные падающие капли, волны, завихрения и водовороты) и будет Дао. (Прочитайте, пожалуйста, комментарии Алана Уотса по этому вопросу в его эссе «Эко-дзэн», представленном в приложении к этой книге.)

По Брюсу Ли, Дао может постичь только тот ум, который

свободен от тревоги:

> Принципу кунг-фу нельзя научиться, подобно какой-нибудь науке, путем установления фактов и обучения фактам. Этот принцип подразумевает стихийный рост — рост разумом, свободным от чувств и желаний. Ядром этого принципа кунг-фу и является Дао — стихийность Вселенной. У слова «Дао» нет точного эквивалента в английском языке… Я использовал слово «истина». Истина стоит за кунг-фу, та истина, которой должен следовать каждый, кто практикует кунг-фу.

Некоторые из вас, читая эти строки, возможно, говорят: «Постойте, постойте! Эта лодка плывет уже по неисследованным морям. Все эти разговоры об универсальных реальностях и Дао совершенно мне чужды — я не чувствую себя спокойно среди них. По сути дела, я не в состоянии понять, каким образом знание о пути Вселенной может помочь мне решить мои проблемы!» Однако, мой дорогой читатель, именно здесь вы не правы. Знать свою проблему, то есть быть способным понять истинную проблему (то, на видоизменение чего вы влияете), очень важно, однако очень немногие за всю свою жизнь пытаются научиться распознавать истинную проблему. То, что вы испытываете трудности, это факт. То, в чем вы нуждаетесь, это совершенно другой вопрос.

К сожалению, если вы обратитесь за решением проблем к западной философии, вы обнаружите, что, как правило, она создает больше проблем, чем решает. Например, в конце своего выдающегося труда «Логико-философский трактат» философ Людвиг Витгенштейн (1889–1951) обнаруживает, что философские проблемы, принимаемые нами за «крупные», на самом деле — бессмысленные вопросы и что «разрешение» их не в ответах, а в понимании присущей им бессмысленности. Как только этот факт осознан, как только приходит понимание, что смысл жизни состоит в том, что она не имеет смысла вообще, сразу же наступает освобождение от этих «проблем». Фактически единственное, в чем мы можем быть уверены, это в видимых доказательствах существования. Как заявляет Витгенштейн в первом из семи суждений, содержащихся в трактате: «Мир — это единственное, что верно».

В то время как в самих суждениях на самом деле есть определенные достоинства, Витгенштейн продолжил свою теорию, создав последовательности пронумерованных наблюдений к каждому суждению или, скорее, наблюдения о наблюдениях о наблюдениях. Например, первая страница его

трактата начинается следующим образом:

1. Мир — это единственное, что верно.

1.1. Мир — это совокупность фактов, а не предметов.

1.1.1. Мир определяется фактами и тем, что это все факты.

1.1.2. Совокупность фактов определяет, что верно, а также все, что неверно.

1.1.3. Факты в логическом пространстве составляют мир.

1.2. Мир разделяется на факты.

1.2.1. Каждая позиция может быть верна или неверна, в то время как все остальное остается тем же самым.

2. То, что верно, — факт — это отражение реального положения дел.

Конечный результат подобного гиперанализа привел к еще большему замутнению тех вод, которые Витгенштейн надеялся просветлить. По-прежнему, несмотря на отдельные попытки западной философии успокоить наши печали и тревоги посредством интеллекта (как мы узнаем в дальнейшем, такой метод, как метод Витгенштейна с его акцентом на анализ, анализ и еще раз анализ, — это шаг в неверном направлении), мы остаемся людьми, обуреваемыми тревогами.

По иронии, многое из того, о чем люди беспокоятся или считают серьезными проблемами, на самом деле просто результат восприятия жизни через призму несостоятельной системы ценностей. Именно поэтому необходимо — по сути, жизненно важно — прийти к точному пониманию путей Вселенной, в пределах которой вы действуете. Если вы сначала узнаете эти пути Вселенной, если вы прежде всего выясните точно, какие вещи действительно поддаются контролю в зависимости от вашей воли (и, следовательно, заслуживают, чтобы вы уделяли им место в ваших мыслях и заботах), а какие нет, ваша жизнь внезапно в значительной степени освободится от проблем.

Если уподобить личные проблемы листьям на ветвях дерева, то тогда решение этих проблем заключается в том, чтобы понять истинную природу ветви, которая питает листья и на которой они живут, или же, если взглянуть поглубже, постараться осознать существование самого корня дерева с ветвью, где произрастают эти листья-проблемы. В своих размышлениях Ли приходил к отождествлению этого с Дао, или универсальным порядком вещей:

> «Бесполезно спорить о том, какой лист, очертание ветвей или красивый цветок вам нравится. Когда вы придете к осознанию корня, вы поймете все, что из него

произрастает».

Разрешите мне немного отклониться в сторону, чтобы привести пример. Одно время я работал на магната бодибилдинга Джо Вейдера. Вейдер взял меня в штат, чтобы я писал статьи на тему о здоровье и хорошей форме, а поскольку моя работа включала в себя отчеты о соревнованиях по бодибилдингу, мне часто приходилось летать на самолете. Во многих подобных случаях я оказывался на борту самолета, совершавшего долгий рейс в какой-нибудь отдаленный пункт, где происходило очередное событие. Утомление от полета усугублялось тем, что рядом со мной турагент Вейдера сажал одного из членов коллектива — я назову его Джефф, — который открывал рот, как только вступал на борт самолета, и не закрывал его до самой высадки. И если бы мне приходилось выслушивать мнение Джеффа (о котором я не спрашивал) только по поводу всевозможных аспектов соревнований по бодибилдингу, тренировок и питания! Я выслушал также историю его жизни, начиная от молекулы ДНК и до наших дней.

Однажды я услышал, как Джефф на повышенных тонах обсуждает что-то с другим журналистом. Журналист этот имел вполне заслуженную репутацию осведомленного человека, но, пока он терпеливо слушал, ожидая возможности высказать свою точку зрения по вопросу, о котором разглагольствовал Джефф, последний вдруг резко закончил беседу, заявив: «Нет смысла спорить со мной на эту тему. Я гораздо больше вас думал об этом». С этими словами он повернулся на каблуках, оставив своего якобы участвующего в разговоре собеседника в полном замешательстве.

Хотя нельзя отрицать, что Джефф был весьма сведущ в вопросе, о котором шла речь, проблема заключалась в том, что для него потребность доказать правоту своей точки зрения оказалась сильнее желания добраться до истины. Другими словами, он благополучно отгородился от возможности узнать что-то новое или услышать другое мнение по этому вопросу. Можно допустить, что не все из нас получают удовольствие от горячих споров — каким бы поучительным для конкретного индивидуума не было их содержание, однако необходимо отметить, что спор — это предвестник понимания и духовного роста.

Разногласия можно уподобить ураганным ливням, в том смысле, что хотя мы предпочли бы ясный день, тем не менее они необходимы для роста и развития всего живого на планете, а от ее благополучия зависит само наше существование. Если

посмотреть еще более глобально, с позиций макрокосма, то есть Дао, разногласия или споры часто помогают посеять семена понимания и взрастить в саду нашего разума новые идеи и принципы, которые и приведут к новым озарениям, концептуальным связям и духовному прозрению.

Однако Джеффы этого мира отказываются взглянуть на большую перспективу — на лес, каким бы он ни был, — из боязни не увидеть деревьев. Они служат архетипом микрокосмической перспективы. Их разум заранее настроен на конкретные предметы, и таким образом они делаются глухи к доводам других, какими бы точными или обоснованными ни были эти доводы. Далее, поскольку подобные индивидуумы полагают, что у них есть ответы на все вопросы, им уже не так интересно стремиться к озарениям или пониманию, они стараются переспорить человека и склонить его к своей точке зрения.

Но победа над собеседником сама по себе не должна быть целью какого бы то ни было спора. Вместо этого следовало бы сосредоточиться на расширении своего понимания жизненных путей. Желание победить на самом деле идет вразрез со смыслом Дао, так как создает ложный дуализм — немедленное разделение победившего и проигравшего — и приводит затем к сдвигу акцента от работы над разрешением собственных проблем и расширением существующего на данный момент уровня понимания к боязни проиграть и задаче победить любой ценой.

Поскольку понимание и личный рост являются постоянными эволюционными процессами, позиция «Я знаю все, что мне нужно знать на данный момент» идет вразрез с сутью реальности и только привлекает внимание к факту задержки познавательного развития. Вместо того чтобы активно искать обращенных в точку зрения частичной истины, нам следовало бы стремиться к расширению собственного понимания, к приятию того факта, что знание, как и сама жизнь, — это непрекращающийся процесс, его невозможно в нужное время удержать на одной точке — или точке зрения. Правда, если вы стремитесь выразить именно ее, не нуждается в защитниках — она просто существует. Таким образом, прикладывать огромные усилия, чтобы передать очевидное, неразумно, так зачем же волноваться по этому поводу? Как сказано в «Дао дэ цзин»:

> Мудрым не нужно доказывать свое мнение.
> Те, кому нужно доказывать свое мнение, не являются мудрыми.

Другими словами, те, кто настаивает на том, чтобы

доминировать в беседе, кто отказывается слушать доказательства или точку зрения, противоположную тому, во что, по их мнению, следует верить, тем самым закладывают фундамент для догмы — узколобая позиция, которая мало-помалу задушит способность к истинному познанию. Брюс Ли демонстрировал ошибочность узколобой позиции с помощью одной из своих любимых историй; он рассказывал о мастере дзэн, который принимал у себя профессора университета — тот приехал к нему, чтобы узнать о дзэн. Он был очень похож на нашего друга Джеффа.

> Для мастера с самого начала разговора было очевидно, что профессор хотел не столько узнать что-то о дзэн, сколько произвести впечатление на мастера своим собственным мнением и познаниями. Ученый муж постоянно прерывал его разными замечаниями типа: «О да, у нас тоже это есть» и т. д.
>
> В конце концов учитель дзэн перестал говорить и начал заваривать чай для профессора.
>
> Он стал наливать чай в чашку, наполнил ее, но не останавливался, и чай полился из чашки.
>
> «Хватит! — прервал его действия ученый муж. — Чашка уже полна, больше нельзя лить!»
>
> «В самом деле это так, я вижу, — ответил учитель дзэн. — Как и эта чашка, вы полны собственных мнений и размышлений.
>
> Если вы сначала не опустошите свою чашку, как вы можете попробовать мой чай?»

Необходимость опустошить чашку, или открыть свой разум, послужит нам метафизической отправной точкой. Давайте предположим на мгновение, что мы здесь, на Западе, не располагаем ответами на все вопросы. Давайте возьмем чистый лист, отбросим предвзятые идеи, пристрастия, мнения или предрассудки, которые повлияют на наши суждения или воспрепятствуют попытке приобрести новое понимание путей мира.

Глава 3
Пути мира

Брюс Ли замечал, что в жизни очень мало что остается статичным. Внутреннее состояние человеческого тела, например, постоянно меняется; новые клетки заменяют старые в бесконечном процессе, который представляется высокодинамичным и непрерывным. И все-таки, несмотря на это удивительное обстоятельство, организм пребывает в определенном равновесии, в состоянии внутренней неизменности, которое в равной степени важно для продолжения жизни, как и изменение. Наш организм стремится поддерживать постоянную температуру тела: 36,6 °С, кровяное давление в определенных параметрах и в то же время постоянно имеет дело как с глубокими изменениями на клеточном уровне, которые случаются ежедневно или ежемесячно, так и с теми, которые происходят каждое мгновение.

Эти изменения являются результатом разнообразных влияний, оказываемых на организм как извне, так и изнутри, которые посягают на нас еще до рождения и остаются с нами до самой смерти. Эти влияния могут принимать форму таких ощущений, как боль, радость, жара, холод, душевный конфликт, мышечная активность и т. д., и постоянно угрожают нарушить внутренний баланс, который американский физиолог Уолтер Б. Канон называл «гомеостаз» (от греческого homios — «подобный» и stasis — «положение»). Забавно, что, в то время как наш организм стремится сохранять состояние гомеостаза, природа этого процесса влечет за собой изменение как предпосылку достижения этого состояния. Получается очевидный парадокс: изменение является необходимым условием для того, чтобы организм оставался в состоянии неизменности. Брюс Ли однажды заметил, что *«изменяться с изменением — это неизменное состояние».*

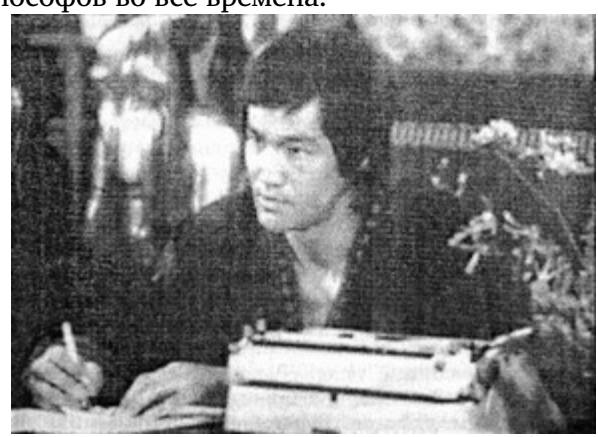
Именно состояние «неизменного изменения» — это истинное состояние нашего организма, внутренней его среды. Афоризм Ли подчеркивает принцип инь — ян, то есть взаимозависимость очевидных противоположностей как непременное условие существования человеческого организма (о чем мы подробно поговорим в следующей главе этой книги). Организм, однако, является просто отражением в миниатюре тех естественных законов, которые регулируют прилив и отлив космической Вселенной, частицей которой он является. А раз так, для нас становится возможным научиться понимать путь внешнего мира

путем изучения мира внутреннего.

По этому вопросу Лао-цзы (примерно 600 г. до н. э.), легендарный основатель даосизма, сделал следующее замечание:

> Можно знать о мире, не выходя из дома.
> Можно увидеть Путь Небес, не выглядывая в окно.

Когда мы исследуем путь внутреннего мира, мы не можем не заметить, что изменение является присущей ему силой. Такие факторы, как азот в крови, уровень гормонов, электролитный баланс, водный баланс, кислотно-щелочной баланс, уровень сахара в крови и другие, более сложные процессы, находятся в непрерывном движении, они приспосабливают организм к жизненным коллизиям, с тем чтобы сохранить внутренний баланс организма и его физическое существование. Такое подвижное состояние человеческого организма приводит к постоянным изменениям эмоций, различных импульсов, чувства благополучия и даже духовного видения мира. Поскольку этот феномен внутреннего изменения является попросту отражением во много раз большего всеобщего внешнего процесса, то нам не приходится удивляться, что его метафизическая природа служила объектом наблюдений и теорий со стороны как восточных, так и западных философов во все времена.



Идея Дао в значительной степени пронизывала все, что делал Брюс Ли, от съемки фильмов и личных записей до суждений об искусстве борьбы и его художественных набросков

Философ досократовских времен Гераклит (приблизительно 500 г. до н. э.), например, в одном из своих трудов пишет: «Все течет, ничто не остается неизменным». Гераклит относил свое заявление к конечной реальности внешней Вселенной, которая, как мы уже видели, действует в соответствии с законами, идентичными тем, что управляют человеческим организмом.

Именно через такое метафизическое наблюдение постоянного изменения как нашей внутренней, так и внешней Вселенной, состоящей из многообразных явлений различной направленности, можем мы прийти к лучшему пониманию истинной природы, или окружающего нас мира.

Однако как раз на этом невинном наблюдении и заканчивается обоюдность культурного видения мира. Брюс Ли присоединялся к очень старой общемировой точке зрения, что для воспитанных в иудейско-хрис-тианской традиции людей Запада совершенно чуждым является взгляд фундаментального китайского даосизма и индийского буддизма на истоки мира. В соответствии с этими учениями, мир обрел существование не в процессе его создания ступень за ступенью — вроде процесса постройки дома или авиамодели, а, скорее, через что-то, что случилось спонтанно — так, как внезапно расцветает цветок. Нас не поместили в этот мир — мы просто выросли из него.

Эта особая форма органической деятельности — в противоположность конструктивной — обычно представлена в восточном искусстве многорукой и многоголовой фигурой божества, такой, как, например, фигура Авалокитешвары из Тибета, от которой произошла китайская богиня Гуаньинь. Гуаньинь еще известна как богиня милосердия (между прочим, это явно китайское верование, так как Гуаньинь стала божественной фигурой только после того, как ее культ достиг Китая), хотя ее основное значение — воплощение действия естественных сил и мощи природы, как об этом сказано выше.

Интересным моментом в культе Гуаньинь является тот факт, что она изображается с тремя лицами и тысячью рук. Обычный западный человек, скорее всего, почувствует искушение сделать ехидное замечание по поводу необыкновенно трудной проблемы координации, которую должно представлять такое обилие конечностей, при этом забывая, что мы ежедневно сталкиваемся с не меньшей проблемой просто в процессе бытия и наших занятий. Как мы уже видели, наш собственный организм способен сам преобразовывать изменение в состояние очевидной неизменности, выполняя всевозможные невероятно сложные функции одновременно, — и тем не менее мы никогда не останавливаемся, чтобы подумать о каждом отдельном аспекте, процессе или функции, совокупность которых определяет наше ежедневное существование. В том же духе высказывается прославленный автор трудов о дзэн Алан Уотс (1915–1973), пересказывая историю о сороконожке в своей известной книге «Путь дзэн»:

Сороконожка счастливо жила,
Когда жаба, забавляясь, однажды
Спросила:
«Бог мой, какая нога идет за какой?»
Сороконожкин ум заработал,
Как безумная, бросившись в ямку,
Она думала: как же ходить?

Брюс Ли любил рассказывать эту басню, чтобы проиллюстрировать мысль о возможности возникновения подобной ситуации с нами, если мы решим отправиться на поиски путей мира исключительно посредством анализа или каких-то осознанных процессов. Ли часто указывал, что, когда мы останавливаемся, чтобы проанализировать свои действия, мы помогаем развиваться тому негативному состоянию, которое он называл «психологическая остановка». Если, например, мы останавливаемся, чтобы проанализировать процесс работы дыхательной системы каждый раз, когда делаем вдох, или чтобы понять, как центральная нервная система передает электрические импульсы, или чтобы проанализировать более предметные действия, такие, как вышивание или завязывание галстука, мы, как та сороконожка, теряемся в лабиринте мыслей и в результате не способны выполнить самую простейшую задачу. Ли развивал эту концепцию, приводя цитату из книги Дайзеца Т. Судзуки «Дзэн и японская культура», в которой содержится метафора, имеющая отношение к Гуаньинь:

> Гуаньинь, богиню милосердия, иногда представляют тысячерукой, и каждая из ее рук держит какое-нибудь орудие. Если ее разум остановится на функции, например, копья, все остальные руки (999) будут вообще бесполезны. Только потому, что ее разум не останавливается на функции одной из рук, но движется от одного орудия к другому, все ее руки оказываются в высшей степени полезными. Так, фигура богини призвана показать, что, когда осознана высшая истина, каждая даже из тысячи рук на одном теле может принести пользу тем или иным способом.

Таким образом, западный человек может задать вопрос: «Как это возможно, чтобы Гуаньинь могла использовать так много рук, лиц и глаз?» В равной мере можно было бы спросить: «Как сороконожка может успешно пользоваться таким множеством ножек?» или же: «Как я заставляю свой организм

функционировать с помощью такого количества как будто бы не связанных между собой, но тем не менее работающих одновременно частей и при этом никогда сознательно не задумываюсь над этим процессом?» На все эти вопросы Брюс Ли отвечал, что такие процессы управляются не посредством сознательного размышления, а, скорее, другим процессом, который управляет сам собой.

В представлении Ли естественный порядок вещей являет собой скорее демократический процесс, чем монархический. При монархии мы, очевидно, имеем один политический фокус, централизованную власть, которая говорит всем своим подданным, что делать. При демократической системе управления, однако, существует нечто, весьма напоминающее живой организм. Здесь мы наблюдаем процесс самоуправления или саморегулирования, где всевозможные составные части постоянно развиваются и изменяются независимо, но функционируют вместе в соответствии с гармонической структурой Дао. Лао-цзы так говорит об этом:

> Великое Дао течет везде.
> Из него рождаются все вещи,
> И все же оно не творит их.
> Оно изливает себя на свое произведение,
> И все же оно ни на что не притязает.
> Оно питает бесконечные миры,
> И все же оно не держится за них.
> Поскольку оно сливается со всеми вещами
> И скрыто в их сердцах, его можно назвать смиренным.
> Поскольку все вещи исчезают в нем
> И только оно одно продолжается во времени,
> Его можно назвать великим.
> Оно не осознает своего величия;
> И потому оно воистину велико.

Именно так понимается конечная реальность, которая не господствует во Вселенной, управляя ею, то есть указывая, что делать, но предоставляет ей свободу органично организоваться. Другими словами, для Дао характерной чертой является то обстоятельство, что, пребывая везде и во всем, давая жизнь всему сущему, оно никогда не выступает с позиций владения или диктата. Дао индифферентно и безусловно, что, по сути дела, является мерой его величия. Если смотреть шире, эти качества являются мерой величия тех индивидуумов, которые следуют его примеру и принимают вещи такими, какие они есть, не ищут

личной выгоды и не используют других в качестве средства для достижения своих целей. Фактически, это единственный значимый способ, которым может действительно измеряться величие человеческих существ.

Жизнь: единство вещей

Перенесемся от сотворения мира к августу 1993 г. Журнал «Черный пояс» попросил меня осветить одно событие в Superior Galleries в Беверли-Хиллз, Калифорния. Это была выставка «Коллекция Брюса Ли», на которой впервые были представлены многие из личных записей Брюса Ли. В тот день с аукциона был продан один из самых потрясающих с точки зрения философии документов — эссе, которое Ли написал в начале 60-х годов, когда посещал школу в Сиэтле, штат Вашингтон.

Сочинение Ли «Жизнь: единство вещей» полностью освещает его точку зрения на подход западной философии к жизненным принципам Востока. Характеризуя убеждения Ли в отношении путей мира или же определяя природу конечной реальности (того, что профессора философии любят называть метафизикой), эссе служит замечательным началом для изучения системы философских взглядов Ли, так как на страницах эссе он говорит о самоочевидных понятиях и о природе отношений, зависящих друг от друга:

> Все действительно находится в реальных взаимоотношениях со всем, это взаимность, в которой субъект создает объект в той же степени, как объект создает субъект. Так, знающий больше не чувствует себя отделенным от знаемого; переживающий больше не стоит отдельно от переживания. Следовательно, само понятие получения чего-то ОТ ЖИЗНИ, приобретения ИЗ опыта, становится абсурдом. Другими словами, становится совершенно очевидно, что, если говорить о конкретном факте, я не имею никакого другого «я», кроме ЕДИНСТВА с вещами, о которых я знаю.

Луна в воде

Чтобы лучше проиллюстрировать гармонию всеобщих взаимоотношений, Ли цитирует известную аналогию, приведенную Аланом Уотсом, — «луна в воде», — в которой

отражается взаимозависимость вещей. Мы с полным правом могли бы рассматривать ее как первый урок в нашем курсе познания своего места во Вселенной. Эта аналогия показывает, что мы — не просто изолированные организмы, которые существуют отдельно друг от друга во Вселенной, но, наоборот, являемся ее динамичными компонентами, гранями одного огромного целого — активной и дееспособной частью всеобщности, через которую протекают силы природы.

> Явление луны в воде подобно человеческому опыту. Вода — это субъект, луна — объект.
>
> Если нет воды, то нет и луны в воде, и точно так же — если нет луны. Но когда луна восходит, вода не ожидает ее образа, и когда даже крошечная капелька воды проливается, луна не ждет, чтобы отразиться в ней. Луна не намеревается бросать свое отражение, а вода не отражает ее образ намеренно. Событие происходит как благодаря воде, так и благодаря луне, и как вода свидетельствует о яркости луны, так и луна свидетельствует о чистоте воды. Все действительно находится со всем в реальной взаимосвязи…

В западной логике существует правило, называемое законом тождества, или исключенного среднего, которое утверждает, что вещи суть то, что они есть (А есть А), и что невозможно для одной и той же вещи быть и не быть чем-то в одном месте и времени. Для восточного склада ума, однако, такой подход и/или неверен; в самом деле, возможно для чего-то быть противоположностью и одновременно тем же самым. Внутри рода человеческого, например, существуют мужчины и женщины, казалось бы, противоположные друг другу создания, и тем не менее они одно и то же постольку, поскольку являются человеческими существами. Фактически, мужчина и женщина не столько противоположны, сколько дополнительны друг другу — они просто разделены таким образом, чтобы быть в состоянии воспроизводить себя в рамках союза. Можно сказать, что мужчина и женщина — это ноги, на которых стоит жизнь человеческого рода, и когда одна половина отсутствует, целое погибает.

Наш организм, как мы уже видели, способен развиваться только благодаря тому, что в нем происходят процессы, которые одновременно изменяются и находятся в состоянии неизменности. Если посмотреть шире, Вселенная состоит из аналогичных взаимосвязей различных дополнений, суть которых сродни изменению и постоянству, положению впереди и сзади, низкому и высокому, громкому и тихому, твердому и мягкому.

Эти явления возникают обоюдно и могут ощущаться единственно в своей сути как стороны — или полюса — одного и того же универсального процесса, во многом такие же, как положительный и отрицательный полюса одной и той же системы магнитов.

Части нашей Вселенной настолько переплетены, что одна ее часть, если можно так выразиться, способна существовать только в связи с остальными. Любое движение также существует только в связи с движением всего остального. Эта схема работает, применяя терминологию естественных наук, как силовое поле. Не существует отдельного центра, где берет свое начало какое бы то ни было движение или действие. Какое бы действие ни происходило в данном конкретном месте, оно порождается во всей системе сразу.

Проблема, однако, возникает, когда мы развиваем в себе чрезмерное самосознание, начинаем чувствовать себя каким-то образом отдельно или независимо от этого процесса. Мы, так сказать, развиваем в себе чрезмерное чувство дистанции между переживающим и переживанием, а потом пытаемся полностью запереть засов и все контролировать. Другими словами, происходит слом, когда переживающий отвергает переживаемое, а это влечет за собой поворот всей структуры нашего сознания на самое себя. В условиях, когда мы беспокоимся или беспокоимся о беспокойстве, говоря самим себе что-то вроде «Я должен расслабиться!» или «Я не должен так думать!», жизнь может стать для нас почти невыносимым бременем.

Во многом именно по этой причине философия, за которую выступал Брюс Ли, предлагает выход из порочного круга жизни, созданного тысячелетиями западного умствования. Но при этом любая сознательная попытка высвобождения — попытка вырваться — все равно основана на предположении, что должен быть реальный переживающий, так сказать, отделенный от переживания, а это, как мы уже видели, заблуждение. Нет такого переживающего, которого можно отделить от переживания или который мог бы избежать переживания. Есть просто переживание опыта. Во многом, как в утверждении Алана Уотса «цель танца — танцевать», цель жизни — жить, то есть описанный другими словами эмпирический процесс.

Смысл сказанного заключается в том, что вы не должны углубляться в анализ окружающего мира и искать скрытые причинно-следственные связи, в результате чего вы отдаляетесь от самой цели анализа. Как говорил Брюс Ли: *«Люди не живут жизнью концептуальной или научно обоснованной, ибо самое существенное в жизни — просто жизнь».*

Чтобы лучше проиллюстрировать эту установку, давайте представим, что мирным вечером вы смотрите на красивый закат. Сцена и связанные с ней переживания наполняют вас необыкновенным ощущением безмятежности и внутреннего покоя. Однако внезапно вы выпрямляетесь под действием мысли: «Чего-то недостает! Наверно, я мог бы найти еще больший покой, чем сейчас! Готов спорить, что есть места лучше. Я мог бы наблюдать закат солнца с какой-нибудь симпатичной веранды в августе теплой ночью где-нибудь на берегу озера в Северном Онтарио. Мне говорили, что северные закаты в Канаде — настоящее зрелище! Позвоню-ка я своему агенту по путешествиям, когда приду в офис в понедельник утром…»

Проблема очевидна. Не исключено, что вы станете настолько одержимы мыслью «максимизировать» возможности будущего удовольствия, что будете вообще не в состоянии ощущать радость настоящего. А поскольку единственное, что существует, — это настоящее (прошлое уже закончилось, а будущее еще не наступило), то именно о нем только и стоит беспокоиться. Сейчас — единственное, что влияет на нас. Брюс Ли считал, что если вы находитесь в состоянии наслаждения, принимайте его таким, какое оно есть. Наслаждайтесь переживанием и ощущением сейчас и не пытайтесь остановиться или проанализировать ситуацию, отступив в сторону или выйдя из этого состояния, с тем чтобы посмотреть, получаете ли вы от него все, что возможно.

> Самое существенное в жизни — просто жизнь. Находясь в состоянии наслаждения, не выходите даже на мгновение из него, чтобы осмотреться и решить, получаете ли вы из данной ситуации все, что возможно. Или, не удовлетворенные ощущением счастья, вы захотите почувствовать себя счастливым, то есть быть уверенным, что вы ничего не упустили. Жизнь существует, когда проходит ЧЕРЕЗ нас неудержимым потоком, ибо тот, кто живет, не осознает процесс жизни, и в этом — ЖИЗНЬ.

Другими словами, дайте жизни, со всеми присущими ей переживаниями, течь через вас. Как однажды сказал выдающийся голландский писатель-теософ Иоганн Якоб ван дер Лев (1893–1934): «Смысл жизни — это не проблема, которую надо решить, это реальность, которую надо ощущать».

Именно к этому призывал Брюс Ли. Как же ощущать жизнь такой, какая она есть? Как освободиться от уз самосознания, чтобы быть в состоянии наслаждаться процессом становления? Ответ, по мне-нию Брюса Ли, заключается в том, чтобы

освободиться от собственного эго, а это, в свою очередь, предполагает процесс тщательного изучения самого себя, пока мало-помалу поверхностные слои вашего «я» не будут счищены, чтобы явить взгляду ваше окончательное — действительное — «я». Брюс однажды признался Дэниелу Ли:

> Все больше и больше, Дэн, я исследую себя, и все больше и больше вопросов продолжает вноситься в список. И все более ясно я вижу, что это [вопрос простоты]. Да, это действительно так. Это означает, что то, что человек должен преодолеть, — это самосознание, сознание самого себя… осознание в связи с этим того, чем твой поиск мог быть. В моем случае — поиск собственной значимости, чем бы это ни было, и постоянные вопросы к самому себе: «Что это, Брюс? Это правда или нет? Ты действительно имеешь это в виду или нет?» Однажды я выяснил это для себя, вот и все.

На практике, во время частного урока с актером Джеймсом Кобурном, который включен в тренировочный фильм о боевых искусствах «Джит кун до Брюса Ли», Брюс Ли в закадровом сопровождении фильма замечает, что его ученик находится в состоянии чрезмерного самосознания, выполняя технический прием, и в результате совершает промах. Он говорит Кобурну: «Ты слишком стараешься контролировать движение, и чрезмерный контроль заставляет тебя слишком много думать над выполнением приема. Поэтому ты слишком зажат».

Ли объясняет своему ученику, что нужно внутренне расслабляться, не думать о том, куда поставить стопу, как вращать торсом или когда поднять ногу. Другими словами, он побуждает Кобурна преодолеть самосознание. Следуя наставлениям Ли, Кобурн перестает делать какие-либо сознательные усилия, освобождает свой ум от попыток все анализировать, оставляет в покое какую бы то ни было технику — пусть техника совершенствует сама себя. Следующим, вполне уверенным движением Кобурн легко и вместе с тем с максимальной силой поражает цель. Ли замечает: «Вот видите? Прямо в цель! Когда вы освобождаете свой ум от груза, вы просто делаете то, что нужно, и все».

Эта идея раскрывается в дальнейшем в эссе Ли:

> Жизнь живет, и в жизненном потоке не встает никаких вопросов. Причина в том, что жизнь — это живущее НАСТОЯЩЕЕ! Завершенность, настоящее — это отсутствие сознательных усилий разума попытаться

разделить неразделимое. Ибо как только завершенность разложена на части, это больше не завершенность. Все части автомобиля могут быть на месте, но это больше не автомобиль в его первоначальном, естественном смысле, который и есть его функция или жизнь. Поэтому на вопрос, как жить, отдаваясь жизни всем сердцем, ответ один: жизнь просто ЕСТЬ.

Несостоятельность западной философии

Если жизнь — это скорее эмпирическое, чем аналитическое явление, то становится понятно, почему так много людей, которые честно пытаются обрести мир или удовлетворение внутри себя, бросают, раздраженные и обескураженные, свои экскурсы в западную философию с ее упором на анализ, затем на дополнительный анализ дальнейшего анализа (вспомним лабиринт суждений и подсуждений Витгенштейна из предыдущей главы). Все это, как мы видели, не только не нужно, но, по философии Брюса Ли, в конечном итоге обречено на провал.

> В жизни мы полностью принимаем как само собой разумеющееся реальность того, что мы видим и чувствуем в целом, без тени какого бы то ни было сомнения. Западная философия, однако, не принимает того, во что верит жизнь, и стремится превратить реальность в проблему. Что-то типа вопроса: «Этот стул, который я вижу перед своими глазами, он действительно здесь? Может ли он существовать сам по себе?» Таким образом, вместо того чтобы делать жизнь легче, живя в согласии с ней, западная философия усложняет ее, подменяя спокойствие окружающего мира беспокойством проблем. Как если бы мы спросили человека, как он дышит: пытаясь обдумать этот процесс, он бы немедленно задохнулся. Зачем пытаться останавливать и прерывать поток жизни? Зачем поднимать такую суету? Человек просто дышит.

Кратко, проблема западного подхода заключается в том, что с его помощью делается попытка объяснить жизнь, в противоположность тому, чтобы открыть, как ощущать ее. Иными словами, есть чувствование и есть теоретизирование, они взаимно исключают друг друга, будучи обратно пропорциональными друг другу. То есть чем больше времени вы проводите, теоретизируя, тем меньше времени у вас остается для чувствования. Проблема с

теоретизированием, как считал Брюс Ли, заключается в том, что сама его основа построена на отрицании реальности через попытку говорить о ней, ходить вокруг нее, хватать все, что привлекает наш интеллект, и абстрагироваться от самой реальности. Брюс Ли замечал:

> Западная философия начинает с того, что говорит об окружающем мире как о не основном факте, существование которого может быть поставлено под сомнение, а любое рассуждение в пользу существования реальности во внешнем мире не является очевидным, и его (рассуждение) необходимо разделить, расчленить и проанализировать — это означает сознательно стоять в стороне и пытаться вычислить квадратуру круга.

Западная философия, таким образом, по большей части не озабочена по-настоящему проблемой жизни в качестве жизни, скорее, ее интересует разработка деятельности в отношении теоретических знаний. Большинство западных философов не беспокоятся о жизни в чистом виде, так как пытаются теоретизировать на тему жизни. Это направление не ведет ни к наслаждению жизнью, ни к ощущению ее высшей реальности, скорее, оно ведет к чистому, отстраненному созерцанию жизни. Как Ли однажды заметил: «Созерцание предмета предполагает оставаться ВНЕ его, с намерением сохранять дистанцию между ним и вами».

Все это — не есть наше видение мира, если нашими целями являются счастье и истинное понимание путей мира. Мы не должны расчленять, не должны гиперанализировать. Мы должны просто открыть себя переживанию опыта и, делая так, служить проводником, через который реальность жизни провозглашает себя в каждом нашем движении, мысли, действии и ощущении в данный момент.

Интересно, что видение мира Брюсом Ли в последние годы получило подтверждение современной физики. По мнению ученых сегодняшнего дня, базовые блоки для построения жизни не являются веществом в традиционном понимании этого слова, это скорее вероятности, динамические, но не взаимосвязанные сгустки энергии. Таким образом, в конечном итоге наша Вселенная состоит не из волн или частиц, но из чего-то промежуточного.

Дэвид Бом, заслуженный профессор физики Лондонского университета в отставке и автор таких работ, как «Квантовая теория», «Случайность и возможность в современной физике», «Цельность и запутанный порядок», выдвинул идею «запутанного

порядка», описывая Вселенную как своего рода голограмму, в которой части являются сами по себе отражением и воплощением большего целого. В книге Фритьофа Капры «Поворотный пункт: наука, общество и подъем культуры» в дискуссии по поводу S-матричной теории указывается, что наша Вселенная является «динамичной паутиной взаимосвязанных событий». Брюс Ли говорил:

> Мы — вихри, центр которых — точка, неподвижная и вечная, которая, однако, появляется с очевидностью в движении, скорость которого увеличивается, наподобие водоворота или торнадо (их эпицентр остается неподвижным), от ядра к периферии. Ядро — в реальности, в то время как вихрь — это явление в форме многомерного силового поля. ДЕРЖИТЕСЬ ЯДРА.

Именно в этой части — во взгляде на Вселенную как на неделимое взаимосвязанное поле — философия Ли, возможно, заслуживает самого большого внимания.

> Мир видится как неделимое взаимосвязанное поле, ни одна часть которого не может в действительности быть отделена от остальных (нет ярких звезд без тусклых, и без окружающей темноты нет звезд вообще). Противоположности взаимодействуют, а не исключают друг друга, и нет больше конфликта между отдельным человеком и природой.

Чтобы полностью понять эту идею неразделимости бытия и ее применение к нашей жизни, нам сначала необходимо ознакомиться с другим принципом, которого мы уже касались ранее и который является неотъемлемой частью философии Брюса Ли. Это принцип динамического равновесия, или, как его обычно символически называют, инь — ян.

Глава 4
Об инь — ян

Неоконфуцианство оказало значительное влияние на китайскую философию, а в свое время — и на Брюса Ли. Труды одного из представителей неоконфуцианства (фактически этот человек считается основоположником всего движения), Чоу Тун-и (его также называют Чоу Льен-ч'и и Чоу Льен-ши, 1017–1073), имели выдающееся значение.

Чоу Тун-и написал два коротких трактата: «Тай-цзи-т'ю шуо» («Объяснение диаграммы Великого Принципа») и «Т'унг-шу» («Познавая Книгу перемен»), которые послужили соединению некоторых ключевых аспектов даосской философии с конфуцианской мыслью.

Диаграмма, или символ Тай-цзи (Великого Принципа), — это именно то, что мы на Западе привыкли называть символом инь — ян, поскольку он призван заключать в себе «эту одну из многих» философию инь — ян.

В соответствии с историей диаграммы, Великий Принцип путем движения создает ян. Когда ян достигает своего предела, движение успокаивается и производит инь. Это чередование движения и покоя создает инь и ян, которые, в свою очередь, порождают пять сил: Воду, Огонь, Дерево, Металл и Землю. Эти пять сил составляют одну огромную систему инь — ян, а уже инь — ян составляет Великий Принцип.

По Чоу Тун-и, «многие есть [конечное] одно, и в одном в действительности различается многое», а также «одно и многое — каждое имеет собственное верное состояние бытия».

Такова была философская заповедь, в которой Брюс Ли в конечном итоге нашел облегчение и истину. В начале 1962 г. Ли продолжил свои записи, из которых видно, что он начал заниматься кунг-фу в возрасте 13 лет, просто потому, что, как и большинство из нас, «хотел научиться хорошо драться». Однако как только он приступил к серьезным занятиям боевыми искусствами, он довольно скоро понял, что борьба и физическая тренировка — это только часть довольно сложного процесса. Другая часть состоит из понимания, терпимости и спокойствия духа, а это развивать в себе гораздо труднее. Тем не менее Ли упорно работал над собой и со временем приобрел значительно более глубокое понимание не только элементов борьбы кунг-фу, но и философской базы инь — ян. В 1962 г. он так комментировал это в интервью одному журналисту:

> Это изменило всю мою жизнь, и я обрел совершенно другой взгляд на жизнь. Кунг-фу — в не меньшей степени образ жизни, чем способ самообороны. Кунг-фу базируется на инь (негативном) и ян (позитивном), где все дополняет все. Примерами могут послужить мягкость и твердость, ночь и день, мужчина и женщина. Это спокойное осознавание силы и планов противника и способы дополнить их.

В то время как многие на Западе знакомы с символом инь — ян, мало кто знает, что в действительности представляет этот символ. В связи с этим давайте вернемся еще раз к словам Брюса Ли, чтобы прояснить для себя этот древний философский принцип:

> Кунг-фу основывается на символе инь — ян — паре взаимодополняющих и взаимозависимых сил, которые действуют в этой Вселенной постоянно, непрерывно… Инь и ян — это два сцепленных дополнения. Этимологически знаки инь и ян означают темноту и свет. Древний знак инь, темная часть круга, — это изображение облаков и холма. Инь может представлять во Вселенной все негативное, пассивное, мягкое, внутреннее, хрупкость, женское начало, луну, темноту, ночь и т. д. Вторая дополняющая половина круга — ян. Нижняя часть знака означает косые солнечные лучи, в то время как верхняя олицетворяет солнце. Ян может представлять все позитивное, активное, твердое, внешнее, прочность, мужское начало, солнце, яркость, день и т. д. Распространенная ошибка большинства мастеров боевых искусств — восприятие этих двух сил, инь и ян, как дуалистических (отсюда так называемые мягкий стиль и твердый стиль). Но инь — ян — это одна неразделимая сила беспрерывного взаимодействия движения. Они за-мыслены как одно по своей сути или как две сосуществующие силы одного неразделимого целого. Они не есть причина и следствие, но их следует воспринимать как звук и эхо, свет и тень. Если это единство воспринимать как две раздельные, сущности, осознание конечной реальности кунг-фу будет недостижимо.

Давайте посмотрим глубже. По Брюсу Ли, основная теория инь — ян заключается в следующем: «Нет ничего более постоянного во Вселенной, чем неизменность».

В эмблеме созданной Ли школы джит кун до использовался символ инь — ян с двумя стрелами вокруг Она была призвана подчеркнуть взаимозависимость всех вещей. Иероглифы на китайском языке вокруг символа составляют следующую фразу: «Не пользуясь никаким путем как путем; не имея никаких ограничений в качестве ограничений»

С точки зрения Ли, это означает, что все мы — часть всеобщего процесса роста и развития и обрели существование через непрерывное взаимодействие инь — ян. Наши тела, например, состоят из миллиардов клеток, каждая из которых, в свою очередь, состоит из микроскопических элементов. Эти элементы вращаются на постоянно меняющих направление энергетических орбитах. Фактически для самих себя они — Вселенные в миниатюре, они постоянно эволюционируют и заменяют друг друга. Брюс Ли писал: *«Поток движений — в их превращении одного в другое. Неподвижность в неподвижности — не настоящая неподвижность. Только когда неподвижность есть в движении, действительно проявляется всеобщий ритм».*

Это непрерывное чередование инь — ян Ли изобразил символически: поместил две вращающиеся стрелы вокруг знака инь — ян, чтобы подчеркнуть принципы, лежащие в основе его искусства джит кун до. Иначе говоря, стрелы означают, что все кажущиеся противоположности возникают из одной объединенной силы. Брюс Ли рассказывал:

> Однажды меня спросил так называемый инструктор по кунгфу — один из тех, кто смотрится именно так, с бородой и все прочее, — что я думаю об инь (мягком) и ян (твердом). Я просто ответил: «Чушь это все!» Он, конечно, был шокирован моим ответом и до сих пор не понял, что эти два понятия не могут существовать отдельно друг от друга.

Ли тогда продолжил свое объяснение:

> Мы теперь должны понять, что это не вопрос мягкой версии твердого, потому что, как я сказал, мягкость и

> твердость — всегда части одного целого и одинаково важны, так же как и неизбежно взаимозависимы друг от друга. Если отвергать твердое или мягкое, результатом будет разделение, а разделение приведет к крайностям. Те, кто цепляются за крайности, известны либо как «привязанные физически», либо как «привязанные умственно», хотя первое все-таки более приемлемо. По крайней мере, «привязанные физически» умеют драться…

Этот основополагающий принцип единства и взаимозависимости очевидных противоположностей ведет к условию «неизменного изменения» и проявляется практически в каждой культуре. Например, Гераклит, философ досократовского периода, о котором мы уже упоминали в предыдущей главе, сказал: «Нельзя дважды войти в одну реку».

Он имел в виду, что, поскольку река постоянно течет и новые воды вливаются в нее в самом истоке, она никогда не стоит на месте и не может быть «той же самой» рекой, какой была в тот момент, когда вы в нее вошли. С общепринятой точки зрения, предполагается, что то, что называется «рекой», будет статически продолжать существовать некоторое время. Но река, по Гераклиту, не остается в таком состоянии даже на короткое время. Фактически она уже изменилась, пока вы произносили слово «река».

Так же обстоит дело в более личном смысле, со всеми нами, поскольку мы просто микрокосмы в макрокосмическом потоке. Это тоже отражение в более крупном масштабе гармонии очевидных противоположностей, или инь — ян. В то время как мы сами и Вселенная, внутри которой мы существуем, меняемся ежедневно, почти неуловимо, этот же процесс изменения, причем с тончайшими изменениями Вселенной, — неизменный феномен, который продолжается с начала отсчета времени. Еще раз приведем слова Брюса Ли из предыдущей главы: «Изменяться с изменением — это неизменное состояние».

Приближаясь к сути дела, этот принцип постоянного эволюционного потока можно свести к тому, что все вещи — не только реки, протекавшие в Древней Греции, — подлежат изменению. Применительно к нашему случаю, мы не остаемся теми же людьми, какими когда-то были. С каждым годом ткани нашего организма обновляются путем процесса метаболизма, новые клетки заменяют старые. Другими словами, все в нашей Вселенной (как внутренней, так и внешней) протекает в сложных взаимоотношениях с тем, что как будто представляется

противоположным: рождение порождает смерть, день порождает ночь, подъем дополняет падение, мужское начало дополняет женское и т. д. Природа этих взаимоотношений такова, что они противоречат друг другу, так же как и дополняют друг друга. Например, если активность достигает своей высшей точки, она должна стать пассивностью, которая формирует инь. Крайняя пассивность, с другой стороны, поворачивает к активности, то есть ян. Таким образом, одно условие становится причиной другого, и наоборот.

Принцип дополнения и одновременного увеличения и уменьшения действует вечно, и в то время как эти силы как будто вступают в прямой конфликт друг с другом, в действительности они взаимозависимы. Вместо противостояния имеет место сотрудничество и чередование. Именно поэтому символ инь — ян имеет внутри каждой своей половины маленький кружок, окрашенный в цвет противоположной половины. Внутри половины инь этот маленький кружок представляет ян, и наоборот. Это символизирует взаимодействие инь и ян в бесконечной последовательности изменений. Даже в самых сильных мужчинах есть женский компонент, а в женщинах живет маленькая частица безусловно мужского начала.

Инь — ян, или Тай-цзи, — это необыкновенно интересный и наглядный символ, поскольку он означает, что все вещи в природе являются неотъемлемой частью огромной всеобщности, какими бы независимыми или индивидуальными они ни казались. Лао-цзы так писал об этом:

Мы вставляем спицы в колесо,
Но именно отверстие в центре
Заставляет двигаться повозку.
Мы делаем из глины горшок,
Но именно в пустоте внутри него
Мы держим то, что хотим.
Мы сколачиваем дом из дерева,
Но именно пространство в нем
Пригодно для жизни.
Мы работаем с существующим,
Но используем мы несуществующее.

Брюс Ли в своих записях обращался к этому феномену:

В действительности вещи представляют собой целое и не могут быть разделены на две части. Когда я говорю, что из-за жары я потею, жара и потоотделение — это один процесс, поскольку они сосуществуют и одно существует для другого. Если

человек желает поехать куда-то на велосипеде, он не может давить одновременно на обе педали или же совсем не давить на них. Чтобы двигаться вперед, он должен давить на одну педаль и освобождать другую. Таким образом, поступательное движение требует единства давления и освобождения. Давление — это результат освобождения, и наоборот. Каждое является причиной и результатом другого. Вещи действительно имеют дополняющие элементы, и эти дополнения сосуществуют. Вместо того чтобы взаимно исключать друг друга, они взаимозависимы, и каждое служит функцией каждого.

Далее Ли объяснял значение символа инь — ян:

> В символе инь — ян есть белое пятно на черной половине и черное пятно — на белой. Этим показывается, что жизнь существует в равновесии, ибо ничто не может выжить, находясь в состоянии крайности, будь это чистое инь (мягкость) или же чистое ян (твердость). Помните, что самое твердое дерево ломается быстрее всего, в то время как бамбук или ива выживают, склоняясь под ветром.

Ли отмечал, что западный подход часто сталкивает вещи между собой — иными словами, призывает быть ян, или твердыми в отношении вещей. Такой подход, если его применять постоянно при столкновениях с превратностями судьбы, может привести к проблемам: *«[Типичный] американец — как дуб, стоит прямо под напором ветра. Если ветер сильный, дуб ломается. Восточный человек [предпочитает] быть как бамбук — склоняться под ветром и, когда ветер прекращает дуть, снова распрямляться».*

Другими словами, вместо того чтобы противиться естественному процессу изменений во Вселенной, намного более разумно и полезно было бы научиться течь и сгибаться вместе с ним.

Закон гармонии

Брюс Ли учил, что применение принципов инь — ян выражается в законе гармонии. Этот закон гласит, что человеку следует находиться в состоянии гармонии с силой и энергией природы, а не бунтовать против нее. Другими словами, не следует делать ничего такого, что не было бы естественным или спонтанным; ключевой момент здесь — не напрягаться ни в каком смысле. В отношении борьбы с противником Ли объяснял закон гармонии так:

> Когда противник А применяет силу (ян) против Б, Б не должен противостоять ему… силой; иными словами, не используйте положительное (ян) против положительного (ян), но вместо этого мягко (инь) уступите ему и ведите его по направлению его собственной силы, отрицательное (инь) к положительному (ян). Когда сила А дойдет до крайних степеней, положительное (ян) изменится на отрицательное (инь), в этот момент Б застанет его врасплох и атакует собственной силой (ян). Таким образом, процесс никогда не будет неестественным или напряженным. Б гармонично и непрерывно приспосабливает свои движения к движениям А, не сопротивляясь и не прилагая больших усилий.

Ли любил иллюстрировать этот принцип ситуациями в боевых искусствах, но вы можете наблюдать применение закона гармонии во многих областях. Возьмем ситуацию с Брендой: она годами сидела на каких попало диетах. Не то чтобы она ела что попало, но она загнала себя в непрекращающийся цикл диет для похудения и… последующего возвращения веса. Бренда всегда очень жестко соблюдает диету, стараясь вынудить (ян) свое тело уступить (инь) с помощью мысленной картинки, в которой выражалось ее представление о том, как она должна «идеально» выглядеть. Фактически никто из ее друзей не мог припомнить момента, когда она не была бы на диете — и тем не менее, сколько они ее знали, она всегда страдала излишним весом.

К несчастью, бедная Бренда осуждена на разочарование, потому что она доходит до крайностей в своих усилиях, будь то абсолютное воздержание от пищи (инь) или такое же абсолютное обжорство (ян). Если бы она приняла для себя более естественный способ умеренности, она давно бы уже обладала фигурой, о которой мечтала так долго, и без чего-либо похожего на те труды и адские усилия, на которые она себя обрекала. Брюс Ли считал, что маятник жизни требует равновесия, если бы Бренда соблюдала простую, хорошо сбалансированную диету, она давно бы уже преуспела в своих целях.

Что касается бодибилдинга, то здесь я знал нескольких железных «качков», которые полностью исключали потребление углеводов перед соревнованиями, с тем чтобы их мускулы казались более рельефными. И это срабатывало — на какое-то время. Однако сразу же после соревнований эти культуристы неизменно становились жирными, как призовые хряки, потому что их организм требовал той составной части нормального

режима питания, в которой ему, организму, отказывали, то есть углеводов. Когда давление на организм прекращалось, он стремился взять реванш. Культуристы буквально обжирались до состояния дискомфорта, чтобы удовлетворить внутреннюю потребность организма. Их организм ведь не знал, что его в косметических целях просто на время лишали одного из основных питательных веществ; с точки зрения организма, он умирал с голоду! В конце концов, человеческий мозг и центральная нервная система 99,9 процента питания, необходимого для нормального функционирования, получают из глюкозы, которая является формой углеводов, когда они расщепляются в печени и поступают в кровь. Если организм не получает глюкозы из углеводов, которые должны поступать в него как результат сбалансированного питания, он сам производит глюкозу, расщепляя аминокислоту, называемую аланин, которая и превращается в глюкозу. Итак, стоит повторить, что маятник жизни должен находиться в равновесии. Крайности в питании расходятся с принципом инь — ян, который, как мы видели, и есть путь гармонии.

Тот же самый принцип применяется, когда речь идет о крайностях в спорах. Если, например, вы спорите с супругой и она разгорячилась и впала в гнев, не спешите ответить ей тем же — реагируйте пассивно и мягко. Гнев вашей половины для поддержания самого себя на постоянном уровне требует высокого напряжения и скоро перегорит, уступив место инь, то есть мягкости. Любая крайность, будь то в инь или в ян, в конечном счете приведет к своему дополнению, поэтому сидите спокойно и дайте природе делать свое дело, довольствуясь пониманием того, что так оно и произойдет и что, снова повторим, «ничто не является столь постоянным, как принцип никогда не изменяться».

Состояние покоя, с точки зрения Ли, — это своего рода философское бездействие, отказ от каких-либо попыток вмешиваться в естественный ход вещей. Если мудрец наталкивается на сопротивление, он не станет ссориться, драться или устраивать войну (как это происходит в случае, когда ссорятся нации), но молча отойдет, чтобы победить, если это вообще нужно, через уступки и терпение. В конце концов, уже давно замечено, что пассивность побеждает гораздо чаще, чем действие. Другими словами, если вы сами не ссоритесь, никто на свете не в состоянии поссориться с вами.

Закон невмешательства

Принцип закона гармонии имеет как следствие закон невмешательства в природу, который, по Брюсу Ли, учит человека забыть о самом себе и просто отвечать на то, что происходит перед ним, подобно эхо, отвечающему на звук, — без всякого намерения. Ли, еще раз обращаясь за иллюстрацией к боевым искусствам, говорил:

> Основная идея — это победить противника, уступая ему и используя его собственную силу. Вот почему мастер кунг-фу никогда не реагирует напором на напор противника и никогда [не становится] во фронтальное положение по направлению к силе [противника]. Когда на пего нападают, он не сопротивляется, а контролирует атаку, поворачиваясь в соответствии с ее направлением. Этот закон иллюстрирует принципы непротивления и ненасилия, которые были основаны па идее о том, что ветви ели ломаются под тяжестью снега, в то время как обычный тростник, более слабый, но и более гибкий, может выстоять.

Брюс Ли понял глубокую, вечную истину слов Лао-цзы, который указывал:

> Ничто в мире
> Не может быть таким мягким и податливым, как вода.
> И все же, чтобы растворить твердое и неподатливое,
> Ничто не сравнится с нею.
> Мягкое превосходит твердое;
> Кроткое преодолевает непреклонное.
> Каждый знает, что это так,
> Но мало кто этим пользуется.

Из этого Брюс Ли делал вывод:

> Поскольку человек может уступить, постольку и выживает. В противоположность этому, из-за принципа ян, который понимается как строгий и твердый, человек ломается под тяжестью обстоятельств.

Интересно отметить значение, которое придавал Лао-цзы принципу мягкости и гибкости инь, отождествляя его с жизнью и способностью к выживанию. Как мы увидим в следующей главе, Брюс Ли считал, что Лао-цзы что-то разгадал, когда говорил, что мы можем продвинуться далеко вперед к пониманию сущности

Дао, наблюдая и осознавая природу воды.

Глава 5
Текущая вода

Опустоши свой ум. Будь бесформенным, как вода.

Когда ты наливаешь воду в чашку, вода становится чашкой;

Когда ты наливаешь ее в бутылку, она становится бутылкой;

Когда ты наливаешь воду в чайник, она становится чайником.

Теперь вода может течь — а может разбиться.

Будь водой, мой друг.

Брюс Ли

Для некоторых из тех, кто читает эту книгу, приведенная выше цитата может показаться преувеличенной похвалой водной среде. Тем не менее я гарантирую, что, когда вы закончите читать эту главу, афоризм Брюса Ли приобретет для вас совершенно иное значение. Быть способным течь подобно воде вместе с превратностями судьбы, до тех пор, пока вы не сможете преодолеть их, — это одно из ключевых положений философии Брюса Ли, философии, которая до недавнего времени была доступна лишь ограниченному числу тех индивидуумов, которые стали избранными учениками Брюса Ли, изучающими его вид боевых искусств — джит кун до. И даже среди них далеко не все проявляли хоть какую-то настойчивость, чтобы усвоить философские наставления этого человека, предпочитая вместо этого ограничиться поучениями Ли в области рукопашного боя. Подобный близорукий взгляд на философский вклад Брюса Ли, на его действительно подлинное наследство неудачен потому, что учение Брюса Ли предлагает намного больше, чем просто призма практической пользы, через которую смотрят на уличную драку.

Философия борьбы Ли, которую он назвал джит кун до (на наречии Кантона означает «путь преграждающего кулака»), имеет дело с индивидуализмом, самовыражением, она учит, как мгновенно и вместе с тем гармонично приспосабливаться к любым препятствиям, которые могут возникнуть на вашем пути. Через процесс гармонической адаптации, считал Ли, возможно преодолеть превратности судьбы в любой их форме. Точка зрения Ли была новой, проникновение в суть человеческой природы —

уникальным и, что самое важное, — философия, направленная на самореализацию человека, философия, пионером которой он был, по-прежнему безотказно работает на благо тех, кто выбрал ее для себя. Но сначала давайте рассмотрим значение аналогии Ли, связанной с водой.

Природа воды

На протяжении столетий китайцы выражали здоровое почитание, точнее говоря, глубокое благоговение перед природой воды. «Куан-цзы», сборник трудов Куана Чунга (645 г.), говорит об этом чудесном элементе природы следующее:

> «Вода — это кровь Земли, она течет по ее венам. Вот почему говорят, что вода — это нечто, имеющее совершенные свойства… Она со бралась на небе и на земле и существует [в мире] самых разнообразных вещей. Она проявляется в металле и камне, она сосредоточена в живых существах. Вот почему говорят, что вода — это нечто духовное… Отсюда, решение для мудреца, который изменяет мир, — в воде».

О воде говорится также в писаниях Чжуан-цзы:

> Спокойная вода — как стекло.
> Можете смотреть в нее и видеть щетинки на подбородке.
> Это совершенный уровень;
> Плотник может пользоваться ею.
> Если вода такая чистая, такая ровная.
> Насколько больше дух человека?

Как мы видели, вода — любимый символ Лао-цзы для Дао:

> Высшая доброта, подобно воде,
> Приносит благо всему и направляется
> Безропотно к местам,
> презираемым человеком;
> Но так же близка в природе к Пути [Дао].

Брюсу Ли, однако, природа воды преподала совершенно иной урок. Когда Ли было семнадцать лет (за год до его отъезда в США), он испытал глубокое переживание, когда плавал один в

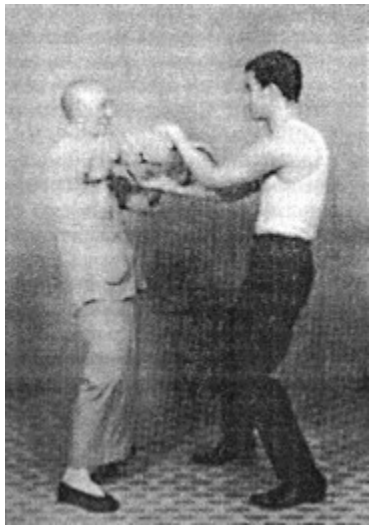
джонке по морю в Виктория-Харбор, в Гонконге. Именно само море, по сути дела, и составило основу переживания Ли, которое на китайском языке называется «тун-ву» (по-японски «сатори»), и в дзэн является эквивалентом внезапного духовного прозрения или пробуждения. Именно тогда он поверил, что соединился с Дао (слово, которым китайцы называют силу, лежащую в основе всех путей природы). Это переживание изменило всю жизнь Ли и, без всякого сомнения, его жизненную философию.

К тому моменту, когда это случилось, Ли уже четыре года напряженно тренировался, изучая Вин Чун, один из видов китайской борьбы кунг-фу. В Вин Чун акцент в наибольшей степени делается на принципе мягкости, когда необходимо нейтрализовать усилия противника и свести до минимума затраты энергии. Смысл здесь заключается не в том, чтобы отвечать силой на силу противника, идя в лобовую атаку, но, скорее, в том, чтобы научиться понимать и, следовательно, применять силу и энергию противника себе на пользу. Точно так же учатся использовать силу ветра и воды, а не противостоять ей, чтобы успешно ходить под парусом. Другими словами, искусство Вин Чун учит своих последователей, как быть дополнением противника, а не его соперником, с помощью спокойствия и отказа от состязания (теперь это уже должно быть вам понятно, дорогой читатель).

Несмотря на то что идея была очень простой, Ли понял, что испытывает трудности с применением ее на практике. Ли обнаружил, что в момент, когда он вступает в схватку с противником, его умом овладевают гнев и беспокойство, которые и заставляют его применять силу (ян), а вовсе не стремление уступить (инь) силе противника. После серии ударов все, что оставалось у него в голове, это решимость уложить противника на лопатки.

Заметив, что его юный ученик не понимает смысла урока, тренер Ли, пожилой китаец по имени Ип Мэн, приблизился к нему и велел расслабиться.

«Забудь о себе и следуй за движениями противника, — сказал он. — Дай своему уму сделать встречное движение без предварительного обдумывания. Учись искусству отстранения. Просто расслабься».



Брюс Ли (справа) учится «искусству отстранения» у своего первого — и единственного — си- фу[1], профессора Ипа Мэна

«Ага, — подумал Ли, — вот в чем секрет — я должен расслабиться!» Но сама формулировка этой мысли показывала, как по прошествии многих лет ему стало ясно, что он снова ничего не понял. Позднее Ли вспоминал: *«Именно тогда я уже сделал нечто, противоречащее моей воле. Это произошло в тот момент, когда я сказал себе, что должен расслабиться. Требование усилия, содержащееся в слове «должен», уже означало несоответствие со словом «расслабиться», которое предполагает отсутствие усилий».*

Ли казался все более и более измученным, и это понял старый тренер, который снова подошел к Ли и дал ему следующий совет: «Ли, следуй природе, не вмешивайся в ее пути. Никогда не противопоставляй себя природе: никогда не встречайся с задачей лоб в лоб. Подстраивайся под нее. На этой неделе больше не надо заниматься. Иди домой и поразмышляй».

После такого замечания Ли мог среагировать единственным образом: он вскипел. Однако он последовал совету тренера и всю следующую неделю оставался дома. После многих часов медитации он сдался и решил поплавать в море в джонке, один. Когда его джонка поплыла по волнам, он снова вернулся к тому, что сказал его тренер, и к собственной неспособности правильно применять принцип инь. Внезапно гнев его вспыхнул, и он со всего размаху ударил по воде — и в этот момент к нему пришло озарение.

> Именно тогда, в то самое мгновение, меня осенило. Не вода ли, вещество, лежащее в основе всего, была сущностью кунг-фу? Не показывает ли мне эта обычная

вода принцип [инь] кунг-фу? Я ударил ее сейчас, но она не страдает от боли. Я снова ударил ее со всей силы, и все же она не была ранена. Тогда я попытался зажать ее в горсть, но это было невозможно сделать. Вода, самая мягкая материя в мире, может уместиться в любой емкости. Хотя она кажется слабой, она может проникнуть в самые твердые вещества в мире. Вот оно! Я хотел стать подобным природе воды.

Но урок еще не закончился. Наслаждаясь пришедшим к нему озарением, Ли продолжал пристально вглядываться в воду, как вдруг мимо пролетела чайка и отразилась в волнах. Это был момент сатори для Ли.

> Именно тогда, когда я был поглощен своими мыслями, другое тайное ощущение скрытого смысла посетило меня. Так, может быть, это то же самое: мысли и чувства, которые я испытывал перед лицом противника, проходят, отразившись, как птица над водой? Это и имел в виду учитель Ип под «отстранением»… Чтобы контролировать себя, я сначала должен принять себя, действуя не вопреки своей природе, а следуя в соответствии с ней.

Ли тогда лег на спину в лодке, чувствуя, что соединился с Дао. Он слился с путями природы. Ли оставил весла, и лодка поплыла сама, а он лежал, наслаждаясь состоянием внутренней гармонии, проникаясь осознанием того, что многие силы в мире, которые он считал противоположными, на самом деле помогали друг другу, а вовсе не исключали друг друга. Понимание этого устраняло мучившее его противоречие: «Весь мир един со мной».

«Вода может течь, а может разбиваться». Брюс Ли демонстрирует «разбивающийся компонент» принципа воды, а Джеймс Гарнер, пораженный, наблюдает за этим. (Сцена из фильма «Марлоу», 1969 г.)

Это переживание и вывод, который Ли сделал из него, способствовали созданию его знаменитой аналогии с водой, которой открывается эта глава. Ли часто пользовался этой аналогией, чтобы проиллюстрировать принцип инь, когда речь заходила о применении его к жизненным коллизиям или к рукопашному бою. Ли отмечал, что вода настолько податлива, что невозможно сжать ее в кулаке, а если ударить ее, ей невозможно причинить вред. Вода одновременно и чистое инь, через тот факт, что она остается самой мягкой, самой уступчивой материей в мире, и чистое ян в том, что она способна проникнуть через самые твердые формы вещества. Она может быть спокойной, как ровная поверхность пруда, или бурной и неистовой, как Ниагарский водопад.

Природа воды, таким образом, заключается в том, чтобы мгновенно приспосабливаться к любому препятствию на своем пути и, двигаясь в собственном ритме, начать естественный процесс преодоления этого препятствия. Другими словами, от воды нужно научиться течь вместе с превратностями судьбы, что позволит в конечном счете преодолеть их. Плюс к тому, только если мы будем течь вместе с жизнью, мы сможем приспособиться к ней и вырасти. В самом деле, жизнь есть движение, причем, если мы прекратим течь вместе с ней, она пройдет мимо нас. Как сказал Брюс Ли: *«Текущая вода никогда не застаивается. Так что вам надо только “продолжать течь”».*

Природа воды, настаивал Брюс Ли, раскрывает также философское доказательство принципа инь — ян о необходимости подчиняться жизненным обстоятельствам.

Часть II
Победа над превратностями судьбы

Глава 6
Сгибайся и выживешь

В августе 1972 г. Брюс Ли усиленно работал над воплощением в жизнь концепции своего четвертого фильма. Фильм должен был называться «Игра смерти», и идея, которую он намеревался выразить в нем, заключалась в абсолютной необходимости для людей быть способными подчиниться превратностям судьбы и таким образом приспособиться к вынужденным обстоятельствам.

Хотя по сюжету этот принцип применялся к боевым искусствам, для Ли он являлся основополагающим принципом всей жизни.

> В настоящее время я работаю над сценарием моего следующего фильма. Я пока еще не решил окончательно, как он будет называться, но главное, что я хочу выразить в нем, — это необходимость приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Неспособность адаптироваться влечет за собой разрушение. В голове у меня уже есть первая сцена. Фильм начинается с того, что на экране зритель видит огромное пространство, покрытое снегом. Затем камера приближается к группе деревьев, одновременно экран наполняется шумом сильного ветра. В центре экрана — большое дерево, оно покрыто снегом. Внезапно раздается громкий треск, и мощная ветвь дерева падает на землю. Она не может уступить силе снега и поэтому ломается. Затем камера приближается к иве, согнувшейся под ветром. Она приспосабливается к окружающей среде и поэтому выживает.

Необходимо заметить, что этот принцип — «сгибайся и выживешь» — не следует понимать как полное отступление, что означает попросту падение или поражение. Скорее, его нужно воспринимать как уступчивость или гибкость. Как писал Ли,

> Будь мягок, но не покорен.
> Будь тверд, но не жёсток.

Это происходящий естественным образом феномен, который обнаруживается почти в каждой области существования, будь то

гнущиеся под тяжестью снега деревья или созданное рукой человека архитектурное произведение. Возьмем, к примеру, мосты, по которым мы проезжаем каждый день. Если бы у них не было способности прогибаться под тяжестью, они бы в конечном счете рухнули. Эта способность уступать (инь), хотя часто и воспринимаемая как женское качество, никоим образом не является признаком слабости. На самом деле это признак значительной силы (ян) — качество, традиционно считающееся мужским.

Еще раз заметим, что качества инь и ян присутствуют как различные аспекты одного и того же процесса. Способность моста выносить значительную тяжесть (ян) основана исключительно на его податливости (инь). Таково естественное равновесие, присущее в равной степени всем вещам (мы затрагивали тему равновесия в главе 4). По сути дела, свойство равновесия — или избегающая крайностей природа Дао — существует, чтобы мы могли осознать высшее выражение нашей истинной природы.

Вы, например, можете всегда быть уверены, что, если мужчина лезет из кожи вон, чтобы доказать вам свою мужественность, он тем самым угнетает выражение своего мужского начала. Точно так же, когда женщина пытается поступать «на 100 процентов по-женски», высшее выражение ее женского начала находится в опасности. Это наблюдение в VI–V вв. до н. э. побудило Лао-цзы написать следующие строки:

> Зная мужское, но оставаясь женским.
> Становится вселенским потоком.
> Становясь вселенским потоком,
> Не отделяется от вечной добродетели.

Иными словами, если мужчина позволяет себе быть слабым и если женщина позволяет себе быть сильной, в этом случае оба будут находиться в согласии с Дао и позволят себе самое полное выражение каждый своей в высшей степени индивидуальной сексуальности. А это, в конечном счете, действительно величайшая из всех сила не только человеческих существ, но и всего живого.

Таким образом, неизбежно встает вопрос: как же мы можем выразить свое истинное «я»? В соответствии с философией Брюса Ли, ответ следующий: прежде всего нужно избавиться от своего эго, или чрезмерного самосознания. Необходима определенная степень «духовного ослабления», а этого возможно достигнуть только в том случае, если человек владеет принципом, который китайцы называют «ву-син» (по-японски «му-шин»), дословно —

«без-думие», или разрегулирование самосознания.

Путь бездумия

Понятие «ву-син» не означает ни пустой разум, лишенный эмоций, ни простое спокойствие ума. Брюс Ли так объяснял это понятие:

> Хотя спокойствие и невозмутимость необходимы, именно «несхватывание» ума составляет основу принципа бездумия… Мастер кунг-фу пользуется своим разумом как зеркалом — ничего не хватает, но и ничему не отказывает; получает, но не держит. Как объясняет это Алан Уотс, бездумие — это «состояние целостности, в котором разум функционирует свободно и легко, без ощущения присутствия второго разума, или эго, нависающего над первым с дубиной».
>
> Здесь он имеет в виду, что нужно позволить разуму мыслить так, как он хочет, без вмешательства отдельного мыслителя, или эго, существующего в человеке. До тех пор пока он мыслит так, как хочет, не требуется абсолютно никакого усилия, чтобы предоставить ему свободу, а исчезновение усилия для предоставления свободы — это именно исчезновение отдельного мыслителя.

Тем не менее для некоторых из нас актуален вопрос: как же все-таки мы «предоставляем свободу» разуму? Брюс Ли давал следующий ответ:

> Ничего не пытаться делать, ибо принимается все, что появляется в каждый последующий момент, в том числе неприятие. Бездумие не означает, что у вас нет эмоций или чувств, это означает, что чувства в вас ни к чему не привязаны и не блокированы. Это означает разум, не подверженный эмоциональному влиянию, как река, в которой все. непрерывно течет, не останавливаясь, не успокаиваясь.

Иными словами, «ву-син» — это процесс применения разума с целью увидеть целое, а не кусочки; это взгляд на дерево во всей его красе, а не на один лист. Чжуань-цзы, последователь Лао-цзы, говорил:

Ребенок смотрит на вещь весь день не моргая,
Потому что его глаза не сосредоточены на отдельном предмете.
Он идет, не зная, куда направляется.
И останавливается, не зная, что он делает.
Он сливается со всем, что его окружает,
И движется вместе со всем этим —
таковы принципы умственного очищения.

Иными словами, сосредоточение не должно иметь обычный смысл ограничения внимания на единственном чувственном объекте; это, скорее, спокойное осознание всего, что происходит здесь и сейчас. Состояние бездумия позволяет уму присутствовать везде, потому что он не присутствует нигде. Как говорил Брюс Ли:

> Разум мастера кунг-фу… может присутствовать везде, потому что, даже если он связан с тем или иным предметом, он не. цепляется за него. Поток мыслей подобен воде, наполняющей пруд, всегда готовой излиться вновь и вновь. Он вырабатывает неистощимую силу, потому что свободен, он может быть открыт всему, потому что он не заполнен.

У явления «ву-син» есть много других названий, даже в самом китайском языке. Такие выражения, как «пен-син» (изначальный разум), «син-син» (вера в разуме) и «фу-син» (разум Будды) — это все варианты «ву-син», или неразрезанная на кусочки целостность всех наших физических способностей. Брюс Ли замечал, что любая задержка сознательного внимания только на одной мысли, аспекте, предмете, объекте или фокусе создает состояние «физической остановки», то есть антитезис «ву-син». Такой сегментированный мыслительный процесс, полагал Ли, ведет к состоянию колебания или отделения от настоящего и тем самым создает потенциальную возможность возникновения серьезных проблем, особенно для тех, кто сталкивается с вопросами жизни и смерти (см. эссе Алана Уотса «Дао ву-син» в приложении к этой книге). Ли отмечал:

> Основная проблема мастера боевых искусств — физическая остановка. Когда он вовлечен в смертельную схватку с противником, его разум часто цепляется за мысли или любые объекты, с которыми он сталкивается. В отличие от подвижного разума повседневной жизни,

> его разум «остановлен», неспособный переходить от одного объекта к другому, он клеек и вязок. Такой человек перестает быть хозяином самому себе, и в результате его инструменты перестают служить ему. Таким образом, иметь что-то у себя на уме означает чрезмерную озабоченность этим, и на другое уже не остается времени; однако попытаться перейти мыслями на что-то другое уже означает заполнить ум другим «чем-то»!

Иными словами, намеренные попытки достичь состояния незафиксированности, или бездумия, влекут за собой приложение умственных усилий, или того, что китайцы называют «вей» (неестественное стремление), что в значительной мере препятствует достижению этого состояния. Можно сравнить такие попытки со стремлением расслабиться с помощью приказа «Я должен расслабиться!», на ошибочность которого указывал Ли (см. главу 5). Чтобы достичь этого естественного состояния неаналитического наблюдения и понимания, налицо должно быть умственное состояние нецеленаправленности, о котором вот что говорил Ли:

> В конечном итоге следует быть «нецеленаправленным». Под нецеленаправленностью не подразумевается простое отсутствие вещей, в которых преобладает бессмысленное ничто. Идея в том, чтобы не цепляться за мыслительный процесс. Дух по своей природе бесформен, и «объекты» не должны «застревать» в нем. Когда в нем что-то «застряло», ваша психическая энергия теряет равновесие, ее природная активность становится судорожной, она уже не течет свободно в потоке… Но когда преобладает состояние нецеленаправленности (которое является также, состоянием текучести, бездумности или же попросту повседневного ума), дух ничего не укрывает в нем, точно так же он не отклоняется ни в одном направлении; он переступает границы как субъективного, так и объективного; он бездумно отвечает на окружающие изменения и не оставляет следов.

Аналогия кошки

Это качество — «не отклоняться ни в одном направлении», не цепляться за вещи, не быть в центре — можно часто наблюдать в

поведении животных, особенно кошек. Когда кошка спрыгивает со стола, например, она просто освобождает себя; становится полностью расслабленной и приземляется на пол с мягким стуком, после чего продолжает свой путь. Кошка не забивает свой ум разными мыслями о том, как приземлиться, куда она пойдет после того, как прыгнет, или же — менее всего — «безопасно» ли вообще делать прыжок.

Продолжим нашу иллюстрацию. Если эта же самая кошка посреди прыжка со стола вдруг решит, что вовсе не хочет прыгать, то ее тело мгновенно станет напряженным, пытаясь изменить направление, и в конце концов ситуация закончится плачевно в момент приземления. Точно таким же образом, «ву-син» — это способ избежать такой умственной напряженности, или состояния паралича, вызванного анализом.

В этом отношении философия «ву-син», или бездумия, за которую выступает Брюс Ли, может быть уподоблена естественной реакции кошки, прыгающей со стола. Это означает, что с момента рождения нас, метафорически выражаясь, помещают в условия бега с препятствиями, начиная с положения существования, в котором мы чувствуем себя в безопасности, до положения несуществования (в котором безопасности нет). Мы фактически находимся в состоянии «падения» в смерть, и ничто не может остановить нас. Само собой разумеется, некоторым из нас дано падать с большей высоты, что позволяет немного продолжить спуск, но тем не менее все мы падаем. Однако вместо того, чтобы впасть в состояние напряжения при мысли об этом и попытаться во время полета умственно зацепиться за какие бы то ни было вещи (такие, как воспоминания о прошлом или надежды на будущее, которых не существует в сегодняшней нашей реальности), нам следует поступать в большей степени подобно кошке, когда речь идет о точке зрения на жизнь. Эту точку зрения, вероятно, лучше всего иллюстрирует стихотворение из дзэн:

> Пока живешь, будь мертвецом.
> Тогда, что бы ни делал,
> Если ты так живешь, будет правильно.

Другими словами, попытки остановить падение (реальность), цепляясь за объекты, которые сами по себе временны, в конечном итоге ничего вам не принесут. Необходимо помнить, что нет ничего, что не изменялось бы (не двигалось), чтобы остаться постоянным (жить), и это само по себе — положение инь — ян. Это также закон инверсии, или, как называл это великий учитель

дзэн Алан Уотс, закон парадокса. То есть, в определенном смысле, чем более вы делаетесь мертвы, тем более живыми вы становитесь. Чем вы делаетесь мягче, тем сильнее вы становитесь.

Этот, по сути, принцип «подчиниться и выжить» прекрасно иллюстрируется образом двух деревьев, придуманным Брюсом Ли, с которого мы и начали эту главу. Под снегом твердый ствол дерева становится жестким, и, по мере того как снег наваливается и наваливается, ветвь не поддается даже на дюйм до тех пор, пока она не сломается под тяжестью груза. Ива, однако, сразу же сгибается, даже если снега на ее ветвях совсем мало, и тем самым успешно освобождается от тяжести снега, поэтому ее ветви выпрямляются, невредимые и обновленные. Таким образом, это не вопрос слабости или безволия. Это не мягкость в смысле вялости и слабохарактерности. Это гибкость, это эластичность. Итак, пример ивы показывает нам, что мы можем достичь того, чего хотим, только через процесс покорности судьбе — и освобождения. В конечном итоге, это самый простой путь, и, возможно, кто-то отметит, что именно в нем проявляет себя высший ум. Как однажды написал Ли:

> Несуществующее нельзя запереть.
> Мягкость нельзя сломить.

Таким образом, вопрос поставлен: что вы за человек? Предпочитаете вы быть сильным, стоиком, как твердое дерево, позволяя личным проблемам накапливаться, одна за другой, до тех пор, пока вы тоже не сломаетесь? Или вы больше похожи на иву: не выносите бремени проблем, то есть выдерживаете, но предпочитаете слегка склониться, решая проблемы по мере их появления, чтобы потом снова выпрямиться, сильнее чем прежде, и, уступая и подчиняясь таким образом, жить жизнью, свободной от запутанных эмоциональных бурь? Брюс Ли относился к последним, и он учил своих учеников, что лучший способ бороться с превратностями судьбы — научиться подчиняться им:

> Настоящий мастер ДКД не противостоит силе и не отступает полностью. Он гибок, как пружина; он дополнение, а не противопоставление силе противника. У НЕГО НЕТ ТЕХНИКИ: ТЕХНИКУ ПРОТИВНИКА ОН ДЕЛАЕТ СВОЕЙ ТЕХНИКОЙ. У него нет намерения; намерение противника он делает своим намерением.

Для достижения состояния «ву-син» требуются, однако, особого вида действия, или, вернее сказать, особого вида бездействия, известные в Китае как «ву-вей» (в японском языке

«муй»).

Бездействие

Принцип «ву-вей» (дословно — «нестремление») указывает, что гармонии, внутренней или внешней, нельзя добиться, выступая против сути вещей. Это только спровоцирует конфликты и крайности. Когда человек позволяет своему самосознанию, или эго, подчиниться естественному потоку вещей, в этом случае достигается высшее действие — действие бездействия. Брюс Ли описывал этот процесс следующим образом:

> «Ву» означает «не», или «без», а «вей» значит «действие», «делание», «стремление», «напряжение», или «состояние занятости». Однако речь здесь не идет о действительном ничего неделании, а, скорее, о предоставлении разуму свободы, доверии к нему. Самое важное здесь — не напрягаться ни в каком отношении. Ву-вей в кунг-фу означает действие духа или разума, в том смысле, что управляющая сила здесь — разум, а не чувства. Во время спарринга мастер кунг-фу учится забывать о самом себе и следует движениям противника, предоставляя своему разуму свободу совершать собственные встречные движения без какого-либо сопротивления, он применяет гибкий подход. Все его действия выполняются без самоутверждения; он позволяет своему разуму оставаться спонтанным и не привязанным. Как только он начнет думать, течение его движений будет нарушено, и противник немедленно сразит его. Каждое действие, таким образом, нужно производить «неумышленно», даже не стараясь.

Такое непреднамеренное действие, совершаемое без усилий, было отличительным знаком Брюса Ли. Наблюдая Ли в действии, вы замечаете, что центральный, основной момент в его технике заключается в том, что он отражает атаку, не допуская ни малейшего интервала во времени. Этот принцип можно также наблюдать в танцах (где Ли тоже был весьма искусен — он занял первое место в соревнованиях колоний Британской короны по ча-ча-ча в 1958 г.). Хорошие танцоры обычно двигаются так, как будто они составляют единый организм; между ведущим движением мужчины и последующим движением женщины совсем нет интервала. Когда мужчина привык к партнерше, с которой он работал в течение какого-то времени, партнерша

чувствует себя почти частью его тела, потому что она двигается, мгновенно реагируя на его инициативу.

Во многом так же отвечает лист на ветви дерева на инициативу ветра: ветер подует, и лист просто идет за ним. То же самое происходит, когда вы смотрите на мяч, который плывет по воде. Он мгновенно реагирует на легчайшую модуляцию волн. Именно в этом подходе без интервала — истинный смысл ву-вей, по мысли Брюса Ли. Такой подход влечет за собой исключительное умственное или духовное равновесие, отсутствие отклонения в каком бы то ни было направлении или впадания в крайности любого характера. Этот подход — эмоциональная и духовная сосредоточенность, или равновесие, — один из ключевых моментов философии Брюса Ли и, по сути, основополагающая заповедь инь — ян.

Роль равновесия

Равновесие — это одно из первичных, почти аксиоматических понятий даосской философии, поскольку в основе философии Дао лежит глубокое уважение к естественному равновесию, присущему всем вещам. В царстве природы, например, вы не станете по собственной воле нарушать это равновесие; скорее, вы предпочтете приспособиться к природному потоку. Иными словами, вам следует всегда стараться идти вместе с ним и избегать, скажем так, ошибки типа той, что совершила в 50-х годах Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Пытаясь уничтожить малярию на Северном Борнео, ВОЗ применила пестицид диелдрин в борьбе с популяцией комаров, которые, как известно, являются переносчиками болезни. Поначалу люди в ВОЗ посчитали, что они решили проблему, поскольку это химическое вещество значительно уменьшило расплодившихся комаров (и даже мух и тараканов), а с ними сократилось и число заболевших малярией. Но затем случилась странная вещь: в деревенских хижинах начали проваливаться крыши прямо на головы людям, и началась эпидемия тифа.

Причина этого заключалась в том, что местные ящерицы стали поедать насекомых, отравленных диелдрином. Ящериц с токсином внутри поедали деревенские кошки. Соответственно, кошачья популяция в значительной степени вымерла. Как только исчезли кошки, в деревне немедленно расплодились в огромном количестве крысы. Они беспрепятственно бегали по деревням, перенося на себе тифозных блох. Крыши начали проваливаться, потому что ди-елдрин, помимо того, что он уничтожил комаров,

тараканов и мух, уничтожил также ос, которые прежде истребляли гусениц. Последние, предоставленные свободному размножению, принялись поедать тростниковые крыши хижин. Из-за вмешательства в природный баланс ВОЗ на некоторое время оказалась в определенном затруднении.

Философию равновесия, вернее сказать, уважение к равновесию, возможно, лучше всего можно проиллюстрировать, сжимая резиновый мяч. Как бы и где бы вы его ни сжимали, мяч поддастся, но никогда не потеряет своего равновесия. Это самая прочная форма в мире, заполненная целиком, она никогда не бывает смещена в сторону от своей оси. Быть заполненным целиком, не допускать смещения от оси или оттеснения чем бы то ни было — вот в чем цель философии Брюса Ли.

Аналогично этому, те из нас, кто хотели бы культивировать существование, свободное от стрессов, должны обладать этим же самым чувством равновесия, никогда не смещаться в сторону от оси, независимо от того, как сильно нас сжали. Мы должны научиться течь вместе с жизнью, так же, как мяч реагирует на движение воды, как лист следует за ветром и как мастер боевых искусств культивирует состояние гармонии между собой и своим противником. Когда мы сможем сделать это, мы уже никогда не попадемся в ловушку какого бы то ни было конфликта.

Глава 7
Взаимоотношения

Жизнь — это постоянный процесс установления взаимоотношений. Человек живет во взаимоотношениях, в них мы вырастаем.

Брюс Ли

Философия Брюса Ли делает акцент на том, что все мы — часть всеобщего грандиозного процесса, и человеческие существа не могут жить в вакууме или в изоляции. Другими словами, существовать — значит быть связанным в каком-то качестве. Ли определял взаимоотношения как связанные между собой вызов и реакцию на него между двумя сущностями, будь то муж и жена, родитель и ребенок, индивидуум и индивидуум (не в смысле интимных отношений), нация и нация или жизнь и смерть — и любые следствия этих первичных взаимоотношений. Взаимоотношения индивидуума с индивидуумом преобразуются в итоге в концепцию общества, так как из индивидуумов создается масса, или группа, совокупность которых известна как общество.

Аналогично этому, концепция семьи — это следствие взаимоотношений мужа и жены и родителя и ребенка, которое, в свою очередь, образует взаимоотношения близости, или общности. Значит, общение одного с другим — это, очевидно, форма взаимоотношений. Взаимоотношения как концепция — это, фактически, процесс саморазоблачения, а саморазоблачение — это просто плод наблюдения за самим собой во взаимоотношениях с другими.

Несомненно, в нашей Вселенной существуют бесчисленные формы взаимоотношений (и, как мы уже видели, даже в пределах нашего организма), но описывать их все — не является целью этой книги. Тем не менее мы сосредоточим свое внимание на пяти первичных формах взаимоотношений, о которых мы только что упомянули.

Муж и жена

Когда речь идет о взаимоотношениях мужа и жены, брак Брюса Ли с Линдой представлял собой совершенный симбиоз

двух независимых, хотя и взаимосвязанных между собой половинок, которые со временем соединяются в одно, большее, целое. Во многом их отношения были замечательным примером инь — ян, где личность Ли часто являла собой чистое ян — экстравертная, с ярко выраженным мужским началом, волевая, а его жена Линда была совершенным дополняющим компонентом к этим качествам, будучи чистым инь, интровертная, женственная, гибкая.

Они гармонично дополняли и завершали целостность друг друга; когда один расширялся, другой сокращался, и наоборот. Например, когда Брюс, который всегда был основным добытчиком средств существования в семье, вынужден был временно оставить работу из-за серьезной травмы спины (это случилось в начале 70-х годов), Линда сразу же взяла вечернюю работу и тем самым заполнила брешь в финансах семьи. Когда у Линды случалось ухудшение в каких-то делах, а Брюс был на подъеме, его уверенность поднимала ее настроение до такой степени, что равновесие почти полностью восстанавливалось. Энергия одного сливалась с энергией другого в едином потоке, который приспосабливался, как вода, к любым препятствиям, возникающим на их пути. Благодаря этому муж и жена были способны успешна лавировать среди жизненных коллизий и в итоге благополучно пройти через Них.

Брюс и Линда были хрестоматийным примером взаимооношений, полностью построенных на принципе инь ян

Брюс Ли в своем интервью в начале 60-х годов так комментировал философский аспект своих взаимоотношений с

женой: *«Линда и я — не двое людей, живущих каждый сам по себе. Мы — две половинки одного целого. Необходимо посвящать себя семье — две половинки, образующие целое, сильнее каждой по отдельности».*

В те немногие свободные минуты, которые бывали у Ли, он занимался переводом китайской поэзии на английский язык. В одном стихотворении древнекитайского поэта Цзы Йе есть строфа, которая наилучшим образом очерчивает взгляды Ли на взаимоотношения мужа и жены:

> Разве ты не видишь.
> Что ты и я —
> Ветви одного дерева?
> Когда ты радуешься, смеюсь я;
> Когда ты печалишься, я начинаю плакать.
> Любовь,
> Могла ли жизнь быть другой
> У тебя и меня?

Когда читаешь эти строки, немедленно вспоминаешь слова Ли, приведенные в главе 4, в отношении целостности и сосуществования всех вещей и природы дополнений. Один не смог бы выжить, если бы не существовал другой, и нигде это не видно лучше, чем во взаимоотношениях, в которых любовь составляет неотъемлемую часть.

Любовь как взаимоотношения

Природа любви, по мнению Брюса Ли, — это одна из наиболее трудных для понимания концепций. Любовь не приходит как интеллектуальная потребность; она не может возникнуть через строгое следование различным доктринам, которые только выхолащивают и засушивают это понятие: «Если человек любит, ему не нужна идеология любви».

Напротив, любовь — речь идет об истинной любви — это состояние бытия, где всякая деятельность, направленная на удовлетворение собственных эгоистических интересов, прекратилась. Я говорю «прекратилась» — как противоположность подавлению или отказу от нее. Чтобы пережить это состояние, требуется понимание действий, продиктованных эгоизмом во всех его сознательных разновидностях. Можно сказать, что истинные взаимоотношения существуют только в присутствии любви, однако что мы

подразумеваем под любовью? Возможно, мы лучше поймем это состояние, если определим, что не есть любовь.

Прежде всего, уверен, к разочарованию многих, что любовь не есть секс. Сказав это, добавлю, что секс — это часть любви. Иными словами, в чувстве любви, несомненно, присутствует физический компонент, вовлеченность тела, в равной степени как и ума, и это взаимное переживание. То есть вы должны верить, на определенном уровне, что существует нечто постоянное в отношении тела, или физической внешности, того лица, к которому вы испытываете чувство любви, и что эта физическая постоянная в своей основе устойчива и тесно «связана» с тем, что вы воспринимаете как личность того человека, о котором идет речь. Будь все по-другому, то есть если бы тело индивидуума, о котором идет речь, воспринималось бы как нечто непостоянное (как на самом деле и есть), вы в действительности были бы «влюблены», по определению, каждый день в новую личность.

Однако, как мы уже видели, мы действительно меняемся или, точнее сказать, мы сами — изменение, поскольку именно нашу способность меняться с изменением Брюс Ли называл «неизменным состоянием». Ключ к успеху в любви — в том, чтобы это ощущение переступило границы вашего физического тела (и те субатомные разновидности, которые составляют его) и чтобы любовь развивалась в симбиозе с чистой сущностью другого индивидуума, с которым вы испытываете это сильнейшее эмоциональное состояние. Насколько вы преуспели в этом отношении, настолько и будет продолжаться чувство любви. Там, где не происходит одновременной эволюции духа или, в данном случае, эволюции любви, состояние неспособности меняться с изменением приводит к измененному состоянию — в результате чего двое влюбленных в конце концов совершенно буквально расходятся.

Как правило, если люди склонны принимать во внимание только физический компонент взаимоотношений, их в итоге постигает разочарование. Это неизбежно, поскольку таков естественный результат попыток цепляться за природу или овладеть ею. Если же вы не цепляетесь за нее, но даете ей возможность развиваться по своему естественному пути, у вас получится воистину чудесное переживание. Попытка владеть другим индивидуумом идет вразрез с сущностью Дао. Вдумайтесь немного: человек, который владеет, по сути дела говорит: «Я так сильно люблю тебя, что должен владеть тобой», — и тем самым не даст другому — и самим взаимоотношениям — жить, развиваться и расти. Такое положение вещей обрекает взаимоотношения на нечто противоположное росту — смерть.

Пожалуйста, не воспринимайте эту точку зрения как направленную против взаимоотношений или против брака, как раз наоборот. Однако необходимо подчеркнуть, что обладание прямо противоположно любви. В действительности это проецирование личного эго на душу другого. Вспомните забавную историю о человеке, который заявил: «Я любил свою жену так сильно, что залез на гору и назвал ее в честь моей жены — я назвал ее Гора миссис Джимми Киндела! О! Останься моей возлюбленной!»

Если вы пытаетесь обладать людьми и делаете каким-либо образом свою сексуальную страсть собственнической, вы в действительности стремитесь зацепиться за физический мир. А поскольку физический мир сам по себе иллюзорен, вы выбираете линию поведения, не основанную на реальной действительности, и тем самым обрекаете взаимоотношения на неудачу. Однако если ощущение любви позволит вам «освободить» другого, не цепляясь за него и не пытаясь обладать им, вы поймете, что ваши взаимоотношения стали не только намного более интересными, но и выросли в крепкий союз тел, ума и духа. Другими словами, любовь может существовать в атмосфере, свободной от эго, — там, где человек забывает о себе.

Брюс Ли считал, что человек не обладает или владеет «любовью», но, скорее, проживает это чувство в настоящем до максимально возможной степени и упивается ее переживанием. Ли придерживался мнения, что любовь и счастье, которыми он наслаждался со своей женой, были построены на способности обоих не «быть влюбленными», но просто «любить». Это невероятное физическое, умственное и духовное переживание, по Ли, вырастает наиболее успешно на крепкой основе дружбы. В одном из самых лиричных определений, которые он давал на эту тему, Ли описывал любовь следующим образом: *«Любовь — как воспламенившаяся дружба. Вначале это пламя, очень сильное, часто горячее и яростное, и все-таки это только свет и мерцание. По мере того как любовь взрослеет, наши сердца становятся зрелыми, любовь, делается похожей на угли — горение происходит в глубине, оно неугасимо».*

Счастье пары людей нужно черпать, считал Брюс Ли, не из романтического вихря, который подразумевает эмоциональное состояние крайних степеней, но из более уравновешенных взаимоотношений (вспомните, что истинное инь — ян выражается через сдержанность и спокойствие, а не через крайности). Ли однажды заметил:

Счастье, которое черпают из возбуждения, — как

яркий костер. Очень скоро он угасает. Перед тем как пожениться, у нас никогда не было времени пойти в ночной клуб. По вечерам мы смотрели телевизор и болтали. Многие молодые пары ведут очень активный образ жизни, пока влюблены друг в друга. И поэтому когда они женятся и их жизнь замедляет темп, становится спокойной и однообразной, они начинают испытывать нетерпение и тогда выпивают горькую чашу неудачного брака до дна.

Инь — ян и перемены среднего возраста

Точка зрения Ли хорошо обоснована. Из предыдущей главы мы узнали о проблемах, связанных с попытками бросить вызов естественному порядку или равновесию вещей, и эта точка зрения, возможно, как никогда, справедлива, если речь идет о взаимоотношениях людей. Несомненно, многие слышали о таком понятии, как мужская менопауза: это время жизни (считается, что это возраст около сорока лет), когда мужчина оглядывается назад, на свою жизнь и внезапно впадает в панику, полагая, что жизнь (читай: радости жизни) почти прошла мимо. На этом этапе мужчина той категории, о которой мы говорим, бросается во всевозможные трогательные забавы, которые служат ему своего рода тактическими ходами (покупает себе паричок, гоняет на новой спортивной машине, бегает за девушками) в попытке повернуть часы вспять и вернуться к тому времени, когда он «жил настоящей жизнью» или, по крайней мере, «имел какие-то развлечения».

Причина такого вывихнутого поведения (если мужская менопауза действительно существует) в том, что ничто не продолжается дольше, чем должно, и, когда человек идет по жизни, наблюдая ее со стороны и анализируя (то есть через западный гипераналитический подход), он в результате обнаружит, что его активная жизнь будет подавлена. Можно стоять в стороне, подавляя реальность, только до того момента, как произойдет слом и поворот в диаметрально противоположную сторону. Вы, возможно, помните слова Брюса Ли, приведенные в главе 3: *«Жизнь существует, когда проходит ЧЕРЕЗ нас неудержимым потоком, ибо тот, кто живет, не осознает процесс жизни, и в этом — ЖИЗНЬ».*

Ли учил, что мы должны сознавать взаимосвязанность микрокосма и макрокосма, что мы должны прийти к пониманию единого целого, которое мы составляем с природой и друг с

другом. Ли также считал, что способ позволить жизни проходить через нас заключается не в том, чтобы стоять в стороне и анализировать ее (западный подход), но в том, чтобы, достигнув состояния расслабления и позволив жизненному потоку течь через нас, понять, что мы все — часть огромных космических циклов энергетического потока, включенных в принцип равновесия в пределах инь — ян: *«Крайности ничего не дают… Только трезвое спокойствие продолжается, и так было, есть и будет всегда. Только середина всех вещей сохраняется, потому что маятник [жизни] должен сохранять равновесие, а середина — это и есть равновесие».*

Легко увидеть, как жизнь, проведенная в работе с девяти до пяти, в аналитических размышлениях по поводу оплаты счетов, кредитов на недвижимость, в зарабатывании премии и планировании пенсии может привести к ощущению, что жизнь прошла мимо — как оно и есть на самом деле — в возрасте сорока лет или позже. Таким образом, ключ к получению от жизни всего, что она может дать, просто в вашем решении жить своей жизнью в соответствии с принципом инь — ян и научиться действовать вместе с естественными формами нашего мира. Именно это имел в виду Брюс Ли, когда говорил: *«Я не мог жить по жесткому расписанию. Я пытаюсь жить свободно от одного мгновения до другого и позволяю вещам происходить, приспосабливаясь к ним».*

Другими словами, дайте просто своей карьере и ежедневной деятельности быть гармоническим выражением того, что вы на самом деле есть.

Родитель и ребенок

По поводу взаимоотношений родителей и детей Брюс Ли считал важным внедрить в своих детей прочное чувство «семьи». Он говорил:

> Возможно, не так легко развивать это чувство [уважения к семье] в Соединенных Штатах по сравнению с Гонконгом. Это одна из причин, по которой я хотел бы, чтобы мои дети некоторое время ходили в школу в Гонконге — чтобы лучше научились уважать семью и ее традиции, — таким способом они приобрели бы самоуважение.

Моментом самой большой гордости для Брюса Ли, несомненно, было рождение двух его детей. На фотографии гордый отец Брюс Ли проводит время с дочерью Шэннон (слева) и сыном Брэндоном

Брюс Ли отмечал, что на Востоке, благодаря сильному ощущению семейных уз, преступность среди несовершеннолетних и неуважение к законам развиты не до такой степени, как это наблюдается в Северной Америке. Он говорил: «Гонконг — это британская колония, вы знаете это, он практически наполовину западный. И все-таки китайский мальчик, вырастая здесь, знает, что, если он опозорит себя, он навлечет позор и на весь свой род — на большой круг людей. И я думаю, что это хорошо».

Ли говорил, что во времена его детства в Гонконге стандартным правилом в воспитании детей в старых китайских семьях было никогда не противоречить родителям. Находя много достойного восхищения в этом методе, он тем не менее был рад, что с течением времени и под влиянием западных тенденций это когда-то неоспоримое правило стало носить рекомендательный характер в большинстве семей Гонконга. Он указывал: *«Отец никогда не бил меня, и я сам не собираюсь бить Брэндона. Думаю, каждый отец в состоянии контролировать ситуацию, приспосабливаясь к ней. Вы понимаете, что я имею в виду?»*

В самом деле! Не является ли это «приспосабливание к ситуации» тем самым советом, который дал юному Брюсу Ли его инструктор по кунг-фу Ип Мэн? Не является ли этот путь ближайшим к пути природы, когда речь идет о встрече с превратностями судьбы? Это, в конце концов, просто применение инь к проблеме ян. Если упрямый ребенок ведет себя в духе ян (настаивает на своем, сопротивляется и т. д.), вы ничего не добьетесь, добавляя к этой силе ян встречную силу ян (например, спорите с ребенком или бьете его). Принцип невмешательства в природу укажет вам, что вы должны позволить ребенку развивать свою личность посредством самовыражения. Однако если эта личность начинает слишком сопротивляться или любым другим способом подрывать естественную структуру Дао, единственным

решением здесь будет — дополнить поведение ян равной пропорцией инь.

В строках из «Дао дэ цзин», адресованных тем, кто стремится править (в государстве или семье), Лао-цзы замечает:

> Ты, который опирается на Дао, управляя людьми,
> Не пытайся принуждать к чему-либо
> Или побеждать врагов силой оружия.
> Ибо любой силе найдется противодействие силой.
> Насилие, даже с добрыми намерениями,
> Всегда обратится против тебя.
> Мастер делает свое дело,
> А потом останавливается.
> Он понимает, что Вселенная всегда вне контроля
> И что попытки властвовать над событиями
> Идут против потока Дао.

В результате неуравновешенная и неуместная энергия ян вашего ребенка станет более концентрированной и будет выражаться в более управляемом, спокойном и желательном (с точки зрения родителей!) поведении.

Вскоре после рождения Брэндона в 1965 г. Ли спросили, какие уроки он как молодой отец надеется преподать своему сыну. Его ответ заключает в себе заботы и тревоги всех родителей — настоящих и будущих.

> Брэндон воспитывался среди двух культур. В китайской культуре есть свои хорошие стороны, в западной — свои. Какие-то принципы он возьмет от одной, какие-то — от другой. Брэндон узнает, что восточная и западная культуры являются не взаимоисключающими, а взаимозависимыми. Ни одна из них не была бы замечательна сама по себе, если бы не существование другой. Многое из того, что Брэндон узнает из западной культуры, придет сначала от его матери, потом от друзей его детства, позже — из школы.
>
> Многое из того, что Брэндон узнает из восточной культуры, придет сначала от меня, а я буду знать это из кунг-фу, в котором влияние дзэн очень сильно. Дзэн почерпнул многие концепции из китайской веры в равновесие: инь — женственное и мягкое, ян — мужественное и твердое. Приняв эту идею, нужно добавить другую: ничто не может быть чистое инь или чис-

тое ян. Мягкость скрывает твердость; твердость должна видоизмениться через мягкость. Ни одна женщина не должна следовать за мужчиной пассивно. Она должна знать, кто существует активный путь следования. Она должна иметь то, что западные люди называют «хребет». По той же самой причине ни один мужчина не должен быть абсолютно твердым; его решительность должно смягчать сострадание.

Как только Брэндон научится понимать инь и ян, он узнает, что крайности ничего не гарантируют. Например, эти прически, которые многие мальчики носят сегодня, на самом деле не прически, а маски. Мода не может длиться долго, потому что это крайность, и скоро от нее устают и последователь, и сторонний наблюдатель. Возможно, наблюдатель устанет быстрее, однако в любом случае всех ожидает огромная скука. Только трезвая умеренность никогда не прекратит своего существования. Только середина всего сохраняется, потому что у маятника должно быть равновесие, а середина — это и есть равновесие.

Есть еще одна частица китайской философии, которая имеет отношение к проблемам, присущим всему человечеству. Мы говорим; «Дуб могуч, и все же его сломает могучий ветер, потому что дуб противостоит стихиям. Бамбук склоняется на ветру и, склоняясь, выживает». Мы продолжаем эту идею, говоря: «Будь гибким. Живой человек мягок и гибок. Мертвое тело становится жестким». Гибкость — это жизнь; жесткость — смерть, идет ли речь о наших предрассудках или действиях.

Далее, не нужно пытаться гипераналитзиро-вать свою жизнь и оценивать ее. Стоять в

стороне и стараться заглянуть внутрь бесполезно; что бы там ни оказалось, оно уйдет. Это относится также к такому туманному понятию, как «счастье». Пытаться определить его — все равно что зажечь свет, чтобы разглядывать темноту. Вы начинаете анализировать его, а оно уже ушло.

В дзэн есть притча о человеке, который сказал:

— Учитель, я должен добиться освобождения.

Учитель спросил:

— Кто же тебя связывает?

Ученик ответил:

— Я не знаю. Возможно, я сам.

Тогда учитель сказал:

— В таком случае, почему ты ищешь освобождения у меня? Летом мы потеем, зимой дрожим от холода.

Ученик подумал:

— Он говорит о секретном месте, где только одна проблема — смена времен года.

Я расскажу Брэндону, что каждый связывает сам себя. Эти узы — невежество, лень, поглощенность самим собой и страх. Он должен освободить сам себя, одновременно принимая тот факт, что мы — часть этого мира, так что «летом мы потеем, а зимой дрожим от холода».

Личность и личность

Марита была разносчицей сплетен у себя на работе. Она всегда знала «последние новости» о том-то и том-то. Она жила чужими жизнями и поступками; как только кто-то где-то делал что-то, что могло представлять интерес для кого-то, Марша чувствовала, что через передачу новостей ее жизнь приобретала значение.

Когда бы вы ни столкнулись с такой особой, как Марша, ее следовало бы пожалеть. С духовной точки зрения, она заблудилась. На пути к самой себе ее некоторым образом упредили — только она этого не поняла. Марша пришла к заблуждению, что ее личность связана со способностью угождать другим через «добывание истории» о частной жизни каких-то людей.

Однако Дао ясно указывает, что такой путь не подходит, если вы хотите, чтобы люди принимали вас:

Поскольку он верит в себя.
Он не старается убеждать других.
Поскольку он доволен собой.
Он не нуждается в одобрении других.
Поскольку он принимает самого себя,
Весь мир принимает его.

Здесь на память может прийти наш друг Джефф из главы 2. Как и Джефф, Марши этого мира никогда не пребывают в состоянии покоя и никогда не ощущают настоящего удовлетворения от своих поступков. Причина такого положения вещей заключается в том, что, для того чтобы сделать

критический отчет о жизни другого человека или, точнее, о его мотивации или характере, необходимо в целях анализирования и критики этого другого находиться в стороне от собственной жизни. С точки зрения Брюса Ли, это означает просто взгляд в неверном направлении — особенно если имеется в виду мир в душе, рожденный от понимания самого себя.

> Да, мы обладаем парой глаз, функция которых — наблюдать, открывать и т. д. И все-таки многие из нас просто не видят истинного смысла этого слова. Должен сказать, что, пользуясь глазами только для наблюдения за другими людьми, которые неизбежно совершают какие-то ошибки, большинство из нас весьма охотно и быстро склонны прибегать к осуждению. Ибо легко подвергать критике и разрушать моральную силу других, в то время как познать самого себя трудно, и порой на это требуется целая жизнь. Взять ответственность за собственные дела — хорошие или плохие — это совсем другое дело. В конечном счете, знание означает самопознание.

Такие люди, как Марша, никогда не радуются своей жизни, потому что они больше не открыты ей. Они блокировали внутренние духовные каналы, через которые течет жизнь. Если им повезет, где-нибудь на их пути плотный серый туман поднимется, и они смогут вернуться на дорогу, сумев каким-то образом «опустошить чашу» и принять более здоровую, более позитивную, созидательную для самих себя точку зрения. Если же им не повезет, они вместо этого преуспеют в жизни через других, которые наградят их за подавление духа (либо получая прибавку к зарплате от такого же неуверенного в себе босса, который «хочет знать, что делают его подчиненные», либо сделав свои привычки профессией журналиста-«сплетника»).

Вы, возможно, усмотрите здесь противоречие: если человеку хорошо платят или он добился успеха, каким образом это означает невезение? Невезение заключается в том, что все это служит Маршам этого мира стимулом оставаться в состоянии духовного транса, прекратить внутренний поиск и продолжать существовать в качестве наблюдателя со стороны жизни, никогда не узнав, что же это такое: принимать участие в игре. Фактически это смертный приговор душе. Внутренний воин такой женщины, как Марша, никогда не достигнет полного выражения, и она закроет себе таким образом даже возможность когда-нибудь познать реальность или истину, препятствуя достижению мира в самой себе и удовлетворенности жизнью.

Наиболее интересные люди, которых нам доводится встречать, вообще говоря, это «делатели», а не регистраторы. Делатели живут полной жизнью, без опасения пробуя различные оттенки ее многоцветной палитры и переживая весь эмоциональный спектр радости и печали, удовольствия и боли. Делатели учатся, как приспособиться к жизненным переменам, подобно тому, как поплавок приспосабливается к игре волн. Брюс Ли указывал, что существует так много вещей, которые нужно узнать о самом себе, о своем внутреннем «я», что тратить время на анализ поведения других людей — это терять его безвозвратно и позволить песку утекать из песочных часов жизни. Время нужно использовать для гораздо более важных и намного более вознаграждающих поисков своего высшего «я».

Нация и нация

Брюс Ли надеялся, что с помощью своих фильмов он сможет осуществить две цели: первую — открыть западной публике китайскую культуру достойным просветительным способом, и вторую — рассказать населению Востока о некоторых наиболее тонких элементах западной культуры, таких, как искусство и производство фильмов. Вопрос взаимоотношений наций — это вопрос взаимоотношений больших масс людей. Что же касается пункта «О ты, сосед, остерегайся!», то Ли никогда не соглашался с его существованием. Когда журналисты задали ему вопрос в конце 60-х годов об очевидной враждебности коммунистической партии Китая по отношению к Западу, Ли ответил: «Как любая бедная страна или личность, они враждебны, пока они внизу. Если у вас ничего нет, вы можете себе позволить быть враждебным. Подождите, пока они тоже начнут процветать. Очень скоро они успокоятся и точно так же захотят мира, как и весь остальной мир».

Нация должна говорить с нацией: с созданием фильма «Выход Дракона» (1973), самого первого совместного китайско-американского фильма, Ли почувствовал, что сделал Восток немного ближе Западу. На фотографии он и американский актер Джон Саксон, занятый в другой главной роли в фильме, демонстрируют перед камерой жест мира

Он был особенно оптимистичен в отношении возможностей, которые появятся, когда Восток и Запад станут ближе друг к другу. Когда спросили его мнение по поводу тех потенциальных благ, которые может принести обеим культурам визит в Китай президента США Ричарда Никсона в начале 70-х годов, он ответил: *«Как только произойдет открытие Китая, оно принесет с собой большее понимание! Все больше появится вещей, которые покажутся странными глазу западного человека, понимаете? И может быть, при сравнении контраст породит что-то новое. Так что впереди предстоит богатый событиями период».*

По иронии судьбы, в то время как взгляды Ли на взаимоотношения Востока и Запада были весьма философичны, сам Ли вступил бы в горячий спор с Платоном по поводу политики, потому что он считал наихудшим из всех возможных вариантов управления государством тот, при котором им управляют философы. Любой естественный процесс они портят теориями, а их способность произносить речи и умножать идеи — самый верный знак неспособности действовать. Брюс Ли говорил:

> Знать недостаточно; мы должны применять знание.
> Желания недостаточно; мы должны действовать.

Западный философ или интеллектуал мог бы на самом деле считаться опасным для общества, потому что он постоянно обдумывает правила и законы; он желает строить общество как геометрическую фигуру и не осознает, что такое регулирование разрушает свободу и жизненную силу составных частей общества. Следуя даосским принципам отказа от анализа, идеальный лидер или правитель — это тот, кто регулировал бы жизнь своих подданных как можно меньше; если бы он и направлял нацию, его руководство было бы свободно от хитростей и махинаций, от разных сложностей и отличалось бы безыскусной простотой, при его правлении жизнь следовала бы мудро-бездумному раз и навсегда заведенному порядку природы.

Что представляет собой «раз и навсегда заведенный порядок природы»? В одной фразе его можно выразить как порядок отсутствия порядка. Природа — это естественное действие, молчаливый поток традиционных событий, величественный порядок смены времен года и течения дней; это Дао, или Путь, объясняющий и проявляющий себя в ручейке, камне или звезде; он беспристрастен и безличен, и все же это — рациональный

закон всех вещей, которому закон человеческого поведения должен соответствовать, если человеческие существа действительно хотят жить в мире и мудрости. Закон всех вещей, как мы уже поняли, — это Дао Вселенной, так же, как закон поведения — это Путь жизни; в действительности, думал Брюс Ли, оба Дао — это одно целое, и человеческая жизнь в своем непременном благотворном ритме — это часть вселенского ритма мира.

В западном мире ближайшей философской системой к философии Дао была гипотеза Абсолютного, выдвинутая Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (1770–1831). Абсолютное является итогом всех вещей в их развитии. Гегель постулировал Бога как Причину, а Причину — как сеть и структуру естественного закона, в пределах которого растет и развивается жизнь или дух. Эту концепцию на Западе в действительности ранее высказал Барух Спиноза (1632–1677) в своем утверждении, что вся реальная действительность — не что иное, как единая субстанция, которую он называл «Deus sive Natura» (Бог, или Природа), некая форма, если хотите, космического Дао. В соответствии с философией Брюса Ли, именно в аналогичном космическом Дао соединяются все законы природы, чтобы создать почти спинозовскую субстанцию реальной действительности. В ней находят свое место все естественные формы и виды, в ней встречаются все очевидные несоответствия и противоречия; именно в Абсолютном все частности сводятся в одну огромную взаимозависимую сеть гегелианского единства.

Жизнь и смерть

В грандиозной схеме взаимоотношений нет ничего столь неизбежного — и столь близкого, — как жизнь и смерть. Эти два взаимных дополнения являются крайними антиподами инь — ян, а это означает, что они лишь на волосок отстоят друг от друга. Старение и смерть — это путь вещей, естественный путь. Уход до наступления старости — любой уход — это трагедия, цветок, срезанный до того, как он зацветет. Если не считать несчастный случай, смерть предназначается старости, в результате чего юность и смерть встречаются, когда проходят по улице. В самом деле, жизнь питает смерть, и продолжение жизни утверждается за счет постоянного рождения и смерти отдельных клеток.

Незадолго до того как эта книга пошла в печать, умер мой отец. Ему было восемьдесят пять, так что умер он «от старости». Его смерть побудила меня приостановить работу и задуматься

над тем, что же такое старость в ее взаимосвязи с жизненным циклом. Мне пришло в голову, как, должно быть, раньше Брюсу Ли, что, как только мы поймем природу этой взаимосвязи, мы почувствуем, что стало меньше оснований для горя. Как говорил Уилл Дюран, который, между прочим, был любимым философом моего отца,

> «В своей основе старость — это состояние плоти, протоплазмы, которая неизбежно находит предел своей жизни. Это отвердевание артерий и классификации понятий, замедление мышления и крови; человек стар настолько, насколько стары его артерии, и молод настолько, насколько молоды его мысли.
>
> Способность усваивать новые знания ухудшается с каждым десятилетием нашей жизни, как будто ассоциативные нити мозга собраны и перекрыты жесткими структурами. Новому материалу больше нет места, и недавние впечатления стираются так же быстро, как обещания политика и память общества. По мере того как распад продолжается, нити и связи теряются, координация подводит; старый человек впадает в обстоятельность и теряет стержень разговора.
>
> Далее, подобно тому как ребенок растет тем быстрее, чем он меньше, так и старик старится быстрее с каждым днем. И так же, как ребенок защищен нечувствительностью в момент прихода в этот мир, старость облегчается апатией чувств и воли, потому что природа медленно ввергает человека в состояние общей анестезии, прежде чем она позволит косе времени завершить свою самую главную операцию… По мере того как уменьшается интенсивность ощущений, стирается чувство жизненного начала; желание жить уступает место безразличию и терпеливому ожиданию; страх смерти странным образом перемешивается с желанием отдохнуть. Возможно, именно тогда, если человек жил хорошо, если он познал настоящий смысл любви, соки и зрелость опыта, он может умереть с определенным чувством удовлетворения».

Так говорил о старости Уилл Дюран в 1929 г. Брюс Ли в сценарии, созданном совместно со Стирлингом Силифантом и Джеймсом Кобурном, изобразил главного героя, мастера боевых искусств по имени Корд, который должен был встретиться с воплощением смерти — это входило в три испытания на пути к достижению мастерства во владении самим собой. В секунды,

предшествующие этой встрече, Корд говорит самому себе о принятии смерти и почти дюрановском «безразличии» по отношению к ней:

> Конечно, ты здесь. Смерть всегда здесь. Так почему я боялся? Твой прыжок молниеносен. Твои когти остры и беспощадны. Что ты можешь взять у меня, что еще не принадлежит тебе?.. Все, что я сделал до настоящего момента, бесплодно. Все это не привело ни к чему. Нет другой дороги, кроме той, что ни к чему не ведет, — и теперь передо мной только один реальный факт — смерть. Истина, которую я все время искал, эта истина — смерть. И все же смерть тоже ищет. Всегда ищет меня. Так что мы наконец встретились. И я готов. Я пребываю в мире. Потому что я побеждаю смерть с помощью смерти.

Иными словами, утрачивая желание вцепиться в жизнь из страха смерти, мы тем самым освобождаемся от страха смерти. То есть если вы можете добиться того душевного состояния, при котором вы признаете, что ничто не привязывает вас к этой земле или к этой жизни, тогда вам нечего терять, ибо если вы не имеете привязанностей в этом мире, то ничто не побуждает вас жить из страха что-то потерять. Как только вы приняли этот подход, вы освободились, чтобы продолжать жить с несвязанным умом.

Немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832) однажды описал это явление в стихотворении «Selige Sehnsucht» («Экстаз и любовь») из сборника лирических стихов «Западно-восточный диван»:

> Und solang du das nicht hast,
> Dieses: Stirb und werde!
> Bist du nur ein truber Gast
> Auf der dunklen Erde.
>
> (И до тех пор, пока у тебя нет знания этого приказа: Умри и стань! —
> Ты будешь всего лишь печальным гостем на темной земле.)

Как говорится в буддийском стихотворении, написанном в Китае несколько веков назад Бунаном,

> Пока живешь,
> Будь мертвецом Совершенно мертвым —

И живи так, как хочется,
И все будет хорошо.

«Юность и смерть встречаются, когда проходят по улице». Брюс Ли о сцене на кладбище из фильма «Выход Дракона»

В результате такого понимания вы достигаете отречения от самосознания, или эго, и через это освобождаетесь от всего, что преграждает путь естественному ходу вещей. Как только преграда снята, мы можем встретить жизнь не только с лучшим пониманием ее деяний, но также со способностью наслаждаться ею и отвечать на каждое ее движение с новым ощущением ее ценности. В другом сценарии, над которым Ли работал в сотрудничестве с Сили-фантом, герой произносит следующие слова:

> Как любой человек, ты хочешь узнать путь к победе, но никогда не принимаешь пути к поражению. Принять поражение — научиться умирать — значит освободиться от поражения. Как только ты принял его, ты свободен плыть дальше, жить в мире. Изменчивость — путь к опустошенному разуму. Поэтому, когда наступит завтра, ты должен освободить свой честолюбивый разум и научиться искусству умирать.

Эти слова Ли вызывают в памяти даосскую рукопись Лао-цзы, который писал:

> Опустоши свой ум от мыслей.
> Дай сердцу пребывать в мире.
> Наблюдай суматоху существ,
> Но размышляй об их возвращении.
>
> Каждое отдельное существо во Вселенной

Возвращается к их общему источнику.
Возвращение к источнику есть безмятежность.
Если ты не осознаешь существование источника,
Ты оступаешься в смущении и печали.
Когда ты осознаешь, откуда ты пришел,
Ты, естественно, становишься терпимым,
Незаинтересованным, довольным,
Добросердечным, как бабушка,
Величественным, как король.
Поглощенный в чудо Дао,
Ты можешь справиться со всем, что преподносит жизнь,
А когда придет смерть, ты готов к ней.

Тот факт, что мы в конце концов должны прекратить существовать, что всех нас в конце концов призовет к себе то, что мы называем смертью, — не нужно оплакивать; это жребий, выпавший нашему роду, и даже самые великие личности не могут избежать его. Такие титаны, как Сократ, Лао-цзы, Будда и Шекспир, даже сам м-р Дюран, в конечном итоге покинули этот бренный мир. Ни одно человеческое существо, каким бы значительным оно ни было, не минует косы смерти. Ли описывал это естественное явление в интервью, которое он дал в 1972 г. в Гонконге:

> Во все века конец героев такой же, как и конец обычных людей. Все они умерли, и постепенно воспоминания о них изгладились из памяти людей. Но пока мы живы, мы должны понять, открыть и выразить самих себя. Таким путем мы можем идти вперед.

Иными словами, в какой-то момент во время предстоящих нам поисков ключа к пониманию самих себя мы должны принять тот факт, что существование в нашем теперешнем состоянии должно в конце концов прекратиться. Фактически мы уже узнали из предыдущих глав, что наши физические сущности постоянно меняются и что наши тела не состоят из неизменной твердой материи, они состоят из энергии. Мы знаем также, что наша энергия — не что иное, как выбросы воистину бесконечных энергетических полей, которые заполняют Вселенную в длину и в ширину. Имея это в виду, еще раз взглянем на слова Брюса Ли:

> «Чтобы осознать свободу, разум должен научиться смотреть на жизнь, которая является мощным движением, не связанным во времени, ибо свобода лежит

за пределами области сознания».

Это, безусловно, совпадает со словами Алана Уотса о том, что мы действительно бесконечно «больше, чем мгновенные вспышки сознания между двумя вечными черными пропастями». Тот факт, что современные физики говорят нам, что мы состоим не из вещества, а из бесконечных энергетических полей, предполагает, по крайней мере, возможность освобождения энергии, которая есть источник нашей жизни, когда срок существования наших физических тел истечет. Без сомнения, это оказывается убеждением Брюса Ли:

> «Душа человека — это эмбрион в его теле. День смерти — это день пробуждения. Дух продолжает жить».

И все же нам по-прежнему трудно возносить хвалу жизни, когда она покидает тех, кого мы любим. Но это во многом происходит из-за ошибочного восприятия нами жизненного процесса. Как указывал Уилл Дюран,

> «Мы — не индивидуумы; из-за того, что мы так думаем, смерть кажется нам непростительной. В действительности мы — не что иное, как временные части нашего племени, клетки тела жизни; мы умираем и отпадаем, чтобы жизнь могла оставаться молодой и сильной. Если бы мы жили вечно, рост был бы задушен, юность не смогла бы найти места на этой земле. Но благодаря любви мы передаем нашу жизненную энергию нашим новым формам, перед тем как старые формы умрут; через родительство мы строим мост между поколениями, и так мы ускользаем от неприязни смерти».

Именно в потомстве продолжают жить наши предки — в своих детях и в детях детей. Последующие поколения продолжают род, черты внешности, а часто — и страсти тех, кого уже нет с нами. У кого-то из вас смерть, возможно, одержала победу над тем, кого вы так сильно любили, но реальность заключается в том, что смерть никогда не выигрывает в этой войне. Жизнь всегда побеждает через потомство, как завершает сам себя цикл инь — ян».

Глава 8
Расизм

Убеждение, что человек, родившийся с определенным цветом кожи или с определенным культурным наследством, наделен тем самым моральным превосходством или какими-то особыми правами, — это убеждение, которое должно было отмереть вместе с верой в божественное право королей. И все-таки, как свидетельствуют недавние беспорядки в Лос-Анджелесе и других крупных городах США, проблема расизма по-прежнему актуальна в двадцатом веке. Однако убеждение в том, что нужно быть у власти, чтобы быть расистом, не совсем верно. Расизм рождается от союза ненависти и невежества; это убеждение, а не право, и потому не является исключительной принадлежностью определенного социального статуса. Расизм — просто неправильное восприятие реальной действительности. Люди есть люди, независимо от цвета их кожи. Так же, как деревья и цветы, неважно, каких именно они видов, остаются деревьями и цветами. Род, то есть общий корень человечества, — вот что действительно важно, и такова была точка зрения Брюса Ли.

Какой бы трудной ни казалась проблема расовых взаимоотношений сегодня, в 60-е годы ситуация была еще хуже. Хорошо известно, что и Брюсу Ли, и Линде, его жене, пришлось столкнуться с серьезными препятствиями в своих взаимоотношениях. Помимо более общих проблем, с которыми приходится иметь дело супружеской паре в обществе, такими, как, например, финансовые затруднения, им приходилось преодолевать то, что в 60-е годы являлось табу в обеих культурах — межрасовый брак. Однако, придерживаясь философии, которую оба разделяли, ни Брюс, ни Линда не позволили убеждениям и предрассудкам других (то есть тому, что они были бессильны изменить, и они отдавали себе в это отчет) отразиться на чувстве любви, — а они знали, что оно существует, — и на их необыкновенных взаимоотношениях. В соответствии с философией Брюса Ли, расистские или же шовинистические убеждения — это результат неспособности видеть всю картину, непонимания вселенской основы, общей для всех нас: *«В основе своей особенности, присущие роду человеческому, везде одни и те же. Не хочу, чтобы мои слова прозвучали в духе «как говорил Конфуций», но под этим небом, люди, живет только одна семья. Просто так получается, что все мы разные».*

Говоря об интервью, которое он давал в Гонконге в 1972 г., в

ответ на просьбу сформулировать свои чувства по поводу расовых проблем Ли поведал следующее:

> Хотя другие могут не согласиться со мной, но, по-моему, расовых барьеров в действительности не существует. Если я говорю, что под солнцем каждый человек — член вселенской семьи, вы можете подумать, что я разыгрываю вас и что я — идеалист. Но, если кто-то по-прежнему верит в расовые различия, думаю, такой человек просто отстал от жизни и отличается узостью взглядов. Возможно, он все еще не понимает, что такое, человеческое равноправие и любовь.

Мысли Уилла Дюрана были созвучны утверждениям Брюса Ли, когда, сплетая великолепные кружева слов в своей скромной, но колкой книжечке, именуемой «Уроки истории», он писал:

> «Корни «расовой» антипатии — в этническом происхождении, однако ее порождают также и различия в приобретенной культуре — различия в языке, одежде, привычках, морали и религии. Не существует другого способа искоренить ее, кроме всеобъемлющего просвещения. Знание истории, возможно, научит нас, что цивилизация — это продукт совместного творчества, что в ее развитие внесли свой вклад практически все народы; это наше общее наследство и наш долг; цивилизованная душа обнаруживает себя, обращаясь с каждым мужчиной и с каждой женщиной, какого бы низкого социального положения они ни были, как с представителем одной из этих творческих, активно действующих групп».

Брюс Ли согласился бы с Дюраном в этом пункте, потому что он считал, что слишком много людей связаны предрассудками и традициями своих семей, общин, а также себе подобных. Если, например, родитель говорит ребенку, что данная раса или группа в пределах популяции плохая или злая, ребенок почти наверняка вырастет, считая, что так оно и есть. Когда, например, старшее поколение говорит чему-то «нет», младшее поколение точно так же не будет это одобрять. Как мы, однако, уже видели в главе 3, жизнь просто существует — и нет ее хороших или плохих форм. Именно само разнообразие и множественность форм жизни делают ее такой интересной, дают возможность переживать радость. У природы нет любимчиков, поэтому красная роза не выше по достоинству, чем желтая, а роза вообще — не выше гвоздики. Они таковы, каковы они были, есть и будут. Это

плоскость, которая лежит вне классификаций добро-зло, за-против, желательное-нежелательное. Уотс писал:

> «Это сфера великой Вселенной. Выглядывая ночью из окна, мы не делаем сравнений между правильными и неправильными звездами или между хорошо или плохо составленными созвездиями. По природе есть звезды большие и маленькие, яркие и тусклые. Но в целом — это великолепие и чудо, которое временами заставляет нашу плоть трепетать от благоговения».

Так же и с человеческими созданиями, которые, как вы теперь, без сомнения, хорошо понимаете, такая же часть Вселенной, как и звезды, описанные Уотсом. Именно незнание этого метафизического факта и приводит к ничем не обоснованным ложным предпосылкам, таким, как вера в существование высших рас, и эти предпосылки затем передаются из поколения в поколение, пока не станут традициями. И для того, чтобы сместить традицию с трона, всегда требуется трудный бой.

Как мы далее увидим, традиция — это также всегда значительная помеха на пути к независимому использованию своего разума в его попытках установить истину, которая препятствует честному выражению самых сокровенных (и самых честных) чувств человека. Как говорил Брюс Ли:

> Простая истина заключается в том, что мнения относительно таких вещей, как расизм, являются традициями, которые сами по себе — не более чем стереотип, созданный опытом предыдущих поколений. По мере того как мы развиваемся и приходят другие времена, этот стереотип необходимо реформироватъ. Например, люди воюют с другими людьми, потому что у них разные религиозные убеждения. Если бы, однако, они хотя бы немного поразмышляли на эту тему, они никогда бы не стали воевать по такому глупому поводу. Я, Брюс Ли, — человек, который никогда не следует стереотипам паникеров. И поэтому, каким бы ни был цвет вашей кожи, черным или белым, красным или синим, я стану дружить с вами без всяких сомнений.

Но что же с детьми?

Брюс Ли родился в Сан-Франциско гражданином США, он

был сыном знаменитого отца-китайца и красивой матери-европейки. Линда Эмери родилась в Эверетте, Вашингтон, у родителей шведско-английско-ирландского происхождения. Столь различная кровь смешалась в их сыне Брэндоне и дочери Шэннон. Результат великолепен, как могут подтвердить все, кто был знаком с ними.

И все-таки вскоре после рождения Брэндона (1 февраля 1965 г.) нашлись люди, которые чувствовали себя обязанными спросить: «Как же вы будете воспитывать своего сына в мире, где повсюду царят предрассудки?» Ли отвечал на этот вопрос соответствующей китайской народной сказкой.

Брюс Ли считал, что «под этим небом живет только одна семья». На фотографии — Брюс, гордый отец двух прекрасных детей, которым он помог присоединиться к этой вселенской семье, держит на руках свою новорожденную дочь Шэннон (1969 г.)

> Жил-был искусный мясник, который год из года пользовался одним и тем же ножом, а нож по-прежнему сохранял остроту своего прекрасно отточенного лезвия… Всю жизнь мясник работал этим ножом, и нож оставался все такой же острый и был исключительно хорош в работе. Когда мясника спросили, как ему удалось сохранить лезвие таким острым, он сказал: «Я иду вдоль твердой кости. Я не пытаюсь ни разрезать, ни разбить ее, ни бороться с ней каким-либо другим способом. Так я бы только сломал свой нож». В повседневной жизни человек должен идти вдоль препятствия. Пытаться атаковать его — это только сломать инструмент. И что бы некоторые ни говорили, препятствия — это не жизненный опыт какого-то одного человека или груп пы людей. Они — жизненный опыт всех. Я буду объяснять Брэндону все, что каждый, независимо от того, кто он и что он, должен

знать с детства.

В Китае в магазинах продаются собачки неваляшки, вроде ваших клоунов-неваляшек. Они символизируют правило: «Девять раз упади, десять раз поднимись». Смысл этого правила — никогда не опускать руки, не унывать. Более того, помимо наставлений такого рода, я научу Брэндона идти вперед. Иди — и увидишь новое. Иди — и увидишь, как летают птицы. Иди — и оставишь позади все, что может воспрепятствовать жизненному опыту войти в тебя или, наоборот, выйти наружу.

Я расскажу ему, [что он не должен] отдаваться чему-либо целиком, без остатка. Что-то нужно оставить про запас. Английская поговорка гласит: «Не кладите все яйца в одну корзину», но это сказано о материальных вещах. Я же имею в виду эмоции, интеллект, дух. Я могу проиллюстрировать свои убеждения на примере собственной жизни. Мне еще многому нужно научиться как актеру. И я учусь. В это я вкладываю самого себя, но не целиком и полностью. Кунг-фу также занимает существенную часть моей жизни.

Наконец, образование Брэндона будет пронизано конфуцианским учением о том, что высочайший уровень человеческого поведения заключается в том, чтобы обращаться с другими так, как хочешь, чтобы обращались с тобой, плюс верность, ум и всецелое развитие личности с точки зрения понимания пяти главных жизненных взаимосвязей: власть и те, над кем власть осуществляется, отец и сын, старший и младший брат, муж и жена, друг и друг. Вооруженный этим знанием, думаю, Брэндон не пропадет.

Расизм в Голливуде

Помимо обучения своих детей правильному отношению к расизму, Брюс Ли сам должен был бороться с этой проблемой — речь идет о роли Като в телевизионном сериале «Зеленый Шершень», которую ему предложили. Он ясно дал понять, что не заинтересован играть подчиненную роль, которая служит только дальнейшему закреплению стереотипа китайского персонажа, воплощенного в герое Хоп-синге в телевизионном сериале «Бонанза».

Ли дал понять, что ему придется предать некоторые из своих основных принципов, если он согласится играть роль Като:

> Поначалу все это выглядело в точности так, как будто нанимали мальчиков на побегушках. Я сказал Уильяму Доузье [продюсеру фильма]: «Знаешь что, если ты собираешься подписать контракт, где все с косичками, и я тоже, и должен скакать под джаз, то ничего не получится». Раньше существовал своего рода стереотип такой труппы. Как с индейцами. Настоящего индейца никогда не увидишь по телевизору.

Много лет спустя проблема расизма стоила Ли главной роли в телевизионном сериале «Кунг-фу» — в фильме, в создании которого он принимал участие. Он узнал об этом накануне своего знаменитого «Потерянного интервью». По какой причине? Не то чтобы он не подходил для этой роли, нет. Просто он выглядел «слишком по-китайски», чтобы американская аудитория приняла его. Как обычно, Ли воспринял эту новость без зубовного скрежета и без взрыва негодования. Он знал, что подобная реакция ничего не изменит и что сам инцидент свидетельствует о социальной проблеме, которая намного крупнее американской телевизионной индустрии. Как всегда, он отнесся к этой потере с философской точки зрения:

> Я уже решил, что нужно показать в Соединенных Штатах что-нибудь восточное — я имею в виду по-настоящему восточное. То есть все, что было раньше, — это одно и то же: косички и прыжки с воплями «Быстрей, шевелись!», раскосые глаза и прочее. А это все очень и очень устарело. Но вопрос стоял о том, как американская аудитория воспримет восточного человека в главной роли в телевизионном сериале, и, вероятнее всего, именно поэтому мое участие в сериале не состоялось. К сожалению, такие вещи [как расизм] действительно существуют в мире, вы понимаете? Как и в некоторых местах здесь, в этой стране, верно? Они думают, что, с точки зрения деловой мудрости, это риск — и я не порицаю их. Я имею в виду, что в Гонконге это в некотором смысле то же самое: если бы иностранец приехал в Гонконг, чтобы играть в фильме главную роль, а я был бы человеком, который этот фильм финансирует, я бы, наверно, тоже беспокоился о том, какова будет реакция публики.

Но, верный своей философии, Ли оставил надежду тем, кто стал жертвой расовой несправедливости. Он считал, что отдельная личность представляет все человечество и что счастье,

знание и смысл, к которым мы стремимся и которых мы ищем в многочисленных разнообразных источниках вне нас, в конечном итоге живут внутри нас. И единственный способ преодолеть несправедливость — быть правдивым и честным с самим собой — со своей душой: *«Он [расизм] не играет роли. Все будет в порядке, потому что, если вы честно выражаете самого себя, то, как люди воспринимают вас, не имеет значения, понимаете? Потому что вы добьетесь успеха. Вы сделаете это!»*

За день до того, как Брюс Ли записал знаменитое «Потерянное интервью» с канадским журналистом Пьером Бертоном, он получил сообщение, что не будет играть главную роль в будущем телевизионном сериале «Кунг-фу». Ли утверждал, что такие вещи, как расизм, не могут удерживать человека, если он честен перед своим внутренним «я»

Когда во время той же дискуссии один из интервьюирующих спросил его, считает ли он себя китайцем или североамериканцем, Ли дал краткий и философски окончательный ответ: *«Ни тем, ни другим. Я считаю себя человеком».*

Глава 9
Вызов

«Вы способны постоять за себя в настоящей драке?» — спросил британский журналист в Гонконге Тед Томас. Человек, которому был адресован вопрос — Брюс Ли, мастер боевых искусств номер один в двадцатом веке. Ли слегка ухмыльнулся, приставил в задумчивости указательный палец левой руки к губам, а затем ответил: *«Для начала отвечу шуткой, если вы не возражаете. Все время появляются люди, которые спрашивают: «Брюс, ты и вправду такой хороший?» Я говорю: «Ну, если я скажу, что я хороший, вы, вероятно, скажете, что я хвастаюсь. Но если я скажу, что я не такой хороший, вы будете знать, что я лгу».*

Посмеявшись вместе с Томасом над шуткой, Ли сменил свой легкомысленный тон: *«О'кей, вернемся к вашему вопросу. Чтобы правдиво ответить на него, скажу следующее: у меня нет страха перед противником, стоящим передо мной. Я очень самодостаточен. Придется ли мне драться, что-то делать, я твердо решил: бэби, ты лучше сделай так, чтобы меня убили, прежде чем я доберусь до тебя».*

Смысл быть таким, как Брюс Ли, который был способен справиться с любым конфликтом с помощью кулаков и ног и уверен, что может постоять за себя против кого угодно в этом мире, заключался в том, что он никогда не чувствовал необходимости показывать себя перед кем-либо, кроме как перед самим собой.

Вспоминаю одну историю, которую рассказал мне адвокат Ли, Эдриан Маршалл. Как-то вдвоем они отправились на ланч с кинопродюсером Рэймондом Чоу в дорогой ресторан в Вествуде. «Во время ланча нас обслуживал официант — полное ничтожество, он из кожи вон лез, чтобы нагрубить Брюсу, — рассказывал Маршалл. — Разговаривал с Брюсом так, будто делал ему одолжение, а Брюс, к моему большому удивлению, только улыбался этому человеку и полностью игнорировал его хамство. Под конец я спросил, почему он не поставит на место этого ублюдка. Брюс ответил: «Я пришел сюда в отличном настроении, так почему же я должен позволить кому-то его испортить?»

На меня этот простой случай произвел достаточно сильное впечатление. Брюса вообще было бесполезно донимать идиотским кривляньем, особенно если это был кто-нибудь, кого он мог уничтожить в одну секунду. Его чувство уверенности в собственных силах было настолько велико, что такое наглое

поведение не могло даже слегка его задеть».

Когда Брюс Ли был в хорошем настроении. он никому не позволял лишить его удовольствия в нем пребывать

К сожалению, немногие разделяют позицию отстраненного спокойствия Ли, когда речь заходит о подобных ситуациях. Многие считают, что они должны ставить на место других при малейшем намеке на оскорбление или угрозу, чтобы эти другие знали, что с ними шутки плохи. Ли посчитал бы это колоссальной потерей энергии. Подобная реакция могла также послужить знаком умственной слабости, поскольку вы, в действительности, позволяете кому-то воздействовать на вас или желать контроля над вашей волей. В конце концов именно вы решаете: вступить в драку или воздержаться от нее, спорить, мучиться чем-то или нет. Никто на свете не обладает от природы данной властью заставить вас сделать что-либо, что вам не хочется.

В основе всего этого, однако, лежит вопрос: а действительно ли вы убеждены в собственных силах? Если да, то взгляните на необходимость защищаться от подобного хамства с уверенностью столь же хладнокровной и спокойной, с какой смотрел на это Брюс Ли.

Конечной целью всех человеческих созданий, по мнению Брюса Ли, является самосовершенствование и с ним — самопознание. Имея это в виду, вопрос, который человек должен задать самому себе, звучит следующим образом: «Что должен я сделать сегодня, чтобы лучше понимать самого себя и в результате стать совершеннее?»

Во время интервью, которое он дал в 1971 г. в Гонконге, его попросили сформулировать свое отношение к людям, которые пытались «показать самих себя», постоянно бросая ему вызов. К его ответу, полагаю, стоит прислушаться всем тем, кого слишком легко задевают замечания других людей.

У всех этих людей, которые бросают нам вызов, должно быть что-то не в порядке с душой. Потому что если бы в них все было в порядке, им бы не нужно было вызывать на конфликт других

людей. Более того, большинство людей, которые бросают мне вызов, делают это потому, что не чувствуют себя уверенно и хотят использовать сражение со мной в качестве средства достижения какой-то неизвестной цели. Сегодня все. можно решить с помощью закона. Даже если вы захотите отомстить собственному отцу, вам не нужно вызывать его на драку. Когда я только начал изучать боевые искусства, я тоже часто пытался вызывать своих учителей. Но я узнал, что вызов означает одно, а то, как вы предпочтете ответить на него, будет означать нечто совершенно другое.

Какова ваша реакция на вызов? Насколько он задевает вас? Если вы уверены в себе, вы очень, очень легко отреагируете, потому что спросите самих себя: «Неужели я действительно боюсь этого человека? Сомневаюсь ли я, что этот человек собирается меня обидеть?» И если вы не сомневаетесь, если у вас нет никакого страха, тогда вы, безусловно, очень легко отнесетесь к этому.

Ли тогда привел метафору, которая ярко охарактеризовала его личный способ смотреть на темные периоды в жизни. Это способ, который всем нам стоит запомнить и применять, когда жизненный путь покажется слишком крутым для подъема: *«Это всего лишь вопрос взгляда на жизненные невзгоды как на дождь: сегодня он сильный, а завтра, бэби, солнце снова появится на небе».*

Иными словами, многое из того, что тревожит нас, по существу, временно и, как ливень, делает окружающий мир на некоторое время тусклым и унылым. Но, по аналогии с природой сильного дождя, большие неприятности не могут длиться бесконечно, и по мере их ухода на небе появляется благословенное солнце, которое восстанавливает естественное равновесие жизни. И гармония, и превратности судьбы требуются для духовного роста, так же как и дождь, и солнечный свет необходимы для биологического роста. Проблемы и их разрешение — это дополнение одного другим, как солнце дополняет дождь, чтобы цикл роста был завершен. Проблемы и их решение, инь — ян — они всегда взаимно зависят друг от друга, это путь всех вещей.

Глава 10
Избавление от стресса

Придерживаясь принципов инь — ян, Брюс Ли считал, что разум и тело — это две половинки одного целого. Иными словами, душевное благополучие должно быть уравновешено его дополнением — физическим благополучием. По этой причине личная философия Ли развивалась в целях максимального развития обоих компонентов одного целого. Неотъемлемой частью совершенствования этих двух составных частей является избавление как от физического, так и от душевного стрессов, которые Ли считал препятствиями, мешающими естественному вселенскому ходу жизни. Освобождение от этих препятствий через физическую активность, по мнению Ли, приводит к более радостному, свободному от стрессов существованию.

Один из первых исследователей стресса, ныне покойный д-р Ганс Сили, вел записи, регистрирующие тот факт, что душевный стресс может привести к множеству физических неполадок в организме, от сердечных приступов до алкоголизма и развития тучности.

И наоборот, Сили полагал, что избавление от стрессов может значительно ускорить решение этих проблем. Люди связывают стрессы с работой и шумом, однако стресс может также возникнуть при интенсивных упражнениях, угрозе физической безопасности, нанесении раны, например порезе пальца, или при виде старого друга. Сили обнаружил, что организм реагирует одинаково на удовольствие и успех, неудачу и печаль. Другими словами, то, что мы называем положительными или отрицательными переживаниями, может спровоцировать и провоцирует стресс, и фактически все мы находимся в той или иной степени в состоянии стресса, даже когда спим. То есть стресс, если правильно определить его, это просто утомление организма в результате жизненных переживаний, а его последствия зависят от того, насколько успешно мы потратим энергию, которую эти переживания аккумулируют в нашем организме.

Ли был твердо убежден в необходимости всех форм поддержания физического здоровья, в том числе и йоги. На фотографии он сидит в позе лотоса на одном из доков на озере Вашингтон в спокойный день после полудня

Разумеется, регулярное освобождение от накопившихся эмоций благоприятно, и понятно, что упражнения — одно из лучших средств для достижения этой цели. Мы живем в эпоху механики, нажимания кнопок, когда все делается за нас. Мы поднимаемся на эскалаторах и лифтах, ездим в автомобилях, автобусах, такси. Мы часами сидим перед телевизором с пультом управления в руке. «Жизнь — это движение» — однажды сказал знаменитый европейский силач и писатель Юджин Сандоу, и если мы не будем использовать наши мускулы, мы деградируем и состаримся раньше времени. Недостаток физических упражнений действительно ухудшает кровообращение и лишает клетки организма кислорода, необходимого, чтобы нормально функционировать. Многие из тех, кто страдает хронической усталостью, указывали, что они на самом деле чувствовали себя слишком усталыми, чтобы делать упражнения, однако, освобождаясь от напряжения через физическую активность, они неизменно обнаруживали, что уровень энергии у них возрос вместе с ростом жизненной силы и что они в дальнейшем чувствовали себя намного более энергичными.

Связь тело — разум

Брюс Ли не случайно был одним из самых энергичных людей, когда-либо ходивших по этой земле. Он постоянно тренировался, стараясь реализовать до конца все физические возможности, заложенные в человеке. Страсть Ли к упражнениям произрастала из осознания того факта, что с каждым шагом вперед в своем физическом развитии он узнавал все больше о самом себе с духовной точки зрения (в том смысле, что возрастало его понимание своих возможностей и их пределов), а это приводило к росту самопознания, или, как называл это Ли, «духовного осознания». В 1971 г. Ли в интервью с Тедом Томасом сказал:

«Самая важная вещь для меня — это уяснить, как в процессе постижения возможностей моего тела я могу прийти к пониманию самого себя».

Хотя Ли был горячий сторонник системы поддержания физической формы, эта сторона его личности выходит за пределы данной книги, поэтому мы не будем слишком углубляться в разработанный им подход к тренировкам, здоровью и физической форме. Для наших целей лучше сосредоточиться на одном, но исключительно важном аспекте его режима поддержания формы — статическом сжатии и его роли в освобождении от стресса.

Статическое сжатие

Брюс Ли давал высокую оценку упражнениям на статическое сжатие, не только рекомендуя их конкретно своим ученикам, но и включая в свои собственные тренировки. Эти упражнения, безусловно, один из наиболее простых выходов для каждого, кто ищет эффективный способ поддерживать свое физическое здоровье. Любой, от ребенка до лиц пожилого возраста, может воспользоваться комплексом упражнений на статическое сжатие Брюса Ли, а в смысле удобства этот комплекс поистине не знает себе равных — он занимает ровно три минуты в день! Другим фактором удобства является простота — упражнения можно выполнять где угодно и в любое время (можете делать их в спальне, в номере отеля или в гостиной) — и практически при любых условиях.

Личный комплекс упражнений на статическое сжатие Ли не требует особого мастерства, о котором стоило бы говорить. Здесь не нужно большой практики, и фактически это один из тех редких видов физической активности, который будет вам доступен с первого раза. Кроме того, это совершенно частное дело и, как и при беге (страстным поклонником которого был Ли), вы соревнуетесь, так сказать, только с самим собой. Сеансы занимают мало времени, а результаты становятся заметны уже очень скоро. Здесь также нет необходимости приобретать дорогостоящую одежду для тренировок, кроме того, во время занятий не наблюдается повышенного потоотделения, как в случае с упражнениями на движение. Дополнительным плюсом является отсутствие необходимости приобретать разные хитрые тренажеры, не нужно также выкладывать изрядные суммы в качестве членских взносов в местные клубы здоровья. Что касается временных затрат, то тут даже и сравнивать не с чем: эти простые и высокоэффективные упражнения занимают, еще раз

подчеркиваю, всего три минуты в день — и выполнение их позволит вам в значительной степени улучшить здоровье в целом.

Польза упражнений

Польза от выполнения этих простых движений велика: правильно выполненные, упражнения на статическое сжатие эффективно укрепляют тело, разум и усиливают энергию ци, то есть жизненно важную энергию, циркулирующую внутри нас. Тренируя тело, упражнения укрепляют основные группы мускулов с помощью мягких, медленных, непрерывных сжатий и расслаблений; их можно выполнять от простого к сложному, в зависимости от личных предпочтений и энергии. Регулярное выполнение упражнений на статическое сжатие помогает также укрепить связки и сухожилия, сердечную мышцу (сердце само по себе — это мускул) и улучшает кровообращение в конечностях.

Каждое движение заставляет нас фокусировать внимание на той части тела, которая является целью упражнения, отключая тем самым все посторонние мысли и таким образом ослабляя умственное напряжение, одновременно улучшая способность сосредоточиваться. Что же касается развития силы нашего внутреннего воина, или ци, то выполнение этих движений углубляет дыхание до брюшной зоны, в противоположность более традиционному грудному дыханию. Преимущество использования диафрагмальной зоны перед грудной при вдохе и выдохе заключается просто в том, что в первом случае легкие опустошаются и вновь наполняются воздухом более эффективно и тщательно. Практическая медицинская польза этого очевидна. Воздействие упражнений на начинающих выражается в гораздо большей степени. Делая глубокий вдох через нос и выдыхая через рот, причем таким образом, чтобы грудная клетка оставалась неподвижной, не напрягалась, а всю работу выполнял бы живот, человек увеличивает приток энергии ци со всеми вытекающими отсюда преимуществами могучего внутреннего спокойствия, которое она приносит.

Эти движения также оказывают громадный эффект на центральную нервную систему, так как при их выполнении человек должен сосредоточить свой ум, освободить его от тревожных мыслей, во время расслабления стремиться к спокойствию и подключать сознание, выполняя мышечные сокращения.

Кроме того, упражнения приносят пользу также системам кровообращения и дыхания, так как влияют на жизненную

энергию внутри организма и оказывают внешнее воздействие на мускулы и кожу. Дыхание должно быть глубоким, вдохи и выдохи длинными, естественными и мягкими, сконцентрированными на нижней части брюшной зоны, которую китайцы называют «дан-тянь», ровное и регулярное дыхание объединяет движение мышц диафрагмы и живота. Такое движение улучшает кровообращение, расширяет коронарные сосуды и усиливает окислительный процесс.

Плоды включения в ежедневный график упражнений, снимающих стресс, были очень важны для Брюса Ли — в том числе они обеспечили более здоровую среду для воспитания детей

Хотя сам Брюс Ли выполнял множество различных вариантов упражнений на статическое сжатие (от тензиометров до изометрических комплексов с энергетической сеткой), без сомнения, комплекс, выбранный в качестве основной темы этой главы, является наиболее удобным и эффективным с точки зрения избавления от стрессов. Он состоит из четырех простых упражнений на статическое сжатие плюс два обычных упражнения, итого — шесть. Привлекательность этого комплекса, помимо минимальных затрат времени, в том, что он приносит пользу широкого спектра. К тому же рекомендуется, чтобы вы выполняли его в комфортных условиях собственной постели!

Этот способ упражнений может быть легким или трудным, в зависимости от вашего желания. Если вы уже вполне здоровы, выполняйте упражнения с максимальной отдачей, сжимая мышцы так сильно, как только можете. Если ваша форма пока еще далека от совершенства или представляет собой нечто среднее между хорошей и плохой, выполняйте движения, напрягая мускулы, пока они не станут твердыми, и оставайтесь в таком состоянии в

течение положенного времени.

Комплекс упражнений

В соответствии с указаниями самого Брюса Ли, каждое утро, прежде чем встать с кровати, ученику надлежит выполнить следующий комплекс упражнений на статическое сжатие.

1. Потягивание всем телом. Выполните 5 потягиваний: вытяните ноги в одном направлении как можно дальше, в противоположном направлении вытяните как можно дальше руки. Оставайтесь в этом состоянии 3 секунды, затем расслабьтесь на 2 секунды. Общее время упражнения 25 секунд.

2. Выгибание спины. Выполните 5 выгибаний: согните ноги таким образом, чтобы бедра соприкасались с икрами, затем медленно выталкивайте бедра по направлению к потолку, одновременно выгибая ягодичные мышцы и мягко отталкиваясь ногами. Оставайтесь в выгнутом состоянии в течение 3 секунд, затем расслабьтесь на 2 секунды. Общее время упражнения 25 секунд.

3. Напряжение ног. Выполните 12 напряжений: медленно вытяните ноги как можно дальше, затем напрягите мышцы бедер. Оставайтесь в полностью сжатом состоянии в течение 3 секунд, затем расслабьтесь на 2 секунды. Общее время 60 секунд.

4. Напряжение брюшных мышц. Выполните 10 упражнений на напряжение брюшных мышц: сознательно полностью сократите брюшные мышцы, как будто вы собираетесь (извините, пожалуйста, за сравнение) опорожнить кишечник. Оставайтесь в этом состоянии максимального напряжения 3 секунды, затем расслабьтесь на 2 секунды. Общее время 50 секунд.

Брюс Ли придавал исключительное значение брюшной области, считая, что это самая важная зона с точки зрения поддержания здоровья и спортивной формы. В интервью одной из газет в начале 60-х годов Ли так объяснил свою точку зрения: *«Моя сила исходит из брюшной области. Там находится центр тяжести и источник настоящей силы».*

В этой части комплекса Ли рекомендовал ученикам «постепенно свернуть упражнения» с помощью еще двух упражнений на мышцы живота, выполняемых обычным способом (то есть не через статическое сжатие):

5. Наклоны сидя, касаясь пальцев ног. Выполните следующие 5 упражнений. Лягте на спину на матрасе, ноги полностью вытянуты вперед, руки тоже вытянуты за головой. Медленно поднимите торс и постарайтесь коснуться пальцами

рук носков. Задержитесь ненадолго в этом положении, затем вернитесь в исходное положение. Общее время 10 секунд.

6. Поднимание согнутых ног. Выполните 5 упражнений. Лягте на спину на матрасе, руки вытяните за головой. Медленно согните ноги и подтяните их к груди. Как только вы максимально подтянули их, задержитесь ненадолго. Вернитесь в исходную позицию. Общее время 10 секунд.

Упражнения закончены. Общее время — 3 минуты.

Нужно, однако, понимать, что этот комплекс не сделает вас таким же худощавым, мускулистым и сильным, каким был Брюс Ли. У Ли были особые упражнения (и много), которые он включал в свои регулярные тренировки, чтобы достичь определенных результатов в улучшении спортивной формы, которая была ему необходима как мастеру боевых искусств. Упражнения, которые я перечислил, рекомендованы Брюсом Ли просто как эффективный метод освобождения организма от стресса и одновременно исключительного улучшения здоровья в целом и благотворного воздействия на ум и дух.

Часть III
Воин внутри нас

Глава 11
Джит Кун До — Квантовая перспектива

С точки зрения даосизма, настоящий генезис сотворения мира был органическим процессом. Сначала было Ву-ч'и (пустота, или небытие), и из пустоты развились два энергетических процесса — инь и ян. Взаимодействие инь и ян породило энергию ци, которая, пульсируя на различных частотах, стала той энергией, которая сформировала Вселенную и, отсюда, стала необходимым условием всего сотворения мира — камней, растений, Солнечной системы и всех сторон жизнедеятельности человека, начиная от мускульной деятельности и ДНК и кончая мышлением и духовным осознанием.

Именно в царстве духа силе ци предстояло проявиться наиболее ярко в Брюсе Ли. Хотя он был известен как воин в бойцовом, физическом смысле слова, те, кто хорошо знали его, утверждают, что его истинная сила заключалась в его личности. Действительно, воином души Ли была та неукротимая энергия, которая направляла каждое его действие, и Ли полностью сознавал ее значение, что побудило его в сентябре 1962 г. в письме к старому другу из Гонконга охарактеризовать ее жизненную необходимость:

> Я чувствую, что во мне есть эта огромная созидательная духовная сила. Она больше, чем вера, больше, чем честолюбие, больше, чем уверенность, больше, чем решимость, больше, чем. предвидение. Эта сила — все они вместе… Не знаю, есть ли в этом божественность или нет, но я чувствую внутри себя эту великую силу, эту нетронутую мощь, это динамическое Нечто. Чувство не поддается описанию, и нет такого переживания, с которым оно могло бы сравниться. Оно скорее сродни сильным эмоциям, смешанным с верой, но во много раз больше.

Этот «воин внутри нас», которого включил в себя Ли, дал ему абсолютную и полную уверенность в возможности достигнуть всего, чего захочет его разум.

> Когда бросаешь камешек в воду, круги от него распространяются по всему водоему. Именно это происходит, когда я оформляю свои идеи в конкретный план действия. Вот сейчас я проецирую свои мысли в

> будущее. Я могу видеть вперед. Я мечтаю (помните, что практические мечтатели никогда не перестают мечтать) … Меня нелегко разубедить, я с удовольствием вижу, как преодолеваю препятствия, побеждаю неудачи, достигаю «недостижимых» целей.

И как только Ли соединился со своим истинным «я», он никогда больше не колебался в своей убежденности сохранять и поддерживать эту связь и позволить ей проявляться когда только возможно, или через посредство фильма, или во взаимоотношениях с друзьями и семьей, или в практике боевых искусств, которые он называл «искусством выражения человеческого тела». Здесь необходимо признать, что джит кун до, или «путь преграждающего кулака», состоит как из боевого искусства, то есть чисто физической дисциплины и разнообразных боевых техник в качестве ядра, так и из философии, которая одновременно лежит в его основе и связывает практикующего с высшим духовным осознанием.

Демонстрация главного положения джит кун до — реагирования в тот самый момент, как противник приоткроет себя. Брюс Ли (справа) выполняет «хук кик» в голову корейского представителя Хэпкидо Вон Ин Сика во время сцены из третьего фильма Ли на китайском языке «Путь Дракона» (в Северной Америке он называется «Возвращение Дракона»)

Поскольку в задачи этой книги не входит освещение технических приемов рукопашного боя в той степени, которая требуется для достаточно полного изложения вопроса, то я предпочел бы в этой главе остановиться поподробнее на философском аспекте джит кун до, как он видится в контексте принципов даосизма.

Согласимся, что Брюс Ли был человеком целостным (речь идет о теле, уме и духе). Согласимся далее, что, поскольку он был учителем, сифу, он стре-мился культивировать в своих учениках понимание этих составных частей личности. Он не хотел, чтобы люди воспринимали его учение как просто еще один стиль в боевых искусствах, потому что приклеить к такому личному

процессу саморазвития ярлык «стиль» означало ограничить этот процесс, что затруднило бы индивидуальный рост в каком-либо значимом смысле.

Фактически различные стили боевых искусств могут, если посмотреть на них в определенном контексте, рассматриваться как формы практического расизма, так как в большинстве стилей их искусство — и страна происхождения — утверждается как лучшее из всех. Аргументация этого факта не выходит за пределы логического круга: японское каратэ лучшее из всех, потому что оно японское, корейское таэквондо лучшее, потому что оно корейское, кали и силат лучшие, потому что они филиппинские.

Можете быть уверены, что вы услышите от пропагандистов каждого стиля и другие доводы в защиту этого стиля как самого лучшего, например: «Таэквондо действительно делает упор на работе ног, потому что, в конечном счете, ноги — это самое длинное оружие человеческого тела, и поэтому на него следует делать упор, чтобы улучшить шансы борца ударить первым и не пострадать от встречного удара». Или: «Джиу джитсу — самая лучшая борьба, потому что 90 процентов сражений заканчивается на земле». Но если продолжать настаивать на объяснении причин предпочтения того или иного стиля, их защитники обязательно вернутся к вопросу расы и(или) традиции — лучшее, потому что бразильское, китайское, американское, японское, индонезийское или корейское. Однако если охватить взглядом всю картину целиком, то можно быстро понять, что все эти доводы на самом деле не слишком вески, так как представляют собой неубедительные попытки оправдать близорукость, и Брюс Ли прекрасно это понимал.

Формулируя собственное мировоззрение, Ли не рассматривал каждый стиль по отдельности, скорее, он воспринимал их во всей целостности, отыскивая общий знаменатель, который соединял бы все самые лучшие компоненты каждого из стилей — во многом так же, как в его метафизической системе соединялись все расы. Общая нить принадлежности к человеческому роду соединяла различные расы, а общие нити физики и физиологии, с кинезиологической точки зрения, соединяли отдельные образцы боевых техник, разработанных в этих различных регионах планеты. Блестящий и точный ответ Ли на вопрос, какой стиль является наиболее эффективным, прозвучал в его интервью Радио Гонконга в 1971 г., когда Ли сказал британскому диктору Теду Томасу:

> Мой ответ на этот вопрос следующий: не существует такой вещи, как эффективный сегмент целостности.

> Этим я хочу сказать, что не верю в слово «стиль». Почему? Потому что, если только не существует человеческих существ с тремя руками и четырьмя ногами, если не существует другого вида людей на Земле, которые по своему строению отличаются от нас, не может быть никакого другого стиля борьбы. Почему так? Потому что у нас только две руки и две ноги. Важный вопрос: как мы можем употреблять их с максимальной пользой?.. Люди разделены между собой из-за того, что существуют разные стили. Они не объединяются, потому что стиль стал законом. Первый создатель стиля начал с предположения, но теперь стиль стал библейской истиной, и те, кто принимают его, становятся его продуктом. Не важно, как ты живешь, кто ты, как сложен, как создан или как ты сделан… все это не имеет никакого значения. Ты просто принимаешь и становишься продуктом. Что до меня, то я считаю, что это неправильно.

На доводы, приведенные представителями различных стилей в защиту изоляционизма, Ли ответил бы, что все они просто эффективные сегменты гораздо большей совокупности видов рукопашного боя. В то время как Ли мог согласиться, что кикинг действительно использует самое длинное оружие тела и что, если кто-то решит ударить вас кулаком, ваша нога первая может ударить его, будучи самым длинным оружием, он также указал бы, что существует целый букет разнообразных вариантов сражения, в которых такая сегментированная точка зрения не подойдет. Были бы уместны следующие возражения. Что, если вас схватили за ноги, прежде чем вы успели сделать кик? Что, если вас ранили в ногу? Если вы не попали в цель? Вполне очевидно, что в любом из этих вариантов кикер лишается своего преимущества и остается без средств самозащиты.

Тот, кто специализируется на схватке или на борьбе на земле, с большим восторгом приведет вышеупомянутые примеры своим друзьям, которые специализируются на искусстве кикинга. Борцы, однако, также повинны в близорукости, как все остальные. Возьмем утверждение о том, что «90 процентов уличных боев заканчиваются на земле». Очень интересное заявление в свете того факта, что все 100 процентов уличных боев начинаются в стоячем положении — и что тогда делать, если вы окажетесь в неудачной для вас стойке против того, кто входит в эти «редкие» 10 процентов, атакуя всегда в вертикальном положении? Или, если вы, например, чудесно сражаетесь, лежа на земле, а в это

время неожиданно появятся трое приятелей вашего противника? Что тогда? Это опять все тот же вариант «всех яиц в одной корзине».

В то время как Ли прекрасно владел всеми видами кикинга, такими, как летящий боковой кик, запечатленный на этой фотографии, он также хорошо понимал, что даже величайшим кикерам необходимо разнообразить свой арсенал достаточным набором приемов техники ручной борьбы и схватки, с тем чтобы стать совершенными мастерами боевых искусств

Совет Брюса Ли этим мастерам боевых искусств был намного более философским: будьте хорошо уравновешены и смотрите шире — не с позиций одного стиля. Тогда вы найдете ответ на ваши вопросы. *«Когда речь идет о других стилях или школах, не размышляйте о том, кто прав или не прав или, соответственно, кто лучше. Не будьте за или против. Ибо в весеннем пейзаже нет чего-то лучше или хуже. Цветущие ветки дерева растут естественно, одни из них длиннее, другие короче».*

Ли считал, что ни один подход не содержит в себе все ответы. Хотя в определенных стилях могут существовать ценные для определенных индивидуумов методы, это не означает, что эти методы универсальны и могут применяться ко всем индивидуумам, и не во всех видах единоборств они действуют — существует большая «совокупность», на которую ссылался Ли.

«Проблема в том, что обстоятельства должны диктовать нам, что делать, — замечал Ли. — *Однако слишком многие смотрят на то, «что есть», с позиции того, «что должно быть».*

Если говорить о вещах, не связанных с единоборствами, всегда старайтесь смотреть шире, с чем бы вам ни пришлось иметь дело. И имейте в виду, что ни одна система, ни один лидер или мудрец, скорее всего, не имеет всех ответов на все ваши вопросы. Помните, на чем основывается принцип инь — ян: никогда не доходить до крайностей; оставаясь нейтральным, вы овладеваете всеми аспектами целостности природы. Ли уподоблял пристрастие своих современников к боевым искусствам стародавней проблеме цзе — попытке навязать людям

правила или ограничения, которые не являются естественными. Чтобы соединиться с Дао, человек должен находиться в согласии с ву-цзе через несостязательную природу ву-вей. С этой целью Ли составил замечательный философский трактат под названием «Три стадии развития».

Три стадии развития

Брюс Ли считал, что знание и мастерство в любых устремлениях (в том числе в боевых искусствах) состоит из трех стадий, которые он называл тремя стадиями развития.

> Первая стадия — стадия примитивности. Это состояние первоначального невежества, когда человек ничего не знает об искусстве единоборства. В драке он просто защищается и нападает без какой-либо мысли, что правильно, а что неправильно. Конечно, он, возможно, действует, что называется, ненаучно, но тем не менее, будучи самим собой, он гибок в своих нападениях и защите.

Другими словами, это стадия «невинности», незнания предмета, с которым вы имеете дело. Ваши реакции естественны и рефлексивны, то есть честны. Однако, если вам недостает требуемых знаний и общей подготовки, они часто бывают не по делу. Когда вы приобретете больше практики и научитесь лучше сосредоточиваться, вы перейдете ко второй стадии.

> Вторая стадия — стадия изощренности, или механическая стадия, — начинается, когда человек приступает к тренировкам. Его учат, как правильно блокировать удары, наносить удары, работать руками, ногами, стоять, дышать. Безусловно, он приобрел теоретические знания, но, к сожалению, его первоначальное «я» и чувство свободы утеряны, его действия не происходят произвольно. Его ум обнаруживает стремление застывать во время различных движений, чтобы рассчитать и проанализировать действия. Положение делается еще хуже: человека можно назвать «умственно связанным», он самоутверждается вне реальной действительности.

Стадия изощренности (которую Ли называл также «стадией искусства») — необходимый шаг в индивидуальном развитии

каждой личности. Хотя по природе своей она ограничивает человека (потому что учит, как действовать, тем самым ограничивая индивидуума определенным образом действий), это необходимое «зло», так как вместе с «условным рефлексом», который развивается на этой стадии, она насаждает зерна истины для успешного приобретения и применения высшего интуитивного знания на плодородном поле подсознания. Индивидуум, однако, на этой стадии не способен увидеть смысл происходящего и вместо этого просто гордится, что научился слепо повторять показанный ему «правильный способ» производить определенные действия. Но в подсознании ученика происходит другая, более важная работа. Она идет параллельно с развитием необходимых нейромышечных проводящих путей. Иными словами, приобретенная техника является правильной не потому, что так сказал учитель, а, скорее, потому, что она подчиняется определенному универсальному порядку правильности — реальности, поскольку применяется к вашей конкретной дисциплине. Как только на второй стадии достигнут уровень мастерства, индивидуум готов перейти к третьей, высшей стадии обучения, стадии второй «невинности», или безыскусности.

> Третья стадия — стадия безыскусности, или спонтанная стадия, — наступает, когда после многих лет серьезного, тяжкого труда ученик осознает, что в конечном счете кунгфу не представляет собой ничего особенного. И вместо того, чтобы попытаться обмануть свой разум, он приспосабливается к противнику, подобно воде, когда она давит на глиняную стенку сосуда. Вода протечет через малейшую трещину. Нет ничего, что нужно было бы пытаться сделать — только быть бесцельным и бесформенным, как вода. Применение всех классических приемов и стандартных стилей сведено до минимума, если вообще не отброшено; преобладает несущественность. Он больше ничем не ограничен.

Этот третий процесс, как вы могли уже установить, требует возвращения к первоначальному состоянию «невинности» — иными словами, к вашему истинному «я». Чтобы лучше понять эти основополагающие принципы философии джит кун до, было бы, может быть, полезно посмотреть, как они применяются вне рамок боевых искусств. Давайте рассмотрим случай с Хербом.

Сама идея учиться танцам была ненавистна для Херба, но его жене, Мардж, надоело оставаться дома каждый уик-энд. В конце

концов, дети выросли, и следовало бы жить поактивнее, не ограничиваясь лишь домашними заботами. Херб неохотно подчинился — он не хотел огорчать свою жену, женщину, которую любил уже более сорока лет. Итак, скрепя сердце он отправился вместе с ней на первый урок танцев. В школе танцев их приветствовала Глория, инструктор. «Когда вы решаете научиться танцевать, первое, что нужно сделать, это научиться делать шаги», — объяснила Глория, которая приступила к обучению пары самым элементарным движениям в танце.

Херб ненавидел все это. «Я не могу, я выгляжу как полный идиот, пытаясь научиться этому», — говорил он жене, отмачивая натертые после первого урока ноги. Тем не менее он продолжал учиться. Постепенно, через несколько недель Херб познакомился со всеми основными тагами и вдруг понял, что ему вообще больше не нужно так тщательно сосредоточивать на них свое внимание. Фактически, он вообще перестал обращать на них внимание: все, что ему нужно было делать, это прислушиваться к ритму и размеру в музыке. Вскоре он обнаружил, что его ноги сами двигаются в такт, под какую бы музыку ему ни приходилось танцевать. Херб начал получать удовольствие от субботних вечеров, проведенных вместе с Мардж в танцевальном зале. В нем даже проснулось стремление к творчеству, и он то и дело вставлял в танец разные хитрые шаги — и немало! — которые сам придумал. Мардж смеялась, смеялся и Херб — они отлично проводили время.

Херб снова пришел в танцевальный класс, чтобы обучиться новым танцам, и хотя он видел, что шаги и ритм одного танцевального стиля отличались от другого, он в то же время заметил, что основной процесс изучения каждого из них был одним и тем же. То есть сначала Херб ничего не знал о данном конкретном танце, которому он хотел научиться (стадия невежества). Затем он узнал, как выполнять замысловатые шаги этого танца (стадия изощренности). После того как он ознакомился с основными движениями, он обнаружил, что ему не нужно больше обращать на них внимание; он был способен просто дать себе свободу двигаться в потоке и ритме музыки (стадия безыскусности).

Брюс Ли отмечал этот трехстадийный процесс приобретения знаний у всех, кто приходил к нему, чтобы обучиться его революционной философии боевых искусств джит кун до. Сначала они находили, что движения выполнять очень трудно. Потом это становилось легче делать. И наконец, их движения становились просто продолжением самих себя, они осуществлялись без усилий, легко и плавно. Он заметил, что на

последней стадии обучения джит кун до уже ничего не нужно было стараться делать. Ваша техника, противник, даже вы сами — забываются. Все происходит само собой в одной гармоничной целостности.

Заглядывая глубже сквозь формы, через которые раскрывалась эта философия (то есть примеры с боевыми искусствами и танцами), мы замечаем, что они обе имеют общий знаменатель, который сам по себе является необычайно мощным средством достижения компетентности в любом деле, которым мы решили овладеть.

В письме к другу и ученику Джорджу Ли (не родственнику) Брюс Ли попросил его сделать три знака, которые он мог бы повесить на стену. Эти знаки должны были служить символами трех стадий развития. Первый состоял из красной и золотой половинок символа инь — ян, но без точек внутри каждой половины. Он был призван проиллюстрировать две крайности, в которых не допускалось даже предположения о наличии противоположного компонента внутри каждой. Эти две половинки отделялись одна от другой, чтобы еще ярче подчеркнуть этот момент. Надпись, по замыслу Ли, должна была гласить следующее:

ПРИСТРАСТИЕ — ЭТО ДОРОГА К КРАЙНОСТЯМ.

Второй знак представлял собой символ инь — ян, как его обычно изображают, только Ли выбрал для него красный и золотой с точкой золотого в красной половинке и с точкой красного — в золотой. Кроме того, вокруг составных частей Ли добавил стрелы, чтобы подчеркнуть бесконечность превращения принципов инь и ян одного в другой. Надпись на знаке гласила:

ИЗМЕНЧИВОСТЬ — ДВЕ ПОЛОВИНКИ ОДНОГО ЦЕЛОГО.

Третий знак представлял собой пустую доску, на который ничего не было, кроме одной фразы:

ПУСТОТА — ЭТО БЕСФОРМЕННАЯ ФОРМА.

Иными словами, это означало возвращение в ничто или, скорее, в «отсутствие чего бы то ни было» — то есть возвращение в стадию «невинности», стадию, где не существует пристрастия, деления на сегменты или двухполюсного фильтра, через который обозревают реальность. Это выход и расширение собственного «я» за пределы ограниченной пристрастной личности и переход к конечной, высшей связи с огромным вселенским целым.

Чтобы еще лучше подчеркнуть этот эволюционный процесс, Брюс Ли создал замечательную систему категорий для искусства джит кун до. Белый, или пустой, круг представляет собой первую категорию — начинающий с нуля. Последующие шесть категорий представлены символами инь — ян различных цветов. Но

восьмая, высшая, категория, как и первая, символизируется белым кругом. Этот простой и вместе с тем глубокий символизм отражал всестороннее понимание Ли высшего, глубочайшего «а» даосизма: принципа «ву-ч'и», или «конечную точку Несуществующего».

В соответствии с учением даосов, пустой, или белый, круг представляет конечную точку Несуществующего, которая включает в себя все. Белый круг, указывающий на первую категорию джит кун до, означает, что ученик абсолютно ничего не знает о боевых искусствах и не имеет никакого представления об их стилях (это конечная точка Несуществующего, бесформенность той стадии, на которой ученик не владеет настоящим мастерством). Диаграмма Тай-цзи, или инь — ян, указывает на приобретение мастерства, на понимание различных принципов движения и неподвижности. Символы Тайцзи представляют все принципы воспроизведения энергии/движения и расслабления/неподвижности, которые лежат в основе всех «стилей» единоборства.

Наконец, если ученик джит кун до достаточно упорен и предан делу, он осознает, что может выйти за пределы всех стилей и форм, глубоко поняв универсальные принципы, которые регулируют все формы боевых искусств и, по сути, саму жизнь, и может интуитивно, но правильно передвигаться, наносить удары или избегать их в соответствии со своим желанием. Эта стадия представлена белым, или пустым, кругом, который теперь воспринимается не как Несуществующее, а, скорее, как «отсутствие чего бы то ни было», и это значит, что ученик преодолел «вещи» или, в данном случае, «стили» и обрел теперь более глубокое видение, он — это «все стили» или «все вещи», и поэтому он не привязан ни к одному «пути» в своих действиях и мировоззрении. Чтобы еще больше подчеркнуть этот принцип, Ли поместил вдоль окружности эмблемы джит кун до китайские иероглифы, которые означали:

НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПУТИ КАК ПУТЬ. ОТСУТСТВИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ.

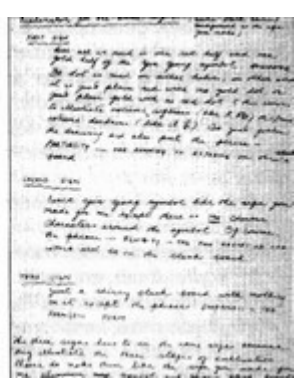
Джит кун до как философия — это процесс, ступенька лестницы самопознания и духовного роста. И поскольку она — средство для соприкосновения с вашим сокровенным «я», не существовало такого «способа», которым ее можно было бы систематизировать в целях обучения. Другими словами, это средство для достижения глубоко личных целей, поэтому невозможно передать опыт джит кун до одного человека другому, как нельзя есть пищу за другого человека. Как Брюс Ли объяснял журналу «Черный пояс» в 1971 г., все сводится к освобождению

самого себя от каких бы то ни было пут, связывающих вас.

> Вы должны принять тот факт, что не может быть другой помощи, кроме помощи самому себе. По этой же причине я не могу рассказать вам, как «приобрести» свободу, поскольку свобода существует в вас самих. Я не могу рассказать вам, как «добиться» самопознания. В то время как я могу рассказать вам, чего не надо делать, я не могу рассказать вам, что вам следует делать, поскольку в этом случае вы окажетесь в рамках одного конкретного подхода. Любые формулы могут только воспрепятствовать свободе, навязанные со стороны рецепты только затаптывают творческие порывы и поощряют посредственность. Запомните, что свободу, которая вырастает из самопознания, нельзя обрести через строгое следование некой формуле; мы не становимся «вдруг» свободными, мы просто свободны.

Такой подход означал, что Брюс Ли не присуждал разноцветных поясов, как это делали в других школах боевых искусств, в качестве показателя прогресса в постижении его философского метода обучения боевым искусствам. Он считал, что делать так означало бы только вознаграждение и поощрение способности индивидуума «накапливать знания», что, совершенно очевидно, являлось шагом в неверном направлении.

> Учение, безусловно, не является простой имитацией, точно так же оно не является использованием способности накапливать и применять закрепленные знания. Учение — это постоянный процесс открытия, процесс, которому нет конца. В джит кун до мы начинаем не с накопления, а с открытия причины нашего неведения — открытия, которое предполагает процесс сбрасывания «старой кожи».



Отрывок из письма Брюса Ли Джорджу Ли с просьбой о создании трех знаков, представляющих три стадии развития. Эти знаки висели в школе Ли в Чайнатауне в конце 60-х годов

Ключ к этому процессу лежит в прагматической интуиции, рожденной в трех стадиях развития. Если, например, оказалось, что для одного индивидуума какой-то особый путь хорошо работает, значит, ему следует включить его в свою жизнь. Если же он не работает, его следует отбросить. Этот принцип можно применять к чему угодно, от единоборства до успешных поисков работы. Если вы нашли что-то, что вам нравится или, еще более важно, непосредственно касается вас, разберитесь в этом ступень за ступенью, пока не доберетесь до самой сути, или корня, — самоочевидного первичного элемента, который обеспечивает эффективность данного способа или действия. И как только вы обнаружили этот элемент, вы можете начинать импровизировать в пределах этих параметров эффективности и в конечном итоге усовершенствовать его, чтобы он больше соответствовал вашему личному темпераменту и естественному ходу жизни.

Брюс разделил этот процесс на четыре ступени, сформулировав их так, чтобы получилось своего рода руководство к самопросвещению, которое в конечном итоге приведет к определению самой сути джит кун до.

Вот эти четыре ступени.

1. Исследуй свой собственный опыт.
2. Впитай из него то, что тебе полезно.
3. Отвергни то, что бесполезно.
4. Добавь то, что имеет отношение конкретно к тебе.

Таким образом, Брюс Ли сформулировал собственный рецепт личного роста. И если мы сможем применить эти четыре принципа для любого вида деятельности или своих устремлений, мы станем намного богаче в творческом и духовном отношении. Способность быть готовым применить подобные принципы в ситуациях, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, вырабатывает исключительную перспективу на будущее, что в конечном итоге приведет к появлению значительных творческих личностей, которые внесут реальный вклад в искусство, литературу, науку. Это не значит, что способ, который хорош для одного человека, непременно даст такие же высокие результаты для другого. Иными словами, Ли считал, что самопознание — это тот опыт, приобретение которого каждый должен взять на себя. Таким образом, истина носит эмпирический характер, ее невозможно «вложить» в одного человека с помощью другого, как невозможно, например, узнать Лондон более или менее реально, рассматривая фотографии, который сделал там ваш приятель во время уик-энда.

Это подтверждает и другая надпись, которую сделал Ли, касаясь этого вопроса:

ИСТИНА В КАЖДОМ СТИЛЕ ЕДИНОБОРСТВА ДЛЯ КАЖДОГО СВОЯ.

Еще раз он предупреждал об опасности мнения, что образ действий добившихся многого людей был единственным фактором их успеха: «Мои последователи в джит кун до, слушайте внимательно… Никакие закрепленные, постоянные образцы поведения невозможно приспособить или подогнать под себя. Истина лежит вне любых образцов».

Основание, на котором построена и всегда будет оставаться концептуальная структура джит кун до, — это своего рода даосский прагматизм. То есть вы должны настроиться на самого себя — реального себя, чтобы быть способным найти ответы на вопросы: будет ли это работать в моем случае? пойдет ли это мне на пользу? И если ответ отрицательный, переходите немедленно к пункту 3 — отбрасывайте это как бесполезное для вас. Если же, однако, в том, что вы переживаете, есть что-то, что вы признаете как возможно полезное, тогда впитывайте это полезное и переходите к пункту 4 — развивайте это, тщательно проверяя всевозможные прилолсения, пока не приспособите к себе и не модифицируете во что-то, что будет вашим собственным творением, пригодным для вашего личного блага.

Вспомните тот урок, который получил Брюс Ли, когда плавал по морю в джонке. Он открыл истинную природу Дао, или спонтанные, естественные действия Вселенной как единого целого. Он переносил этот урок во все, что делал, в том числе в вырабатывание своей личной формы самовыражения, в джит кун до:

> Джит кун до — это курс обучения и дисциплина, направленная на достижение конечной реальности в единоборстве. Конечная реальность проста, очевидна и свободна. Истинный мастер джит кун до не противостоит силе и никогда полностью не уступает. Он гибок, как пружина, он дополняет силу противника. Он использует технику своего противника, чтобы создать свою собственную. Вы должны отвечать на любые обстоятельства, не готовясь к ним заранее; ваши действия должны быть быстрыми, как тень, которая в точности повторяет движения предмета.

Теперь вы должны распознать в словах Ли урок ву-вей, так же как и принцип «сгибайся и выживешь». Соответственно, реализация этих двух принципов предполагает использование

третьего — ву-син. Ли считал, что лучший способ ощутить этот естественный процесс — просто расслабиться и тем самым облегчить груз напряженного сосредоточения и фокусирования на чем-то одном: «Не быть напряженным, но готовым. Не думать, но и не мечтать, не закрепляться, но быть подвижным — быть всецело и спокойно живым, осознающим и бдительным, готовым ко всему, что может произойти».

В соответствии с учением Брюса Ли, чтобы понять Путь преграждающего кулака, требуется состояние ву-син. Необходимо иметь пустой разум, а не просто думать ни о чем, что, совершенно очевидно, все равно предполагает мысли о чем-то (то есть процесс попытки — или вей — представить себе Несуществующее). Он считал, что все во Вселенной взаимосвязано со всем в каком-то качестве; всегда существуют понятия «давать» и «брать», и оба — необходимые и взаимозависимые части целого, одного большого плана.

Так, ву-син, к которой стремится ученик джит кун до, хорошо представлена в знаменитой истории

Алана Уотса о сороконожке. Ли так объяснял эту историю:

> Многоногое создание спросили, как оно умудряется так ходить, чтобы все его ноги не запутывались. Когда сороконожка остановилась, чтобы подумать, каким образом она осуществляет эту ежедневную функцию, она споткнулась и упала. Так и жизнь должна быть естественным процессом, в котором развитию ума не дозволено выводить из равновесия естественный ход жизни.

Как только уровень, на котором соприкасаются с Дао, достигнут, человек падает в поток ли, который представляет собой органическую модель саморазвития, и движение тогда представляется естественным, не требующим усилий, потому что оно, таким образом, дает возможность человеку выполнять многие сложные маневры на почти подсознательном уровне функционирования. На этой стадии осознания не существует необходимости продолжать накапливать, как мешки с песком, дополнительные знания. Вместо этого пришло время опустошить мозговой склад, чтобы не нужно было нести с собой дополнительный груз, как тяжкий камень, с которым вы карабкаетесь вверх, на более высокий уровень личного развития.

Истинное Дао джит кун до[2], таким образом, по крайней мере, в соответствии с учением Брюса Ли, — не в процессе накопления, добавления к запасу знаний еще и еще фактов, но, скорее, в отборе. Смысл заключается в том, чтобы найти корень

или общий знаменатель всех вещей, поскольку они открылись лично вам, а затем использовать это знание так, как вы считаете нужным, причем оно следует за вами само по себе, как эхо следует за звуком или тень следует за предметом. Как написал однажды Брюс Ли, в джит кун до не важно, как много вы узнали, важно, как много вы впитали из того, что узнали. Не важно, как много знаний вы можете твердо усвоить, важно, какие знания вы можете сознательно применять. «Бытие» более ценно, чем «делание».

Точка зрения Ли хорошо обоснована. Вы, возможно, легко читаете пьесы Шекспира, способны процитировать Вольтера, Руссо или какого-нибудь философа нового времени, но если вы сами не умны, если вы не стремитесь творить, тогда в чем смысл вашего образования? Лао-цзы говорил:

> Стремление знания — расти день ото дня.
> Стремление Дао — уменьшаться день ото дня.
> Уменьшаться и уменьшаться,
> Пока не достигнешь точки бездействия.
> Никакое действие не предпринято,
> И все же ничто не осталось несделанным.

Как упоминалось в главе 6, Брюс Ли считал, что вершиной ума является принцип отсутствия стремления, или ву-вей; отсутствия попытки действовать против природы вещей. Стараясь понять философию джит кун до, вы должны научиться видеть вещи в их совокупности, а не изолированно. Совершенно очевидно, что это касается не только боевых искусств; мы, будучи человеческими существами, являемся также частью большей совокупности вещей. Иначе говоря, мы должны обладать квантовой перспективой.

Квантовая перспектива

Слово «квантовый» в контексте нашей дискуссии относится ко всей системе измерения природы — действительности в ее полноте. Оно включает не только большой, видимый мир вокруг нас, но также субатомный мир, вплоть до предельного уровня перехода. На таком тонком уровне все выглядит и происходит совсем по-другому, чем то, что мы воспринимаем с позиций нашей сегментированной перспективы. Там не существует твердых или неизменяемых предметов. Напротив, там находится мир бесконечной динамической энергии; в одно мгновение

частица есть частица, а в другое — это волна, затем это просто форма в огромном бесконечном поле. В этом квантовом мире, которого мы коротко коснулись в главе 3, всеобщность, или целостность, — это огромная картина, метафизическая реальность, хотя мы не можем наблюдать ее.

Наши чувства, например, сообщают нам, что мы являемся собственниками твердого тела и что оно существует как таковое во времени и в пространстве, и все же, как указывал доктор медицины Ди-пак Чопра (и подтвердил это практически во всех своих выдающихся книгах): «Это всего лишь самый поверхностный слой реальности… Ваше тело как будто бы состоит из твердой материи, которая может распадаться на молекулы и атомы, но квантовая физика говорит нам, что каждый атом — это более чем на 99,9999 процента пустое пространство, а субатомные частицы, движущиеся с молниеносной скоростью по этому пространству, на самом деле — пучки вибрирующей энергии».

Иначе говоря, в то время как мы отделяем себя от земли, по которой ходим, или от стула, на котором сидим, в то время как мы можем считать, что все эти тела, включая наши собственные, — это куски различной материи, на квантовом уровне ничто не является отделенным одно от другого. Квантовое поле существует внутри нас, вокруг, проходит через нас, и все мы — не независимые сегменты, а часть взаимосвязанной гораздо более огромной совокупности. Отсюда, если мы не что иное, как микрокосм этой метафизической Вселенной, которая поддерживает нас, значит, те предметы, которые мы наблюдаем в реальности, подобны нам.

Таким образом, не может существовать аспектов огромного целого, не связанных с другими. Все является частью всего. Мы и Вселенная — это одно целое. Это касается особенно вопросов сознания, которое само — просто продукт, произведенный миром, в котором мы живем. С точки зрения Брюса Ли, знание легко приобретается, поскольку является почти полностью продуктом искусства упрощения: *«Высшая точка развития на самом деле не представляет собой ничего особенного. Это всего лишь простота, способность выражать наибольшее с помощью минимального. К украшательству приходят на полпути к высшей точке».*

Относя этот принцип к боевым искусствам, Ли однажды сказал своему ученику Дэниелу Ли:

> Вот что это такое: если ты можешь двигаться со своими инструментами из любого угла, тогда ты можешь приспособиться к любому объекту перед тобой, и чем

> более неповоротлив, более ограничен этот объект, тем легче для тебя ударить его, не прицеливаясь. Вот что это означает! На самом деле, твое тело используется для того, чтобы прийти к своего рода реализации в этом отношении, что бы ни представляло собой твое стремление.

Эту концепцию простоты, способности увидеть под внешним слоем общий знаменатель, который соединяет всю огромную совокупность, Ли превосходно выразил в своем более раннем интервью в журнале «Черный пояс», в ноябре 1967 г.:

> Подавляющая часть ее заключается в простоте. Каждое движение в джит кун до — это движение для движения. В этом нет ничего искусственного. Я всегда считал, что простой путь — это правильный путь. Джит кун до — это просто непосредственное выражение чувств с помощью минимума движений и энергии. Чем ближе к истинному пути кунгфу, тем меньше выражения затрачивается впустую.

Ли продолжал тогда работать над этой «простой» концепцией:

> Лучшая иллюстрация здесь — та, которую я позаимствовал из дзэн. До того как я изучил это искусство, удар кулаком для меня был просто ударом кулаком. Удар ногой был ударом ногой. После того как я изучил его, удары больше не были просто ударами. Теперь, когда я понимаю это искусство, удар кулаком — это просто удар кулаком, удар ногой — это просто удар ногой.

Давайте внимательно вчитаемся в это утверждение, используя боевые искусства как метафору, с тем чтобы полностью охватить его значение. Ли упомянул, что, перед тем как он начал изучать боевые искусства, удар кулаком был для него «просто ударом кулаком», а удар ногой — «просто ударом ногой», потому что именно так это виделось глазу, не искушенному в знаниях о боевых искусствах. Однако после многих лет серьезных занятий боевыми искусствами Ли мог видеть, что в разных стилях действительно существовали как легкие, так и более существенные различия в способе нанесения этих ударов кулаком и ногой. Он мог заметить, например, разницу в способе выбрасывания кика в стиле кикбоксинга муэй-тай, в корейском

искусстве таэквондо и в годзю-рю каратэ. Он мог также различить особенности ударов в западном боксе, кунг-фу, Вин Чун, кэнпо и т. д. После того как он внимательно рассмотрел механику, лежащую в основе всех этих нюансов, он понял, что разница заключалась не в «стилях», в которых развились все эти кики, но, скорее, в их кинезиологических корнях, или механическом общем знаменателе, который разделял эффективную технику от неэффективной.

Во всех этих изысканиях и тренировках он фактически совершил полный круг, так как в результате, после всех трудов и занятий, понял, что удар кулаком — это просто удар кулаком, а удар ногой — в конечном счете просто удар ногой. Это прозрение привело его в области боевых искусств конца 60-х годов к действительно крайне революционному выводу: *«Человек, живое существо, творческая личность всегда более важны, чем любой признанный стиль или система».*

Когда в 1972 г. его попросили объяснить это утверждение, Ли дал следующий ответ:

> Я имею в виду вот что: хочу сказать, что человек всегда находится в процессе познания, в то время как «стиль» — это нечто завершающее, установленное, отвердевшее, понимаете? То есть вы не можете стать таким, потому что вы каждый день узнаете что-то новое, по мере того как растете, становитесь старше. Ни один человек не должен ограничиватъся одним подходом. Мы должны подходить к этому с учетом нашего собственного «я», понимаете? Искусство — это наше выражение самих себя, в то время как, если вы приходите, скажем, к японскому стилю, вы тогда выражаете себя в японском стиле — вы не выражаете себя.

Глава 12
Вы — это мир

> *Все больше и больше… это становится все более и более простым для меня как для человека. И все больше и больше я исследую себя, и все больше и больше вопросов образует все более и более длинный список. И я вижу все более и более ясно.*
>
> *Брюс Ли*

Дорога к просвещению и подлинному миру ума представляет собой самопознание, или, как называл Брюс Ли это явление, «духовную реализацию». В письме, которое Ли как-то написал другу в Гонконг, он описал продуктивность и радость, которых может добиться человек, научившись включать в себя этого «внутреннего воина»:

> Когда покойный д-р Чарлз П. Штейнмец, электрический гений, был еще жив, кто-то спросил его мнение вот по какому вопросу: «В какой отрасли науки люди добьются наибольшего прогресса в следующие двадцать пять лет?» Он помолчал, подумал несколько минут, и затем ответ его прозвучал, как вспышка: «В духовной реализации». Когда человек придет к сознательному жизненно необходимому пониманию тех огромных духовных сил, которые заключены в нем самом, и начнет использовать эти силы в науке, бизнесе и жизни, его прогресс в будущем не будет знать себе равных.

Для Ли было важно, что мы учимся приводить в действие этого «внутреннего воина», или «огромные духовные силы, заключенные в нас», с тем чтобы лучше понимать Вселенную вне нас и наше место в ней. Иначе говоря, из понимания самого себя вытекает понимание других и пути нашего мира в целом. Ли понимал, что Вселенная, будучи саморегулирующейся системой, проходила свой путь согласно ву-цзе, или никем не установленным правилам,

и, таким образом, индифферентна к нашим индивидуальным

желаниям и надеждам. Это реальный факт, который ощутимо очевиден: люди, которых мы горячо любим, в конце концов уходят; продвижение, которого мы искренне желаем и которое означало бы для нас решительное изменение в жизни, не всегда к нам приходит; на каждую услышанную молитву приходится миллион, как нам кажется, не услышанных. Вселенная, таким образом, при всем своем величии и славе, остается вне нашего волевого контроля.

И все-таки, как указывал Фрэнсис Бэкон, «чтобы приказывать природе, надо ей подчиняться», и для Ли это означало, что, если мы можем соединиться с Дао, если мы можем познать тот путь, которым оперирует Вселенная, и нашу роль в нем, мы можем также узнать, какими силами, если таковые имеются, мы располагаем, чтобы спроектировать определенные аспекты пашей жизни в пределах параметров нашей ли, с тем чтобы максимально увеличить наши шансы на прочное здоровье, успех и самовыживание, а также, конечно, на достижение самых нереальных замыслов и спокойствия духа. Ли кратко сформулировал это: *«В конечном счете, цель моих планов и всего, что я делаю, — найти истинное значение жизни — спокойствие духа… Для достижения этого спокойствия духа несомненную ценность имеет учение о беспристрастности Дао и дзэн».*

С этой целью Ли обратился к Дао и его концептуальным основам: ву-цзе, ли, инь — ян, закону невмешательства в природу и закону гармонии. Из них Ли узнал, что человек — часть природы, а не что-то, противоречащее ей, и что понимание цели или значения жизни должно прийти изнутри, выявиться в процессе самоанализа и самопознания. Иными словами, через процесс осознания всего, что относится к реальному для вас, не только в физическом смысле, но и в интеллектуальном, эмоциональном, а также духовном.

Ли обнаружил, что боевые искусства — это один из видов деятельности, который предоставляет возможность самопознания по всем этим категориям: *«Я изучаю боевые искусства, потому что я считаю, что они, как зеркало, отражают меня самого. Лично я верю, что все виды знаний — не. важно, какие — в конечном счете означают самопознание».*

Придя к пониманию этих вещей, Ли стал смотреть на свою деятельность преподавателя в области боевых искусств как на средство, с помощью которого человек мог соприкоснуться с «внутренним воином», или истинным «я»:

> Способ, с помощью которого я учу, как и вообще все виды знания, в конечном счете означает самопознание.

> Поэтому мои ученики приходят и просят меня не столько научить их, как разделаться с кем-либо, сколько объяснить, как выражать самих себя через жест — будь то гнев, решимость или что-то еще. Так что, иными словами, то, что я объясняю, — это то, за что они платят мне, — попытка освоить искусство выражения человеческого тела с помощью единоборства.

Как считал Брюс Ли, самая высокая ступенька лестницы личных успехов — это следование честному самовыражению. Его достижение, по мнению Ли, требовало от человека стать «мастером жизни» — результат строгой приверженности к духовной и интеллектуальной честности.

> В сущности, я всегда был мастером боевых искусств по выбору и актером — по профессии. Но, сверх того, я надеюсь реализовать себя вместе с тем как мастера жизни… Отсюда следует, что быть мастером боевых искусств означает также быть мастером жизни. Поскольку жизнь — это процесс постоянного развития, человек должен следовать вместе с этим процессом и открывать для себя возможности реализоваться и развиваться.

Чем больше вчитываешься в слова Ли, тем более очевидной становится высшая ценность для него метода использования искусства как средства достижения свободы и как инструмента, с помощью которого можно осуществить самопознание. Искусство как концепцию не нужно воспринимать в смысле чистого единоборства. Если вы вспомните идею, высказанную в главе 1 относительно истинного значения кунг-фу, вы обратите внимание, что она проявляется в любой вещи, в любом деле, через которое человеку открывается владение самим собой. Без сомнения, в этом заключалось убеждение Ли, так как он считал, что мастер может быть кем угодно, от танцора до режиссера фильма. Рассуждая о природе искусства и его связи с самопознанием, Ли выразил свои мысли на бумаге.

> Искусство требует совершенного мастерства в технике, отражения, проявившегося в душе.
>
> Искусство — это выражение жизни, оно выходит за пределы времени и пространства.
>
> За каждым движением стоит музыка души, ставшая видимой. Искусство обнаруживается в физическом понимании внутренней сущности вещей, оно придает

форму связи человека с НЕСУЩЕСТВУЮЩИМ, с природой абсолютного.

Творчество в искусстве — это физическое раскрытие личности, которое корнями уходит в Несуществующее. Его воздействие — это углубление личностного измерения души[3].

Ли утверждал, что мастерство артиста само по себе не означает художественного совершенства, так как искусство, по определению, — вечно развивающийся процесс, другими словами, поступательное движение в психическом развитии человека. И поскольку это так, совершенство такого процесса не может обнаруживаться в выстроенных методах или отработанных техниках, а должно исходить из человеческой души. Брюс Ли говорил: *«Художественная деятельность состоит не в самом искусстве как таковом. Она проникает в более глубокий мир, из которого все художественные формы вещей, внутренне пережитых, вместе проистекают и в котором гармония души и космос в Несуществующем имеют свой выход в реальность»*[4].

Знаменитый греческий философ Платон (427–347 гг. до н. э.) в одном из своих диалогов сравнил душу человека с колесницей, влекомой двумя лошадьми в противоположных направлениях. Кучер колесницы, который представляет наш контролирующий центр, он уподоблял Разуму, а две лошади были Дух (который Платон считал нашей благородной эмоцией) и Аппетит. Брюс Ли, с другой стороны, рассматривал душу — или внутреннее «я» — как синтез только двух сил: естественного инстинкта (то есть нашего спонтанного, чистейшего «я») и контроля (или нашего логического, выстроенного «я»). В своем знаменитом «Потерянном интервью» Ли представил следующую аналогию:

> С одной стороны, существует естественный инстинкт, а с другой стороны, существует контроль. Вам надлежит гармонично объединить их. Ибо если вы развиваете только одно измерение, скажем, естественный инстинкт, вы будете весьма ненаучны. Если же вы доведете до крайности контроль, вы внезапно станете роботом и перестанете быть человеческим существом. Поэтому я стремлюсь учить успешной комбинации двух этих составляющих. Это не чистая естественность или чистая неестественность. В идеале, это неестественная естественность или естественная неестественность.

Для западного ума с его тысячелетней обработкой в духе культа теоретических знаний иногда бывает непросто воспринять

такую нестрогую натуралистическую философию. Наша культура в настоящее время, — а возможно, и со времен древних греков — не сочетает философию и искусство со спортивными устремлениями, такими, как боевые искусства. Но точка зрения Брюса Ли совершенно очевидно заключалась в том, что все они, философия, искусство, единоборство, — просто грани одного и того же целого.

> Что касается меня, то, в конечном счете, боевые искусства означают честное выражение себя. Сейчас это очень трудно делать. Я имею в виду, что для меня было бы легко, как для мастера боевых искусств, устроить шоу и петушиться, купаться в петушином чувстве по поводу того, какое впечатление производит на вас моя техника, какой классной она вам кажется. И я мог бы так и продолжать всю эту липу, не видя, что я все это делаю, чтобы произвести впечатление, вместо того чтобы действительно выражать себя. Но выражать себя честно, не лгать самому себе. А выражать себя честно, это, мой друг, очень трудно.

Так как же научиться достигать этого уровня честного самовыражения? Брюс Ли учил, что вы можете научиться честно выражать себя только через непоколебимую приверженность своему решению узнать настоящего себя и далее — через выражение своих убеждений и чувств реального себя как можно более честно — не выражение мимолетного эмоционального состояния, но свои честных, сокровенных чувств, идущих из глубины вашей души. Это, указывал Ли, нелегкий процесс. Это процесс, который требует ежедневной тренировки ума, так же как и тела. На самом деле, только через понимание возможностей тела и ума и пределов этих возможностей человек способен действительно прийти к сколько-нибудь значимому ощущению духовной реализации. Брюс Ли говорил:

> Вы должны тренироваться. Вы должны держать ваши рефлексы наготове, чтобы, когда вы захотите, они служили бы вам. Когда вы хотите двигаться, вы двигаетесь. А когда вы двигаетесь, вы полны решимости двигаться! Не принимая даже на один процент уменьшение ваших честных чувств! Таким образом, это как раз то, к чему нужно себя готовить, тренироваться. Слиться со своими чувствами, чтобы, как только вы подумали, это было бы уже здесь.

Для Ли именно это было вершиной человеческих достижений — не успех, не денежное вознаграждение, не мнение или оценка других, но честное выражение человеческой души своему ближнему.

Спокойное, удовлетворенное осознание, с которым Брюс Ли смотрел на жизнь, происходило от глубокого понимания самого себя — того, что он — часть всеобъемлющего, вечного процесса

> Чего большего можно просить в жизни, чем быть самим собой? Реализовать свои потенциальные возможности, вместо того чтобы растрачивать энергию на попытки сделать своим отвлеченный образ, который не ваш, но на который затрачивается жизненно важная энергия. Перед нами великая работа, она требует преданности и очень, очень много энергии. Чтобы расти, чтобы делать открытия, нам нужна увлеченность — то, что я испытываю каждый день, — иногда это связано с чем-то хорошим, иногда — с чем-то расстраивающим. Но что бы ни случилось, вы должны дать внутреннему свету вывести вас из темноты.

В собственной жизни, например, Ли считал, что нет ничего ужасного в том, что он не получил главную роль в телевизионном сериале «Кунг-фу», потому что он знал, что он стремился развиваться и получить ее, честно выражая самого себя. Через этот процесс честного самовыражения он, фактически, выполнил свой долг как человеческое создание наиболее полно, а это, в конечном итоге, — единственная по-настоящему важная вещь.

Поскольку самопознание — это ключ к двери в ли, то есть в нашу истинную природу, Ли только качал головой, когда видел, что другие неправильно оценивают его слова и просто пытаются

копировать то, что он делал. Подобное поведение абсолютно не имело смысла, потому что для успеха важно не «быть как Брюс Ли», а то, что, будучи Брюсом Ли, полностью выражая честные чувства, эмоции и природу его внутреннего «я», он добивался успеха.

Иначе говоря, Ли нашел путь, позволяющий оставаться неизменным в потоке естественного саморазвития, без того, чтобы втолкнуть его во что-то, что было бы противно сути его природы. Стараться стать тем, чем вы не являетесь, путем копирования способов или манер другого человека — это внешний фасад, вей, или уловка, а вам следует быть не-старающимся (ву-вей), просто расти и развиваться в своем собственном русле. Каждый должен делать это для самого себя. Ли пытался объяснить этот в высшей степени индивидуальный способ личного роста во время беседы с гонконгским диктором Тедом Томасом.

> Когда я играл в телесериале «Зеленый Шершень», тогда, в 1965 г., я оглядывался по сторонам и видел множество человеческих существ. А когда я посмотрел на себя, я увидел, что я там единственный робот. Я не был собой. Я пытался накопить внешнюю уверенность, внешнюю технику — найти способ двигать рукой и так далее, — но никогда не задавался вопросом: «Что Брюс Ли сделал бы, если… — это слово «если» — такое случилось бы со мной?» Когда я смотрю вокруг, я всегда учусь чему-нибудь, а это значит всегда быть самим собой и выражать себя. Верить в себя. Не бродите в поисках успешной личности, чтобы скопировать ее. Мне кажется, это как раз то, что распространено здесь, в Гонконге. Все время копируют чью-то манеру поведения, но никогда не заглядывают глубже. Никогда не начинают с самого начала, с основы своего существа, не задают вопрос: «Как я смогу быть самим собой?»

Знание самого себя является решающим моментом. Для человека более важно знать себя, чем знать кого-то другого, потому что, только если вы знаете себя, для вас возможно также по-настояще-му узнать другого человека. Ли замечал, что слишком многие из нас смотрят на людей, добившихся успеха, как на конечный результат совокупности правильных действий. К сожалению, несмотря на то, что это в достаточной степени верно, концепция «правильных действий» у каждого индивидуума своя. Замок к двери, запирающей наше эго, или самосознание, которое разделяет нас с естественным, спонтанным подлинным «я»,

нельзя открыть другим ключом, кроме ключа самопознания. Отмычки, то есть подходящего для всех подхода к сатори, не существует.

Если вы попытаетесь воспользоваться чьим-то путем в достижении просвещения, вы закончите тем, что будете пытаться добиться своего насильственным путем (вей) и измучаетесь, как если бы вы пытались втиснуть ногу 9-го размера в обувь 3-го. Попытка использовать чужой опыт ведет также к тому, что в индуизме называется «майя» (ложный образ), и в результате вы примете за истинное побуждение свои претензии. То есть вы спутаете себя — реального — с ложным образом. В этом случае окажется, что вы на всю оставшуюся жизнь завязнете в мираже раздвоенности, теряя из виду основополагающее единство всех вещей, и всегда будете искать ключ к двери в то, что в конечном итоге окажется не вашем истинным «я», а опустошенной душой.

Брюс Ли объяснял эту проблему в следующих строчках из эссе, которое он написал в начале 1973 г. и озаглавил «В моем развитии»:

> Большинство людей живут ради поддержания своего образа. Именно поэтому, в то время как некоторые имеют свое «я» точкой отсчета, большинство не имеют ничего, кроме пустоты. Поскольку они слишком заняты проецированием самих себя на «то» или «это», они в конце концов растрачивают попусту всю энергию на создание воображаемого фасада, вместо того чтобы сосредоточиться на развитии и расширении своих потенциальных возможностей или выражении и применении этой сконцентрированной энергии для эффективного общения. Когда одно из таких человеческих созданий видит, как мимо проходит самореализующийся человек, он не может не сказать: «Ну вот, есть же что-то настоящее!»

Ли считал, что все, что заменяется путями и убеждениями других людей, вместо того чтобы научиться взращивать и развивать свои собственные, — это шаг в неверном направлении. По этой причине Ли был против доктрин или, лучше сказать, догм организованной религии.

Когда летом 1972 г. журналист Алекс Бен Блок задал ему вопрос о том, какую религию он исповедует, Ли ответил: *«Вообще никакую».*

Блок попытался оказать на него давление и спросил, верит ли он в Бога.

«Если быть совершенно откровенным, на самом деле —

нет», — сказал Ли.

Ответы Ли на эти вопросы, безусловно, понятны, если учесть глубину и природу его философии. Ли был убежден, что мы — создания самосотворенной души, которая была частью огромного вечного процесса развития. Поэтому любой человек или организация, которая придерживается какого-то вероисповедания, или же, выражаясь языком боевых искусств, «стиля» как идеала, движется в неверном направлении, уходя от духовного роста и познания собственного «я». Ли говорил канадскому журналисту Пьеру Бертону:

> Стиль ведет к… разделению людей, потому что каждый имеет свою собственную доктрину, затем доктрина становится евангельской истиной, которую вы уже не в силах изменить. Но если у вас нет никакого стиля, если вы просто говорите: «Вот я, человеческое создание, как я могу выразить себя целиком и полностью? Если вы можете сделать это, тогда вы не создаете стиль, потому что стиль — это кристаллическая структура. Этот же путь представляет собой процесс постоянного роста.

Таким образом, трата времени на поиски чего-то сверхъестественного, того, что, по определению, находится за пределами реального мира, чтобы получить ответы на вопросы этого мира, влечет за собой эту старую как мир проблему, с которой мы сталкиваемся каждый раз, когда пытаемся понять природу, отступая от нее, вместо того чтобы просто жить своей жизнью в соответствии с ее предписаниями. В то время как идея фигуры сверхъестественного отца на небе, безусловно, предлагает беспредельный комфорт и привлекательна для многих из нас на Западе, Ли больше интересовался делами, которые совершаются поближе к дому — такими, как соприкосновение со своими внутренними энергетическими циклами и проникновение в их взаимосвязь с квантовой схемой вещей.

Однажды младший брат Ли, Роберт, спросил его, верит ли он в Бога, на что тот ответил: *«Я верю в сон»*.

Много лет спустя мне представился случай спросить Брэндона, сына Ли, какова его жизненная философия. Он на секунду задумался, затем на его губах заиграла хитрая улыбка, и он ответил: «Ешь, а не то умрешь!»

Хотя эти замечания отца и сына, возможно, свидетельствуют прежде всего о бойкости языка, они тем не менее приоткрывают природу истинного мира философии Брюса Ли, которая заключается в том, что нашей заботой, пока мы живем на этой

земле, должны быть вопросы, касающиеся нашего выживания в этом мире, взаимоотношений с другими людьми и с окружающей средой, которая сформировала нас. В этих саморегулирующихся, хотя взаимосвязанных отношениях нет ничего, что стояло бы вне природы, с тем чтобы направлять ее, как мы на Западе представляем себе действия Бога.

Это возвращает нас к аналогии Брюса Ли, касающейся Гуаньинь (см. главу 3). Тело — это саморегулирующийся организм, а Вселенная — это просто продолжение тела. Следовательно, Вселенная — это саморегулирующийся организм, органический процесс, который на китайском языке называется «цзы-чжан», или «из себя так».

Кажется все-таки, что Витгенштейн был прав, по крайней мере, в смысле универсалий. Мир — воистину все, что значимо (хотя, возможно, было бы лучше, если бы ему посоветовали просто оставить его как есть). Иначе говоря, мы как отдельные человеческие создания — просто зубцы в космическом колесе, которое мы называем Вселенной. Мы — часть естественного процесса развития. То есть мы — мы все — часть мира, а не что-то отдельное, что-то в стороне или высоко в царстве облаков. Мы выросли из этого мира, как миллионы других форм жизни, которые нас окружают, и поэтому, наверно, не можем быть выше или независимы от естественных законов, которые регулируют его через способ «из себя так». В этом смысле решения «мирских» проблем просты и не противоречат афоризму дзэн, процитированному Ли, о чем мы говорили ранее в этой книге: *«Летом мы потеем, зимой дрожим от холода».*

Мы нуждаемся в отдыхе, чтобы функционировать на всю ту мощность, на которую только способны, и если мы не будет достаточно есть, то умрем.

Если все это кажется довольно простым, то это потому, что так оно и есть. Идея заключается в том, чтобы убрать лишнее, чтобы увидеть истину, процесс отбрасывания до тех пор, пока нам не станет понятно. У некоторых людей есть трудности с подобной точкой зрения, так как абсолютная простота всего этого может оказаться неудобной, а иногда и трудной для постижения. Как вывел сам Брюс Ли, «это действительно трудно — передать простоту».

Вся эта гипотеза о религии и высших существах с божественными планами, по определению, не имеет дела с мирскими заботами и жизнью такой, какова она есть, и теперь она проходит сквозь нас. Она, напротив, имеет дело с потусторонними гипотезами о духовных царствах и о постижении правил и требований, которые нужно выполнять, чтобы войти в

эти царства. Она исходит из общемировой точки зрения, что Вселенная имеет монархическую структуру, на вершине которой находится иудейско-христианский Бог в качестве небесного Отца. Такая концепция, как мы узнали из главы 3, несовместима с точкой зрения Ли на мир как демократический, саморегулирующийся и органичный по природе.

Ли, например, не слишком верил, что мы — то есть наши истинные «я» — каким-то образом помещены в этот мир, поскольку мы выросли из него, так же как любой другой живой организм, который разделяет с нами место па этой планете (обратите внимание на отрывок из эссе «Эко-дзэн» Алана Уотса в приложении к этой книге, где приводится полное обоснование этой позиции). Еще раз, нет переживающего без переживания, а умственная отстраненность, требуемая для размышления над подобными потусторонними проблемами, — просто еще одно средство абстрагирования от реальной действительности, которое побуждает нас отойти в сторону от жизни как таковой в целях проведения анализа.

Брюс Ли считал, что следует просто жить жизнью — не анализировать ее, в то время как анализирование создает досаждающие проблемы, живая жизнь делает нас более похожими на иву, и в конечном итоге мы освобождаемся от духовного бремени. В связи с этим Ли утверждал, что реальный человек — это «Я» (с большой буквы), которое Алан Уотс называл «я» Вселенной. На этом предельном уровне существования человек вообще не отделяется от всего остального, что происходит в данный момент.

Философия Ли предоставляет средство освобождения от чрезмерного самопознания, и именно поэтому его «путь» не предполагает веру в какое-либо кредо, выполнение ритуалов или повиновение какому бы то ни было авторитету. То, что излагал Ли, было просто средством подправить духовное зрение человека через коррекцию астигматизма эго, или самосознания. Как говорил Ли, *«то, что человек должен преодолеть — это сознание, сознание самого себя».*

Хотя этот процесс требует некоторого времени, чтобы достаточно развиться, Брюс Ли утверждал, что это не просто вопрос возраста, или, как некоторые любят выражаться, зрелости.

> Такой вещи, как зрелость, не существует. Вместо нее есть постоянный процесс развития. Потому что, когда есть зрелость, это своего рода окончательный вывод и остановка. Это конец. Это происходит, когда гроб закрыт. У вас может происходить ухудшение вашего

физического состояния в долгом процессе старения, но ваш личный процесс ежедневных открытий продолжается. Вы продолжаете. узнавать все больше, и больше о себе самом.

Успех и жизненная философия

Брюс Ли верил, что самопознание и успех взаимосвязаны. Самопознание — это просто верное средство понять окружающий нас мир и, отсюда, его пути и средства. Ли рассматривал жизнь как процесс развития и, несмотря на невероятный успех и популярность среди людей всех стран, с помощью своей философии мог сохранять спокойствие, когда временами мир вокруг него, казалось, начинал сходить с ума. В своем эссе, написанном в начале 1973 г., которое он озаглавил «Откровения еще одного актера», Ли выразил свое понимание этой темы: *«Преданность делу, абсолютная преданность делу — вот то, что заставляет человека продолжать идти вперед. Своего рода неукротимая, подобная навязчивой идее, преданность и понимание, что конца или предела не существует, потому что жизнь — это постоянно растущий процесс развития, постоянно возобновляющийся процесс».*

Ключ к успеху в таком случае лежит в мудрости и во внутренней удовлетворенности, которая происходит от того, что человек учится понимать — и жить с этим пониманием — пути природы, оставляя все искусственное и ложное или бесполезное знание и заменяя его доверчивым согласием с мудростью и сознанием природы в смиренном и скромном подражании ее молчаливым предписаниям. Брюс Ли читал Лао-цзы и хорошо понимал этот отрывок из учения мудреца:

Дао никогда ничего не делает.
Но через него делаются все вещи.
Если сильные мужчины и женщины смогли бы собраться в нем,
Весь мир изменился бы сам по себе,
В своих естественных ритмах.
Люди были бы удовлетворены
Своей простой повседневной жизнью,
В гармонии, свободные от желания.
Там, где нет желания, все вещи находятся в мире.

Гоуппа «ищущих»: Брюс Ли (в центре) вместе с некоторыми из своих учеников джит кун до, в том числе Карим Абдул-Джаббаром (непосредственно за Брюсом), Дэниелом Ли (крайний слева в первом ряду) и Дэниелом Иносанто (стоит слева от Брюса Ли) тренируются «во внутренних поисках причины своего неведения»

Ли считал, однако, что, пока мы живы, наш долг, если мы хотим реализоваться как человеческие создания, — стремиться к пониманию самих себя, искать себя, выражать себя честно и в полной мере наших индивидуальных потенциальных возможностей. Настоящий прогресс возможен именно в этом процессе развития. Правда, это не всегда приводит к захватывающему успеху на уровне мирового признания, но к двум намного более ценным вещам он приведет — к истине и спокойствию духа. Брюс Ли так говорил об этом: *«Я сказал уже раньше: «Истину нельзя обнаружить на карте». Ваша правда отличается от моей. Сначала вы можете подумать, что это истина, но позднее вы обнаружите другую истину, а предыдущую будете отрицать. Но вы стали уже ближе к истине».*

Главная функция и долг того, кого Брюс Ли называл человеческим существом «высокого достоинства», — искреннее и честное развитие, или реализация его индивидуальных и уникальных возможностей. Это далеко не легкий процесс, так как дорога, по которой мы идем в наших поисках самореализации, часто испещрена окольными путями, уводящими нас по дорожке реализации собственного образа — то есть того, чего нужно полностью избегать. В одной из частей эссе, написанного незадолго до смерти, Брюс Ли выразил следующие мысли о самом себе, объясняя, чему он научился в процессе собственного самопознания:

> Через непростой личный опыт и увлеченное учение я пришел к открытию, что в конечном итоге величайшая помощь — это помощь самому себе; что нет другой помощи, кроме помощи самому себе — делая все, что в твоих силах, отдаваясь всей душой поставленной задаче, у которой подчас нет конца, а только бесконечное

продолжение развития. Я много сделал за эти годы своего развития. Кроме того, в процессе развития я изменился — я перешел от реализации собственного образа к самореализации, от слепого следования пропаганде, организованным истинам к внутренним поискам своего неведения.

Именно пример Брюса Ли — пример успешных поисков причины личного неведения — вдохновляет нас на продолжение поисков причин неведения собственного.

Глава 13
Искусство сражения без сражения

В последнем завершенном фильме Брюса Ли, «Выход Дракона», есть потрясающая сцена, которая великолепно выражает высшую цель его искусства и философии джит кун до. В этой сцене Ли в большой джонке плывет из Гонконга к пункту назначения — острову, где проходили зверские по своей жестокости турниры мастеров боевых искусств. Руководил этими турнирами Хан, шаолиньский монах-отступник, который обратился к преступной жизни.

На джонке находится боец из Новой Зеландии, он играет накачанными мускулами, стараясь запугать других пассажиров, среди которых были его будущие противники по турниру. Он предпочитает делать это, задирая маленьких китайских стюардов и юнг и жестоко издеваясь над ними. После того как он выбил ногой корзину с фруктами из рук одного из них, а затем пинком отшвырнул его через палубу, он сосредоточивает свое внимание на Ли, который стоит с мирным видом и смотрит на воду. Новозеландец пытается вынудить его вступить в драку прямо на лодке. Ли игнорирует его. В ярости, но вместе с тем побуждаемый любопытством, боец спрашивает его: «Каков твой стиль?»

Ли в ответ улыбается: «Мой стиль? Можешь называть его искусством сражения без сражения».

Боец заинтригован: «Искусство борьбы без борьбы? Ну-ка покажи мне что-нибудь в этом стиле!»

Понимая, что противника невозможно разубедить и что придется предпринимать какие-то действия, Ли соглашается, но с условием, что они не будут драться на борту джонки. «Не думаешь, что нам понадобится больше места?» — спрашивает Ли.

«Где же тогда?» — следует ответ бойца.

Ли улыбается, в то время как его глаза снова обозревают океан. Взгляд Ли останавливается на небольшой песчаной бухте. «Вон на том острове, на пляже, — говорит он, а затем жестом указывает на спасательную шлюпку, привязанную к джонке: — Мы можем взять эту лодку».

Боец кивает в знак согласия: «О'кей».

Пока Ли развязывает веревку, которой шлюпка привязана к джонке, боец переходит в шлюпку. В этот момент Ли дает веревке размотаться у него в руках, и боец отправляется дрейфовать в море. Ли вообще не намеревался сходить в шлюпку. Быстрота его мысли обеспечила ему победу, и ему даже не пришлось нанести

удар или кик. Фактически, он победил в сражении с помощью «искусства сражения без сражения».

Крик души

Давайте более детально рассмотрим этот принцип с помощью похожего урока, который преподают в японском искусстве фехтования, именуемом кэндо. «Кэн» по-японски означает «меч», а «до» (произносимое как «доэ») — «путь», или «дао». Вместе эти два слова составляют «путь меча». Для кого-то из нас на Западе, возможно, покажется удивительным, каким образом мирная философия Дао может когда-либо быть связанной с чем-то столь свирепым, как искусство сражения на мечах. Однако необходимо вспомнить, что война во всех ее формах — это просто примененный принцип ян, необходимый и потому желаемый компонент Вселенной, если, конечно, его присутствие уравновешивается его дополнением, инь.

Довольно интересно, что вскоре после того, как дзэн-буддизм был принят в Японии, он стал излюбленной религией грозных самураев, воинов феодальных времен, которые в течение многих столетий участвовали в постоянных гражданских распрях между японскими феодалами. И поскольку самураи жили, постоянно подвергаясь риску, они приняли дзэн как способ сохранять внутренний мир в условиях окружающей смуты и беспорядков. Таким образом, путь меча пропитался концепциями дзэн, и особенно очевидно это проявилось в использовании воинами «киай», воинского клича, который служит для того, чтобы постараться вывести противника из психического равновесия.

Вы, возможно, слышали некоторые воинские кличи, которые испускает Брюс Ли в фильмах во время сражений. Фильмы Ли, по крайней мере те, в которых использованы настоящие боевые кличи, производят на зрителя глубокое впечатление. Он издает пронзительный вопль, нечто среднее между воем дикого кота и криком разъяренной птицы. Помню, много лет назад мой тренер по боевым искусствам рассказывал мне, что боевые кличи Ли были такими высокими по частоте, чтобы могли вызвать в голове образ женщины, бьющейся в истерике, и дикого животного — то есть те два звука, которые, совершенно очевидно, могут ужаснуть противника и заставить его напрячься, что, как мы скоро узнаем, является компонентом даосизма, применяемым в сражении.

Существует сказка о старом китайце, мастере даосизма по имени Лин-чи (известного в Японии как

Ринзай), который, когда люди спрашивали его: «В чем смысл

даосизма?», отвечал на вопрос громким криком. Нет необходимости говорить, что людей, которые приходили к нему, чтобы узнать истину, это ввергало в замешательство, поскольку ответ явно не соответствовал тому, который ожидаешь получить на подобный вопрос (хотя подозревают, что Бертран Рассел, знаменитый математик из Кембриджа, лауреат Нобелевской премии, мог бы отколоть такой номер). Этот ответ был фактически ловушкой, расставленной Лин-чи, чтобы посмотреть, обескуражит ли подобное просителя и сможет ли вывести его из равновесия.

Подобным же способом Брюс Ли использовал похожий устрашающий крик во время сражения, чтобы ошеломить противника и тем самым лишить его психического равновесия и заставить на мгновение задуматься. Ли знал, что, если он сможет вынудить противника начать думать, тот обязательно начнет колебаться или приостановится, а колебание даст Ли возможность успешно атаковать. Мораль, которую нужно извлечь из этой ситуации, в том, что человеку необходимо научиться следовать естественному потоку Дао без колебаний и остановок. Во всех боевых искусствах следуют этому правилу, хотя особенно это заметно по джит кун до, где не существует интервала между атакой и обороной. Настоящие мастера боевых искусств как будто танцуют вместе, кажется, что все движения совершает одно тело — до тех пор, пока не наступит критический момент и один из них не остановится, чтобы подумать, потеряет бдительность — и дело сделано.

Этот подход по-китайски называется «мо чи чь'ю», что означает «идти прямо вперед», без пауз или колебаний. В дзэн существует стихотворение, приписываемое знаменитому японскому воину-фех-товальщику Миямото Мусаши, в котором говорится:

> Под мечом, поднятым высоко вверх,
> Преисподняя, и ты трепещешь;
> Но иди прямо вперед,
> Там благословенная земля.

Другими словами, стань плавным движением без остановки и колебания, стань самопроизвольной реакцией на данный момент.

Такая характеристика особенно очевидна в фильмах Брюса Ли, в тех сценах, когда он окружен несколькими противниками. Он не колеблется, не задает себе вопрос: «Как мне отразить это нападение?», потому что, если бы он это сделал, он бы, фактически, слишком сосредоточил свое внимание на отражении

атаки только с одной стороны. Иначе говоря, его ум был бы занят одним противником, и в результате его застигла бы врасплох атака с другой стороны. Вместо этого Ли демонстрирует необходимость культивировать то, что он сам называет «отвязанный ум», способность быть бдительным и мгновенно реагировать на ситуацию в целом.

> Ум мастера кунг-фу сосредоточен на том, чтобы не задерживаться на каких-то конкретных моментах в поведении противника. Это особенно необходимо, когда имеешь дело с несколькими противниками. Ум мастера кунг-фу присутствует везде и во всем, потому что он не привязан ни к одному объекту. И он продолжает присутствовать везде и во всем, потому что, даже когда он связан с тем или иным объектом, он не цепляется за него. Поток мыслей подобен воде, наполняющей пруд, — он всегда готов снова начать течь. Он может вырабатывать неистощимую энергию, потому что он свободен, он может открыться всему, потому что он пуст.

Иными словами, если ваш ум привязан к какому-либо конкретному моменту, будь то сражение или спор, этот момент может в действительности захватить вас, и вы потерпите поражение. И таким образом, «несвязанный», или неаналитический, ум является основополагающим требованием не только для удачливого мастера боевых искусств, но и для того, кто хочет идти по жизни, не увязая в трясине постоянных проблем, которые нужно решать.

Эта концепция получила свой отклик в области японского искусства фехтования, кэндо, о котором мы уже говорили, поскольку в руках человека, одновременно владеющего Дао и кэндо, меч может, в порядке любопытного противоречия, стать символом ненасильственного сопротивления. Фактически, школа высочайшего уровня кэндо называется «школа без меча», и по этому поводу существует история, которая сразу же вызывает в памяти «искусство сражения без сражения» — сцену из фильма «Выход Дракона», описанную выше.

Эта история гласит, что однажды некий великий самурай плыл на пароме. Когда паром отчаливал от берега, на него взошел подвыпивший буйный самурай и начал хвастаться своим умением владеть мечом.

Он обернулся к первому самураю и сказал: «Эй, ты! Как называется твоя школа фехтования?»

Первый самурай ответил: «Моя школа называется “школа фехтования без меча”».

Буйный самурай был очень заинтригован и спросил высокомерно: «Покажи-ка мне, что это за школа, где фехтуют без меча!» — и тут же вытащил свой меч, вызывая на сражение первого самурая.

Первый самурай не сделал того же самого, а вместо этого сказал: «Я буду рад показать тебе мое искусство фехтования без меча, но, если мы будем драться здесь, мы можем причинить вред невинным пассажирам. Почему бы нам ни устроить сражение вон на том острове?»

Буйный самурай согласился, что это хорошее место для сражения, поэтому он приказал паромщику грести к острову. Когда они подплыли к острову, хулиганствующий самурай спрыгнул с парома на остров, готовый немедленно начать драку, и в этот момент первый самурай выхватил весло у паромщика и оттолкнулся от берега, направив паром туда, где было глубоко, бросив тем самым побежденного пьяного самурая на острове.

«Эй, слышишь, — крикнул он ему, — это был мой метод фехтования без меча!»

Как видите, высочайшее искусство сражения, как для Брюса Ли, так и для этого самурая, заключалось в том, чтобы достигнуть такого уровня отточенности ума, при котором возможно добиться полной победы, даже не прикасаясь к оружию. Безусловно, таково было убеждение Ли в отношении его собственного искусства джит кун до. Фактически, с этой целью Ли совместно со сценаристом Стирлингом Силифантом набросали на бумаге следующие строчки, которые звучат в первой серии телесериала «Длинная улица», вышедшей на экраны в Северной Америке в 1971 г.:

> «Ли, я хочу, чтобы ты поверил: это больше, чем просто обучение искусству самозащиты. Пару раз ты как-то говорил мне, что я должен чувствовать, как мое тело и моя голова действительно работают заодно. Забавно, что вне боевых искусств, вне боев я чувствую себя как-то мирно. Каким-то образом без враждебности. Почти так, как будто, владея джит кун до, я ощущал бы, что достаточно просто владеть им. И, владея, никогда не применять его».

Глава 14
Уроки сына мастера

Я встречался с Брэндоном Ли только один раз — это произошло в маленьком офисе в Прайм Тикет Билдинг в Сенчери-Сити, Калифорния. Как ни удивительно, но эта единственная встреча, как выяснилось впоследствии, оказала на меня глубокое влияние как в личностном, так и в профессиональном плане. Во многих отношениях семена, из которых выросла эта книга, были посеяны именно на этой встрече, поскольку Брэндон и его высказывания о духовности, о самопознании как метафизической точке отсчета человека и его интерпретация философии джит кун до его отца придали совершенно новые оттенки моей философской палитре, оттенки, которые с тех пор расцвечивают мою жизнь и работу.

Судя по письмам, которые приходили ко мне все эти годы, этот разговор с Брэндоном оказал подобное же влияние и на других людей — на тех, кто читал отрывки отредактированных стенограмм, которые появились потом в нескольких журналах по боевым искусствам. У меня сохранилась аудиозапись нашей беседы, и я время от времени прослушиваю ее, чтобы освежить в памяти некоторые из философских догадок, с которыми Брэндон поделился со мной во время нашей встречи. Пересматривая опять этот материал и отмечая, что Брюс и Брэндон были во многом похожи, я больше всего поражаюсь глубине их философского видения.

Особенно сильное впечатление в тот жаркий влажный день произвела на меня абсолютная искренность его души, та простота, с которой он общался со мной без малейшего намека на искусственность или смущение, откровенно, продуманно и честно. Я буду всегда признателен ему за это переживание и за те уроки, которые преподал мне сын мастера в тот день.

Но я забегаю вперед. Проявите снисходительность ко мне — я собираюсь предаться воспоминаниям о том, как произошла эта встреча — или, лучше сказать, как она почти не произошла. Помню, как я ехал — очень быстро — на машине, в состоянии, близком к безумной панике, вверх и вниз по нескончаемым улицам и, казалось, что их было чуть ли не тысяча, этих улиц, которые вместе составляют всегда многолюдные окраины Лос-Анджелеса, известные под названием Сенчери-Сити.

И когда я наконец нашел тот дом, которому предстояло быть конечным пунктом моего назначения на остаток утра, часы

показывали уже 11.15. Неплохо — для меня. К несчастью, предполагалось, что я буду там в 11.00. Вечная история: как всегда, я опоздал.

Но еще хуже было то, что я опоздал на интервью, добиться которого мне стоило огромных трудов — интервью с Брэндоном Ли. С этим человеком я мечтал поговорить с тринадцати лет. Это был тот момент в моей жизни, когда я впервые узнал о Брюсе Ли, о том, что он умер молодым, но что его жизненная энергия продолжает существовать в двух его детях, восьмилетием мальчике и четырехлетней девочке. И как только я обо всем этом узнал, я понял, что однажды я встречусь с этим мальчиком. Почему я был так уверен в этом тогда, в том возрасте? Сейчас у меня есть только самые смутные размышления по этому поводу, но, как бы там ни было, наши пути действительно пересеклись — в этом маленьком офисе неподалеку от бульвара Санта-Моника примерно девятнадцатью годами позже. Здесь мне следует упомянуть, что я также довольно хорошо знал «маленькую девочку» Брюса Ли, Шэннон (она выросла и превратилась в удивительное прекрасное существо и по праву признанную первоклассную актрису), но вплоть до того самого дня в августе 1992 г. единственная личность, с которой за весь этот долгий период времени я больше всего на свете хотел познакомиться, был Брэндон Ли.

Когда я вошел в здание и представился в приемной, его рекламный агент Робин Баум попросила меня подождать в соседней комнате, а сама пошла доложить обо мне. И пока я занимался приготовлениями к интервью — проверял батарейки в магнитофоне, просматривал список вопросов и т. д., — дверь внезапно отворилась и в комнату вошел Брэндон Ли. Я положил все мои материалы на крышку большого стола для совещаний, который занимал большую часть комнаты, и повернулся, чтобы встретить «друга», с которым я еще не был знаком. У Брэндона была твердая пружинистая походка, спокойная и естественная манера держаться. Я вспоминаю, что мне страстно хотелось запомнить момент встречи, запомнить такие вещи, как установление зрительного контакта, прикосновение руки, когда мы обменивались приветственным рукопожатием. Я вспоминаю также, что меня поразили проницательные зеленые глаза Брэндона — я почему-то не сомневался, что они должны быть карими (хотя почему я так считал, не могу себе представить).

После того как мы пожали руки, помню, последовал момент молчания — он никоим образом не был неловким, — во время которого ни один из нас не сказал ни слова, но мы не отводили глаз друг от друга. У меня было странное ощущение, будто я

давно знаю человека, стоящего в эту минуту передо мной. Без сомнения, оно было основано на том факте, что я наблюдал глазами прессы, как из мальчика он превращался в мужчину, и следил за продвижением его карьеры. Был храбрый девятилетний мальчуган, державший мать за руку и тем самым пытавшийся утешить ее во время похорон своего отца в Сиэтле; был гордый юноша на премьере того, что оказалось последним фильмом папы, «Игры со смертью», совсем недавно он был подающей надежды молодой суперзвездой, готовый пробить собственную нишу в Голливуде. Теперь все эти образы предстали предо мной, переродившись в молодого человека, готового померяться силами со всем миром — по его собственным словам.

Все те из нас, кто были горячими поклонниками его отца, очень надеялись на Брэндона. Может быть, нам можно простить наш эгоизм, то, что мы так отчаянно хотели увидеть, что он добился успеха, что факел из рук его отца перешел в те единственные руки, которые были действительно способны нести его. Возможно, наивно это читать, но отчасти причиной моего прихода к нему в тот день было, я думаю, желание внести свою лепту в осуществление Брэндоном его кинематографического предназначения, обеспечив ему необходимое внимание публики. Сейчас меня поражает, как глупо было придавать столь большое значение этой встрече, которая была, по всей вероятности, не более чем одним из многих десятков и сотен интервью в его жизни. Но тем не менее моя ретроспективная оценка не может вычеркнуть тот факт, что эта единственная встреча оказала глубочайшее воздействие на мою жизнь.

Внезапно снова появилась Баум и указала, что мы должны сесть напротив друг друга за большой дубовый стол для совещаний. Она осведомилась, не хотим ли мы чего-нибудь выпить — кофе, например, — перед тем как она оставит нас вдвоем. Мы оба ответили положительно. Брэндон посмотрел на меня и сказал, улыбнувшись: *«Мой единственный большой грех — я пью много кофе».* Когда Баум вышла, Брэндон откинулся в кресле, пользуясь несомненным преимуществом, которое давала ему обыкновенная одежда: белая хлопчатобумажная футболка и черные джинсы.

Брэндон Ли — «мастер жизни»

Он просто и искренне улыбнулся, как и ожидается от человека, абсолютно уверенного в своем мастерстве (или своем кунг-фу, если придерживаться тематики этой книги), его окружала аура уверенности. Он носил довольно длинные волосы, и меня сразу же поразило его хрупкое телосложение. Я прикинул, что весил он, наверно, фунтов 155[5], но, как он сообщил мне, для такой его внешности на тот момент существовали причины:

> Я готовлюсь к съемкам «Ворона», поэтому мне надо постараться сбросить жир. Сейчас он составляет где-то 6 процентов, но хочу дойти до того, чтобы выглядеть болезненно худым, и пытаюсь сделать это без существенной потери мышечной массы, но это трудно, потому что грань здесь очень тонкая.

Наша беседа длилась совсем недолго, когда приверженность Брэндона первому принципу Брюса Ли в джит кун до («Исследуй собственный опыт») стала очевидной.

> Я испытываю большое уважение к отцу, но я совсем другой человек. Я вырос в другой стране, и совершенно ясно, что в результате я испытывал влияние совершенно других факторов, чем он. Думаю, однако, что в съемках я действовал в значительной степени сам по себе. Вы знаете, что, когда моего отца не стало, мне было девять лет, так что у нас и не было шанса поговорить по-настоящему о том, как играть в кино, о его и моем отношении к кино или о чем-то подобном. И кроме того, у меня была возможность играть во многом по-другому

— то, чего у отца не было, потому что он был гораздо старше меня, когда начал сниматься.

Брэндон и Шэннон посещают своего отца на съемочной площадке во время съемок фильма «Игра со смертью». Члены семьи Ли всегда вместе

Очевидно, что Брэндон не стремился найти какую-то добившуюся успеха личность в качестве примера для подражания, как и его отец, который считал это неправильным подходом к самореализации. Второй принцип боевых искусств джит кун до («Впитывай то, что может быть тебе полезно»), которыми Брэндон начал заниматься, еще держась за руку своего отца, он счел особенно нужным для собственного развития.

> Думаю, боевые искусства в моей жизни — а они составляют ее неотъемлемую часть — это целиком заслуга моего отца, и я бесконечно признателен ему за это. Он начал приобщать меня к ним сразу, как только я научился ходить. Он занимался моим обучением, пока был жив, и даже потом, когда я продолжил занятия, моим инструктором был один из его учеников. Так что, хотя в процессе обучения я испытал влияние разных источников, в основном все-таки боевые искусства настолько связаны для меня с отцом, что все остальные не столь существенны. Мне кажется, именно в этом проявилось его сильнейшее влияние.

Брэндон осознавал, что идейное наследство его отца выходит далеко за рамки боевых искусств, и призыв Брюса Ли «продолжать плыть» был подхвачен его сыном, который сказал мне: *«Цель моих занятий боевыми искусствами — просто продолжать тренироваться, продолжать развиваться. Все время узнавать что-то новое».*

Брэндон также дал понять, что ему много раз предлагали

роли в фильмах, где применялись боевые искусства, что значило бы для него следовать по стопам отца, однако он сразу же понял, что возможности такого пути ограничены. Он понимал, что просто копировать отца или же напрашиваться на сравнение с ним означает, что его духовное и артистическое развитие остановится и собственный процесс самопознания станет невозможным.

Иначе говоря, Брэндон решил отказаться от этих ролей в соответствии с третьим принципом джит кун до («Отвергай то, что бесполезно»), с тем чтобы перейти к четвертому принципу, величайшему благу («Добавь то, что особенно подходит для тебя»). Он понял, что, уступая такой потребности «легких денег», он станет основывать свой выбор на ожидании одобрения от других и позволит им решать за себя — отдельного индивидуума и личности, — как ему надлежит развиваться. Брэндон выразил позицию, которую отстаивал его отец, — «Будь самим собой и верь в себя», когда искал источник удовлетворения внутри себя, а не в окружающем мире:

> Единственное, что я могу сказать: нельзя делать выбор в карьере, будь то выбор профессии или выбор в работе актера, основываясь на попытках действовать вполсилы или оправдать сравнение с кем-то еще. Этого просто нельзя делать. Вы должны делать свое дело, чувствуя суть нутром, основываясь на своих инстинктах, на своей собственной жизни.

Наш разговор постепенно перешел к теме психологии. Именно здесь Брэндон поделился со мной некоторыми из своих наиболее интересных догадок по поводу человеческого рода.

> Любопытный момент: если вам приходится разговаривать с тем, кто по-настоящему зол из-за чего-то на весь свет, это зло целиком и полностью отражается в его взглядах на жизнь. Он видит все через фильтр этого зла. И когда смотришь на такого человека, становится болезненно очевидно, на чем он зациклился, но для того, кто действительно затаил обиду на жизнь, эта обида, это зло — его мир, и он не может уже видеть по-другому.

Он объяснил мне, что совсем недавно закончил сниматься в фильме «Быстрый огонь», и одной из тех причин, по которым он заинтересовался проектом, была возможность сыграть роль как раз человека, затаившего обиду на весь мир.

> Мне кажется, самое замечательное в том, что этот мальчишка в конце фильма получает шанс снять этот груз обид со своих плеч. И знаете что, ведь у всех нас есть такого рода опыт, когда мы сняли с себя своего рода огромную тяжесть с плеч и сказали себе: «Вот, теперь все так просто. Я вижу все совсем по-другому». В начале фильма, однако, это человек действительно с такой тяжестью на плечах, и мне это нравилось, потому что, вообще, когда играешь молодых персонажей, что я, естественно, буду делать еще пару лет, нередко это представляет определенную трудность, поскольку за ними нет никакой истории. То есть сколько может рассказать о себе парень, которому двадцать два года от роду? У него просто нет еще ничего, что можно было бы рассказать. Вот вам одна причина, по которой быть актером — это большая удача, потому что, когда вам исполняется тридцать, а потом сорок, вы можете сказать себе что-то вроде: «Эй, у меня побольше историй, которыми я могу поделиться, и побольше опыта, к которому можно обратиться». Но у этого персонажа было кое-какое прошлое. Мне понравилась вся эта история о площади Тяньаньмынь (по сценарию персонаж, которого играл Брэндон, был свидетелем смерти своего отца во время резни на площади Тяньаньмынь), и мне понравилось, как в начале фильма у него появляется настоящая проблема, а к концу она в определенном смысле разрешается — если фильм действует на тебя.

Замечу здесь, с некоторой долей пафоса, что герой Брэндона в фильме «Быстрый огонь» во многом был не лишен сходства с ним самим — по крайней мере, в том, что касается обиды на весь мир. Очень долго Брэндона Ли не воспринимали так, как воспринимают вас или меня — просто по имени. Большую часть его жизни имя Брэндона непременно дополняли определением: «сын Брюса Ли». Для молодого человека, который борется за то, чтобы найти свое место в жизни, это представляло немалую проблему.

Пожалуйста, не воспринимайте все сказанное в том смысле, что Брэндон не гордился, что он сын своего отца, — он, совершенно очевидно, очень гордился этим, и по праву. Он на самом деле был очень красноречив, описывая положительное влияние, которое оказал отец на его собственное развитие, и вклад Брюса Ли в боевые искусства, производство фильмов и философию. Тем не менее Брэндон признавал абсолютную

необходимость личного роста и развития вне пределов огромного и неоспоримого творческого наследства его отца. Большую часть своей сознательной жизни Брэндон стремился достичь независимости ума, тела и духа, и, достигнув этой цели, он смог освободиться. Хотя это может показаться парадоксальным, но в действительности именно через буквальное восприятие и применение философии своего отца Брэндон освободился от его тени.

Этот процесс, как вы, вероятно, теперь хорошо понимаете, предполагал самопознание и самовыражение через то, что его отец называл «стать мастером жизни», и, по прихоти судьбы, Брэндон для этого предпочел те же средства, что и его отец: боевые искусства и кино. Брэндон в значительной степени сосредоточился на последнем, где, как он знал, лежит его подлинная страсть. Со временем он слился со своей истинной природой, которую выражал честно и до конца в своих фильмах.

Поступая таким образом, он обрел мир, принимая себя таким, каков он есть, и в том числе принимая тот факт, что он — сын своего отца. Незадолго до смерти он стал открыто говорить о том, что гордится родством. Иначе говоря, через трудный процесс самореализации бремя обид было полностью снято с его плеч.

Разрешение проблем через процесс самореализации — тема этой книги, и это также тот философский резервуар, из которого в течение жизни черпали, несмотря на различия своих личностей, и отец и сын.

Когда во время разговора в тот день мы перешли к теме боевых искусств, Брэндон оживился. Он без утайки рассказал о своей программе тренировок, говорил о том, что он относится к боевым искусствам как к средству для достижения умственного и физического познания самого себя.

> Мне действительно интересен тот момент, которого достигаешь, когда ты на самом деле падаешь от усталости, занимаясь чем-то, будь то силовая тренировка или кардиоваскулярные упражнения. Интересно посмотреть, насколько это вопрос физический и насколько — умственный. Когда говоришь себе: «Все, я больше не могу», и если на самом деле бросишь себе вызов, что-то вроде: «Так, вот стоит человек, он приставил пистолет к виску твоей матери и говорит: “Сделай еще один раз (то, чем ты занимаешься, — скажем, прыгай через скакалку еще одну минуту)… тогда я не выстрелю, если не сделаешь — выстрелю", — и посмотри, сможешь ли ты это сделать!» Нужно пытаться

бросать себе вызов подобным образом. Я считаю, что на каком-то уровне нужно превращать это в своего рода игру, чтобы продолжать делать те глупости, которыми ты там занимаешься и которые причиняют тебе столько беспокойства!

После таких тренировочных экспериментов Брэндон многое узнавал о самом себе в смысле пределов своих умственных и физических возможностей. Боевые искусства стали для Брэндона не только средством самообороны, в них он обнаружил подлинный глубокий смысл кунг-фу. Через боевые искусства ему открылись его физические способности, эмоциональные силы и даже абсолютное чувство духовности: «Боевые искусства — это занятие, которое, по моему мнению, способно принести человеку глубокое продолжительное духовное переживание — если человек открыт им».

Я спросил его, как же ему удалось почерпнуть до такой степени духовное чувство просвещенности из занятия, которое было настолько физическим. И здесь его слова приобрели особую убедительность:

> Ну, я бы сказал так: когда идешь по пути совершенства в боевых искусствах, а вы знаете, что по этой дороге двигаешься постоянно, в конце концов подходишь к внутренним преградам, которые пытаются остановить тебя и не дать тебе стремиться к овладению мастерством. Эти преграды, по существу, — такие вещи, как предел возможностей, предел силы воли, ваших навыков, природных способностей, мужества, то, как вы воспринимаете успех и как — неудачи. И как только вы преодолели каждую из этих преград, вы в результате узнали что-то о самом себе. И иногда то, что вы узнаете о самом себе, может, как кажется, сообщить личности определенный духовный смысл.

Я спросил его, имел ли он в виду под духовностью человеческую душу в самопознаватсльном смысле слова. Его ответ доказывал проникновение в самую суть вопроса:

> Да, но это не только самопознание, но и через знание себя знание также других. Забавно, насколько действительно постигаешь вещи задним умом, понимаете? Можешь смотреть, как кто-то проходит через то же, что и ты, и только тогда видишь это ясно, когда сам прошел через это. И я думаю, что, пока продолжаешь

это, приобретаешь определенную духовность.

Забавно, что каждый раз, когда подходишь к реальной преграде своему развитию, снова становишься ребенком. Это очень интересное ощущение — снова отойти на уровень незнания того, что делаешь. Мне кажется, когда это происходит, перед тобой открывается простор для учения и роста — если идешь вперед с поднятой головой и не говоришь: «К черту все это! Займусь чем-нибудь другим!»

На каком-то этапе нашей жизни мы сводим свою деятельность к вещам, которые мы уже знаем, как делать. Вы понимаете, по той причине, что не хочешь снова оказаться перед лицом собственного незнания того, что делаешь, не хочешь снова почувствовать себя любителем. Я думаю, что это не очень хорошо. Намного интереснее и, как правило, важнее для развития личности поставить себя в положение, когда не знаешь, что должно произойти, чем делать опять и опять то, что уже знаешь, и тебе известен основной результат за три-че-тыре шага вперед в любом направлении.

В том, что говорил Брэндон, было много мудрости, а при его словах о том, что человек становится ребенком, чтобы расширить свой жизненный опыт и, следовательно, свою духовность, мне на ум сразу пришли слова Лао-цзы, который писал:

> Того, кто обладает многими добродетелями, можно уподобить ребенку.

Как и его отец, Брэндон оказался не по годам проницателен в отношении рода человеческого. Мне он показался мудрым старым философом, облаченным в тело молодого человека, а его рассуждения на эти темы привели меня в восхищение. Именно во время нашей беседы Брэндон фактически сделал ставшее классическим заявление о концептуальной основе очень неклассического боевого искусства джит кун до своего отца:

> Понимаете, это интересно. Когда люди спрашивают меня во время интервью, каков в целом мой «стиль», я обычно говорю, что мой отец, пока был жив, создавал искусство джит кун до, и меня обучали именно ему. Поскольку так сказать проще. Однако в действительности я чувствую, что так говорить — слишком просто, потому что искусство джит кун до было очень личным выражением боевых искусств моего отца,

и он сам, фактически, сказал в одной из своих записей, незадолго до смерти, что, если джит кун до станет предметом споров в мире боевых искусств, то есть люди будут спорить о том, что джит кун до есть то или джит кун до есть это, или же скажут: «Мы хотим основать школу джит кун до», он бы предпочел, чтобы это понятие просто умерло. Потому что оно не предназначено для того, чтобы стать еще одной священной коровой. Я имею в виду, что он намеревался убить много священных коров. Поэтому я всегда чувствую себя немножко глупо, когда говорю: «Я занимаюсь джит кун до», хотя меня, безусловно, обучали именно этому. Точнее было бы сказать, что я занимаюсь моей собственной трактовкой джит кун до. Совершенно так же, если быть откровенным, как любой другой, кто практикует джит кун до, — потому что именно для этой цели искусство джит кун до и предназначалось.

Дэни Иносанто, мой сифу (и человек, который руководил третьей школой боевых искусств в Лос-Анджелесе в конце 60-х годов), всегда говорит о преподавании «концепций джит кун до». Иначе говоря, об обучении концепциям, определенному образу мышления, стоящему за боевыми искусствами, в противоположность обучению техническим приемам. Что касается меня, такой подход представляет собой что-то вроде иллюстрации разницы между тем, чтобы дать человеку рыбу, и тем, чтобы научить его ловить рыбу. Вы можете научить человека определенному блоку, и тогда он знает этот блок; или же вы можете научить концепции, которая стоит за этим блоком, и тогда вы дали ему целую область для размышлений, благодаря ей он вырастет и разовьется в самого себя. Он сможет сказать: «О, я вижу, если это концепция, тогда можно, наверно, сделать так или так и все равно остаться верным этой концепции». Именно это в основном и стоит за джит кун до. Именно это призвано создать увлеченного своим делом, свободного в выборе форм мастера боевых искусств.

Брюс Ли не смог бы сказать лучше.

Глава 15
Вехи

Как-то в начале 1973 г. Брюс Ли набросал письмо молодому человеку, который обратился к нему с просьбой об обучении его философии боевых искусств джит кун до. В то время Ли был слишком занят (он занимался продюсированием фильмов, писал сценарии, выступал в качестве режиссера, ставил хореографию и снимался в главных ролях), и у него не оставалось времени для преподавания. Изящно отклоняя просьбу, Ли написал: *«В смысле времени — у меня не будет его достаточно, чтобы преподавать, но я желал бы — когда время позволит — выразить себя честно или «открыть себя» вам — стать своего рода вехой для путника».*

Путника в данном случае звали Джон, но совет Ли относится ко всем тем из нас, кто хотел бы идти по жизненному пути в поисках истины. Следуя своей философии, Ли понял, что наиболее просвещенная форма преподавания в том, чтобы быть не «дающим истину», но, скорее, «указывающим на истину»; в том, чтобы показать ученику направление, в котором находится собственная истина последнего, — в надежде, что ученик в конце концов ее найдет. Ли еще уточнил смысл своих слов, добавив: *«Мой опыт поможет, но я настаиваю на своем утверждении, что искусство — я имею в виду настоящее искусство — нельзя передать. И кроме того, искусство никогда не бывает декорацией, никогда не служит для приукрашивания. Искусство — это процесс непрерывного роста и развития (в смысле НЕДОСТИЖИМОСТИ предела!)».*

Ли считал, что дорога к истине и от истины к сатори состоит из многих тропинок — по необходимости. Люди, как ранее говорил Ли, разные, у них разные потребности, желания и устремления, и хотя у всех нас один и тот же биологический корень, индивидуальное выражение личности и собственного «я» отличается крайним разнообразием. В своем письме Ли далее писал: *«Понимаете, Джон, когда у нас будет возможность поупражняться, вы убедитесь, что ваш образ мыслей явно отличается от моего. Искусство, в конце концов, — это средство обретения «личной» свободы. Ваш путь — не мой путь. Точно так же мой путь — не ваш».*

В то время как личные письма Брюса Ли в достаточной степени служили вехами для того, чтобы направлять по дороге жизни, они были не единственной формой, через которую Ли помогал своим ученикам стать всем тем, на что они были

полностью способны. Деятельный писатель и публицист, он скрупулезно записывал свои мысли, наиболее ярко отражающие его философские воззрения. Стиль, которым Ли нередко предпочитал пользоваться для изложения своих концепций и идей, — это освященный веками китайский стиль поэтического афоризма:

Изменяться с изменением — это неизменное состояние.

Жизнь — это непрерывный процесс установления связей.

Быть не напряженным, но готовым. Не думать, но и не мечтать. Быть не закрепленным, но гибким. Освобождение от неприятного ощущения заключенности в какие-то рамки. Это означает быть совершенно и спокойно живым, сознающим и бдительным, готовым для всего, что может произойти.

Человек, поскольку он творческая индивидуальность, намного важнее, чем любой стиль или система.

Истина, дающая свободу, — это реальность только тогда, когда она прочувствована и пережита самой личностью; это истина, которая переступает пределы стилей или отдельных дисциплин.

Знания недостаточно; должно быть применение. Желания недостаточно; должно быть действие.

Хороший учитель защищает учеников от своего влияния.

Для подлинного совершенства требуется простота.

Людей делает сила воли — успех отбирает у человека упорство.

У пустых голов длинные языки.

Если каждый поможет своему соседу, никто не останется без помощи.

Вчерашние мечты часто становятся завтрашней реальностью.

Если хочешь хорошо исполнить свой долг, сделай просто чуть-чуть больше, чем требуется.

Пессимизм затупляет лезвия инструментов, которые нужны для успеха.

Оптимизм — вера, которая ведет к успеху.

Цель не всегда предназначается для достижения, она нередко служит просто для того, чтобы к ней стремиться.

Одна из важных причин неудачи — отсутствие сосредоточенности.

Позерство — это представление дурака о славе.

Если не хочешь споткнуться завтра, говори правду сегодня.

Самообразование делает великих людей.

Если думаешь о чем-то, что это невозможно, ты тем самым делаешь это невозможным.

Если любишь жизнь, не трать время, ибо время — это то, из чего сделана жизнь.

Даже в самых банальных сторонах повседневной жизни и общения Брюс Ли был способен усмотреть скрытый смысл. Завершим эту главу словами самого Ли, которыми он закончил свое письмо Джону, в надежде, что эта последняя веха, возможно, окажется вам полезной в процессе вашей собственной духовной реализации:

Встретимся мы или нет, помните, что искусство «живет» только там, где есть абсолютная свобода. Когда все обучение отброшено прочь, когда ум (если есть такая определяемая словами субстанция) совершенно не осознает свою работу, когда «я» исчезает, искусство джит кун до обретает совершенство.

Глава 16
Боевые искусства как аллегория. Фильмы Брюса Ли

Брюс Ли был, как говорил его старший ученик, Дэниел Ли, «великим учителем». Ли всегда стремился узнать что-то новое о самом себе и об окружающем мире. Он чувствовал потребность поделиться знаниями, которые он приобрел, со своими друзьями и учениками. В мире боевых искусств существует немало историй о людях, которые посещали Ли в его доме в Бел Эйр и задерживались, зачарованные, до рассвета, пока учитель подолгу рассуждал о способах борьбы, дзэн и человеческих взаимоотношениях.

Не удивительно, что, когда Ли начал все больше и больше вовлекаться в кино, он выбрал средства массовой информации образовательным инструментом для обучения массовой аудитории различным философским принципам, которые, возможно, до этого момента не принимались людьми во внимание. Сам Ли именно так сказал в интервью газете «Гонконг Стандарт» в начале 1973 г.:

> Пришло время, когда кто-то должен что-то делать с кино здесь, в Гонконге. Уже просто недостаточно снимать душевных героев, которые преданы делу, увлечены им и к тому же профессионалы. Думаю, в Юго-Восточной Азии у меня особая роль. Публику нужно просвещать, и тот, кому предстоит эта работа, должен отвечать за нее. Мы имеем дело с массами и должны создавать что-то, что дойдет до них. Мы должны просвещать их шаг за шагом. Мы не можем сделать это за один раз. Именно этим я сейчас занимаюсь. Получится у меня или нет, покажет время. Но это не то, что я чувствую себя призванным, я — призван.

С этой целью Ли пытался рассказать всему Западу о восточной культуре, так как считал, что страх и раздоры, порожденные невежеством, можно устранить с помощью просвещения. Боевые искусства, например, были явно азиатской практикой в те годы, когда Ли жил там, но если западная аудитория сочла их интересными, она могла по-другому взглянуть и на азиатскую культуру, которая породила эти искусства. Точно так же восточная аудитория Ли могла узнать из

фильмов, что в западной культуре есть по крайней мере некоторые пути, которые имеют определенную ценность.

Результатом приверженности Ли идее просвещения было то, что из каждого его фильма можно извлечь определенную мораль. Он так говорил об этом:

> «Я надеюсь снять здесь [в Гонконге] фильм со многими уровнями — то есть такой, в котором вы можете, если хотите, только наблюдать за фактами, или же вы можете взглянуть поглубже, если вам покажется это интересным».

Такая структура яснее прослеживается с каждым последующим фильмом, Брюс Ли добивается все большего успеха и популярности у публики, продюсеры и режиссеры предоставляют ему все больше свободы выражения в создаваемых им фильмах. Из каждого его фильма можно вынести множество уроков (и это одна из причин, по которой они выдерживают многократные просмотры). Попытаюсь представить некоторые наиболее значительные философские уроки, которые содержатся в четырех его фильмах. Я поразмышляю также о тех уроках, которые могли бы содержаться в фильме «Игра со смертью», если бы Ли смог закончить его. Этот фильм он намеревался сделать кинематографической демонстрацией своего искусства и философии джит кун до.

«Кулаки ярости» (1971 г.)

По мнению друга и последователя Ли Дэна Ино-санто, Ли использовал «Кулаки ярости» (в Гонконге этот фильм вышел под названием «Большой босс»), чтобы преподать воинский урок должного подхода к групповому нападению.

> Если вы просмотрите отснятый материал о боях, вы заметите, что он начинается со злобного нападения на первого человека. Главная идея здесь заключается в том, чтобы уничтожить лидера или лучшего бойца как можно более жестоко, чтобы психологически запугать группу. Проба на вкус собственной крови со сбивающим с толку видом полнейшего презрения к боли — вот другая уловка, цель которой запугать противника. Если вам повезет, деморализованная группа в страхе разбежится. Если нет, следующее, что вы должны сделать, — это переместиться в сторону и создавать такие ситуации, где

вы сможете сражаться только с одним человеком.

Урок, однако, на самом деле глубже, чем чисто демонстрация техники боя. Он переносит нас назад к даосской концепции ву-син, или «бездумности». Это не означает пустой ум, в котором исключаются все эмоции, точно так же это и не случай простого владения самим собой, хладнокровие и спокойствие ума. Хотя эти качества важны, но именно непривя-занность — неделание паузы, чтобы проанализировать переживание субъекта или ситуацию, — является корневым значением термина. В истинном ву-син нет ничего, что нужно было бы пытаться сделать, ибо принимается все, что происходит в каждый следующий момент, — и на это следует мгновенная реакция. Например, если Ли окружен множеством противников, которые намереваются причинить ему физический вред, на него нисходит спокойное, отстраненное чувство осознания происходящего. Это дополнительное, неконкретное понимание, которое является своего рода расширением Дао. Ему нельзя научить, его можно только воспринять, прочувствовать. Его полное воздействие осознается через наблюдение за способом, которым человек реагирует на истинную природу Дао. Ли говорил:

> Понятие концентрации в кунг-фу не несет в себе общепринятый смысл ограничения внимания рамками одного чувственного объекта, это просто спокойное осознание всего, что происходит здесь и сейчас. Такого рода концентрацию можно наблюдать у публики во время футбольного матча: она не сосредоточивает внимание на одном отдельном игроке, который владеет мячом, а держит в поле зрения все поле. Таким же образом ум мастера кунг-фу сосредоточен не на одной какой-то части противника. Это особенно важно, когда имеешь дело с несколькими противниками.

В итоге Ли реагирует — мгновенно, как эхо — на звук, на любое движение или атаку, которую предпринимают его противники. Иначе говоря, поскольку он в состоянии во время сражения сохранять отстраненность ума, он способен одолеть врага.

Другой урок, который можно извлечь из этого фильма, — «искусство умирать», отрешенность от страха смерти — или, точнее говоря, от страха потерять власть над жизнью. В кульминации фильма, после того как Ли обнаруживает, что все его родные были жестоко убиты, он в оцепенении бредет к берегу протекающей неподалеку реки, чтобы посидеть, размышляя о

своей жизни и о том, что с ней стало. Внезапно он вскакивает на ноги и бросает все свои вещи — символически избавляется от последнего, что связывает его «этим миром» — в реку, таким образом окончательно отрешая себя от мирских забот.

Он умер для страха личной потери, в том числе страха потери жизни, поскольку он теперь принял тот факт, что он действительно стал мертвецом — а мертвецам нечего терять. Ли, таким образом, способен идти дальше, не обремененный больше заботами, не сдерживаемый самим собой. Он постиг искусство умирать. Приведем слова Ли из телесериала «Лонг-стрит»: *«Принять поражение — научиться умирать — значит освободиться от этого».*

Когда герой Ли это принимает, он освобождается и заново рождается со знанием, что он больше не бессильное, оторванное от всего судно, дрейфующее во вселенском океане, но, по сути, одно целое со всем процессом развития. Как писал сэр Эдвин Арнольд, «отказываясь от самости, Вселенная взращивает “я”».

«Китайские контакты» (1971 г.)

В этом фильме Ли преподает несколько уроков рукопашного боя, а также делает ряд заявлений на тему расизма и нравственных ценностей. Тема расизма вступает в действие во время попытки Ли войти в позорный парк «Шанхай», где действительно на рубеже веков повесили табличку с надписью «Собаки и китайцы не допускаются». Ли, который всегда был убежден, что «под этим небом живет только одна семья», пытается войти в парк. Когда ему не дают это сделать и затем оскорбляют, он предпринимает соответствующие действия, показывая тем самым, что человеческие существа не должны выказывать терпимость в ответ на нетерпимость. Иными словами, попытка низвести другие расы до положения неразумных существ может в дальнейшем дорого обойтись.

В фильме также раскрывается, как личность, свободная для самовыражения, может восторжествовать над системой убеждений, представленных здесь двумя стилями — японским каратэ и русской борьбой. Убеждение, присущее большинству стилей, что практикующие именно это искусство непобедимы благодаря национальному происхождению или идеологии представляется в фильме как безосновательное. Ли делает упор на то, что успех в единоборствах зависит от самой личности человека и — что еще более важно — от силы воли этой личности. Как он сам однажды сказал репортеру из Тайваня,

> …вы должны обладать абсолютной решимостью. Худший противник, который может вам встретиться, это тот, чья цель стала навязчивой идеей. Например, если человек решил откусить вам нос, независимо от того, что с ним произойдет в процессе осуществления этого, у него есть все шансы добиться в этом успеха. Он может быть тоже жестоко избит, но это не остановит его на пути к поставленной цели. Вот это настоящий боец.

В этом фильме и в определенной степени во всех его фильмах Ли учит конфуцианскому идеалу воздаяния добром за добро и справедливостью — за зло. Отнять человеческую жизнь — нравственно дурной поступок, не важно, каким бы справедливым ни показалось такое преступление. Это еще одна тема, которую Ли включил в свои фильмы. По сути, в одной из сцен, которую придумал Ли, но которая так и не появилась в его последнем фильме «Выход Дракона», его герой произносит следующие слова: *«Мастер боевых искусств должен нести ответственность за самого себя и встречаться лицом к лицу с последствиями своих поступков».*

В фильме «Китайские контакты» Брюс Ли вершит суд над японскими воинами — мастерами боевых искусств, которые постоянно унижали и убивали его соотечественников. Однако вместе с актом правосудия приходит осознание того факта, что этот процесс требует отнять другие жизни, то есть совершить нравственно дурное деяние. Герой Ли, Чен-чен, осознает это и достойно принимает наказание (в конце фильма он без страха смотрит на взвод солдат, который должен расстрелять его). Ли в интервью с тайваньским репортером следующим образом комментировал этот эпизод фильма:

> Я не верю в поддержку насилия. Я думаю, это пагубное дело — поддерживать насилие… Не считаю, что следует использовать насилие и агрессию в качестве сюжета для фильмов. Прославление насилия — это плохо. Вот почему я настаивал на том, что Чен-чен, герой, которого я играл в фильме «Кулаки ярости» (в Северной Америке он шел под названием «Китайские контакты»), должен умереть. Он убил много людей и должен за это заплатить.

Однако Ли также учил в этом фильме, что человек никогда не должен идти против сути ли, отдавая кому бы то ни было выражение своей подлинной природы или развитие, даже если плата за такое естественное развитие духа — смерть. Брюс Ли

обсуждал нравственную сторону этого аспекта со своим другом и старшим учеником Дэниелом Ли в телефонном разговоре в 1971 г.

Смертельный прыжок Ли из фильма «Китайские контакты», снятый киностудией «Голден Харвест»: весьма достойный конец фильма «в китайском стиле»

> БРЮС ЛИ: В конце [фильма] я умираю под пулями. Но это заслуженная смерть, потом. у что она означает, понимаешь, (оправдание) школы Чинг Ву, китайцев и всего этого. Я выхожу и говорю: «Черт тебя побери, приятель. Вот я!» Бум! Я прыгаю, делаю прыжок в воздух, кадр останавливают, и затем ба-ба-ба-банг! Как в конце фильма «Батч Кэссиди и Санданс Кид», кроме того, что кадр останавливают, когда я в воздухе, понимаешь.
>
> ДЭНИЕЛ ЛИ: Очень достойный конец.
>
> БРЮС ЛИ: Именно — ну, конечно, в китайском стиле.

Иными словами, вы не должны бояться последствий приверженности естественному пути, необходимому, чтобы выполнить до конца ваши потенциальные возможности.

«Возвращение дракона» (1972 г.)

Наверно, первая идея этого фильма — что любой ценой нужно избегать ограниченности ума. В одной из сцен фильма Брюс Ли присутствует на тренировке каратэ нескольких людей, уединившихся в глубине коридора. Он спрашивает человека, который привел его на эту выгодную позицию, занимается ли он сам с этими мастерами. Человек качает головой. «Не-а, — презрительно говорит он, — это иностранщина!» Этому человеку, националистически настроенному китайцу, не интересно то, что имеет некитайское происхождение.

Ли выговаривает ему за такой узколобый подход: «Если тебе

это поможет, когда ты попал в переделку, ты должен научиться пользоваться этими приемами. И не важно, откуда они. Тебе следовало бы это понять!»

Поскольку Ли сам разрабатывал сюжет этого фильма, в его сценарии, как в капсуле, заключалась личная философия Ли — джит кун до: поскольку мы постоянно учимся, любой стиль или система, которая претендует на то, что она содержит окончательное слово истины или все ответы, является ошибочной. В данном случае речь идет о том, что в каждом виде боевых искусств есть чему поучиться, и ни одно из них не содержит всех ответов на вопросы всех людей и каждого человека в отдельности.

Ли также подчеркивал необходимость навязать свой ритм противнику и не позволить другим диктовать вам свои условия — если вы хотите восторжествовать над противником. Во время поставленной Ли классической сцены сражения между ним самим и последователем стиля танг су до, Чаком Норрисом, Ли сначала обнаруживает, что проигрывает, но потом ему удается навязать противнику свой темп и заставить Чака принять его условия. И поскольку стиль Норриса слишком окостенелый, а сам он учился только этому стилю, он не знает, как выйти из него или приспособиться к тому, что происходит. Из-за неспособности адаптироваться к меняющимся условиям он погибает. Как сказал Ли репортеру из газеты «Вашингтон Стар»: *«Проблема в том, что обстоятельства должны диктовать что делать. Но слишком многие смотрят на «то, что есть», с позиции «того, что должно быть».*

Позиция Ли в фильме «Возвращение Дракона» заключается в том, что стиль, который всегда приносит победу, — это стиль «без стиля». Иными словами, не должно быть никакого метода, поскольку метод попросту загоняет в ловушку или ставит в жесткие рамки. Человеку же, напротив, нужны возможности для выбора и свобода ими пользоваться. Выражаясь его словами: *«Должны быть только инструменты, чтобы использовать их как можно более эффективно. Высшее искусство — когда нет искусства. Лучшая форма — это отсутствие формы».*

К концу сражения с Норрисом, когда герою Ли Танг Лунгу ничего другого не остается, как убить героя Норриса, Колта, Ли с помощью движений и жестов показывает, что жизнь он не хотел бы отнимать. В этой сцене присутствует глубокое чувство печали от потери человеческой жизни, потому что был избран путь сохранения чести. Колт, хотя сначала он выступает как наемник, мог бы поднять руки вверх и тем самым остановить сражение, как только исход его начал склоняться в пользу Ли. Вместо этого он

предпочитает продолжать бой, принимая возможную смерть.

Иначе говоря, в смерти есть честь, если человек предпочитает умереть с честью. Последние поступки Колта были благородны, потому что они были следствием нравственного и честного намерения. Сразу после того, как Танг Лунг лишает Колта жизни, он берет верх формы для каратэ Колта и его черный пояс (которые были сброшены перед схваткой) и кладет их на тело Колта в знак того, что душа его противника заслуживает уважения.

Этим поступком Ли проводит мысль о том, что это нормально — уважать ближнего, даже если человек оказался вашим противником в ситуации «жизнь или смерть», если этот другой был искренен в своих убеждениях. Если люди говорят вам только то, что вы хотите от них услышать, или если они готовы продаваться за деньги, сражаясь за дело, в которое не верят, тогда они не достойны уважения. Но если кто-то заблуждается, но честно верит всем сердцем, что он прав, как герой Норриса в этом фильме, в этом случае его действия отражают чистоту и искренность его души, а именно эти два качества заслуживают уважения со стороны людей.

Поражение Чака Норриса в фильме киностудии «Конкорд» «Возвращение Дракона». Причина поражения состоит в том, что он смотрел на «то, что есть», с позиции «того, что должно быть»

Это, пожалуй, самое важное из всего, чему учит фильм «Возвращение Дракона», самый значительный урок — урок честного самовыражения. Вот как Ли сам комментировал этот сюжет фильма американскому журналисту Алексу Бен Блоку: *«Это в самом деле простой рассказ о деревенском мальчике, который отправился куда-то, не зная даже языка, но как-то ему*

удается подняться, потому что он честно и просто выражает себя».

Когда Блок задал ему вопрос: «А в ваших фильмах вы выражаете себя?», Ли ответил: «Да — то есть честно и настолько, насколько я могу».

То, что Ли добился успеха в этом отношении — и особенно в фильме «Возвращение Дракона», — не подлежит даже тени сомнения.

«Выход дракона» (1973 г.)

Один из самых важных уроков, которые можно вынести из этого фильма, стал темой главы 13 — искусство сражения без сражения, поэтому я не буду останавливаться на нем еще раз. Есть еще один урок, который преподает Ли в этом фильме. Он посвящен одной из его любимых тем — необходимости честного самовыражения.

В начале фильма Ли наставляет молодого ученика боевых искусств.

«Ударь меня ногой», — говорит Ли, вставая в позицию настороженности джит кун до. Юноша делает боковой кик, в котором больше позы, чем смысла, надеясь произвести впечатление на инструктора изяществом формы и гибкостью. Здесь он выказывает полнейшее непонимание намерений инструктора.

«Что это было? — спрашивает Ли. — Работа на публику?»

Ли пытается передать юноше идею необходимости *стать* техническим приемом, вместо того чтобы отойти в сторону и любоваться им. Другими словами, истинное удовлетворение приходит изнутри, когда вы в состоянии дать физическое выражение вашим внутренним чувствам и эмоциям.

«Нам нужно эмоциональное удовлетворение — говорит Ли. — Попробуй еще раз».

На этот раз мальчик разозлился. Его попытка произвести впечатление явно не удалась, и теперь он занял позицию: «Если вам не нравится, ладно, подождите, в этот раз проткну вас насквозь!»

«Это как палец, который указывает на Луну. Не сосредоточивайся на пальце или упустишь чудесное сияние!» Брюс Ли разговаривает со своим юным учеником в фильме «Выход Дракона» киностудии «Уорнер Браэерз», который стал хитом

Он выбрасывает еще один боковой кик, стараясь попасть в Ли, но, поскольку он кипит от злости, все движения легко расшифровываются, и Ли с легкостью уклоняется от удара.

«Я сказал: эмоциональное удовлетворение, а не злость! — указывает Ли. — Давай еще раз, со мной».

Иными словами, кики мальчика попросту должны были быть непреднамеренными ответными реакциями на движения Ли, подобно тому, как эхо следует за звуком. Слова Ли доходят до юноши, и он выбрасывает еще два боковых кика, ни один из которых не может быть расшифрован или как-то рассчитан на публику. Они просты, направленны — и попадают в цель. Хотя Ли все так же может парировать их, он признает успехи мальчика.

«Отлично!» — восхищается Ли, и мальчик начинает сиять от сознания своих достижений. «И как ты это чувствовал?» — спрашивает Ли.

Вопрос возымел на мальчика эффект, подобный тому действию, которое произвел аналогичный вопрос на сороконожку, когда ее спросили, как это она ходит с помощью такого количества ножек. Пытаясь выиграть время, он отвечает: «Дайте мне подумать…» Ли резко прерывает его с помощью не совсем нежного подзатыльника, чтобы мальчик вернулся к действительности — к настоящему.

«Не думай — чувствуй! Это как палец, который указывает на Луну», — объясняет Ли и далее замечает, что мальчик смотрит на его палец, вместо того чтобы смотреть туда, куда этот палец указывает. Ли снова возвращает его к действительности, на этот раз хлопнув его по лбу.

«Не сосредоточивайся на пальце или упустишь чудесное сияние!» Вывод здесь следующий: не принимайте изящную форму

за истинное содержание и не давайте эмоциональным крайностям быть решающим фактором вашей реакции на ситуацию. Напротив, делайте свои движения, чтобы «действительно» и «честно» выразить свое подлинное «я» — нужно это делать естественно, все должно происходить почти само по себе в тот самый момент, когда противник приоткрылся.

Иначе говоря, можно было бы сказать, что противник сам «вызвал» вашу реакцию, поскольку она произошла почти самопроизвольно. И это еще один урок ву-син: не фиксируйте внимание на каком-то отдельном объекте, не позволяйте мыслительному процессу препятствовать вашей способности реагировать спонтанно на то, что с вами происходит. Ли намеревался проработать эту тему в сцене разговора между старым шаолиньским монахом и им самим. Сцена должна была последовать за приведенной, но — по типичным голливудским причинам — была вырезана из окончательного варианта фильма из страха, что западная аудитория ее не поймет. К счастью, в личном экземпляре сценария Ли записал этот диалог, который он сочинил для злополучной сцены:

> СТАРЫЙ МОНАХ: Твое мастерство теперь уже — не вопрос техники, но духовного видения и тренировки. Я бы хотел задать тебе несколько вопросов. Что ты чувствуешь по отношению к противнику во время спарринга?
>
> ЛИ: «Противника» нет.
>
> СТАРЫЙ МОНАХ (тоном собеседника, ожидающего большего от ответа): И почему это так?
>
> ЛИ: Потому что слова «я» просто не существует.
>
> СТАРЫЙ МОНАХ (счастливый, что ученик понимает): Да?!
>
> ЛИ: Поэтому, когда в образе мыслей нет осознания конфликта, когда забываешь слово «ум», тогда состояние бездумности становится состоянием наибольшей подвижности. Когда мой противник расширяется, я сокращаюсь. А когда он сокращается, я сжимаюсь. И тогда, как только появляется возможность, «я» не наносит удар (в это время Ли поднимает кулак) — удар наносит «он» сам по себе.

В этом фильме Ли раскрывает также необходимость компетентности во всем, что относится к боевым искусствам, владения всем арсеналом киков, ударов, бросков, захватов и махов. В заключительной сцене сражения Ли подчеркивает, что, как бы вы ни владели приемами невооруженной борьбы, вы

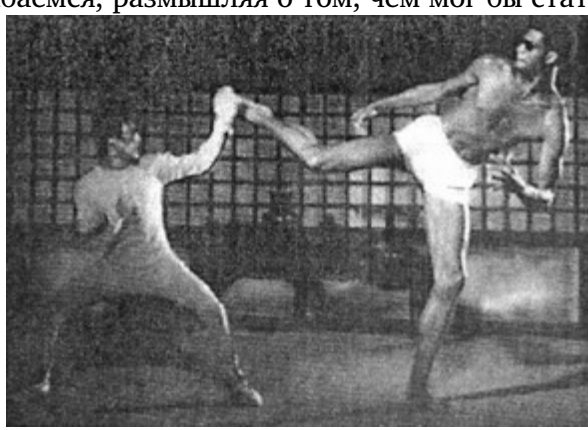
должны также научиться действовать против оружия, потому что не каждый противник, с которым вы встретитесь, будет драться честно. Ли получает несколько ран, тем самым показывая, что иногда приходится чем-то пожертвовать, чтобы добиться цели.

Эта идея, конечно, отражена в его письменном учении:

> Забудьте о победе и поражении; забудьте о гордости и боли. Пусть противник оцарапает вас, и вы расплющите его плоть; пусть противник расплющит вашу плоть, и вы сломаете ему кости; пусть он сломает вам кости, и вы лишите его жизни! Не думайте о том, чтобы благополучно спастись бегством, — пусть ваша жизнь лежит перед ним!

«Игра со смертью» (1972 г., На экраны вышел в 1978 г.)

Поскольку Ли не дожил до завершения этого фильма, мы можем только предполагать, какие уроки он, возможно, надеялся преподать посредством «Игры со смертью». Безусловно, ни один из них не присутствует в той поделке, которая вышла под этим названием после его смерти. Мы знаем только то, что он отснял на пленку продолжительностью в один час. Жаль, что только пятнадцать минут этого материала попало в окончательный вариант, который появился на экране. И все-таки, мы только улыбаемся, размышляя о том, чем мог бы стать этот фильм.



«Игра со смертью». Предполагалось, что эго будет фильм о принципе «сгибайся и выживешь». Здесь Брюс Ли приспосабливается к весьма крупному препятствию (в лице Карима Абдул-Джаббара), которое преграждает ему дорогу в предварительной сцене сражения, отснятой в октябре 1972 г.

Ли надеялся сделать фильм, который стал бы кинематографической демонстрацией его философии боевых искусств джит кун до, и в этом смысле он, несомненно, великолепно выполнил бы свою задачу. Его желанием было

преподать древний урок кунг-фу — урок инь — ян, который учит необходимости понять, как сгибаться перед превратностями судьбы, не бороться с ними лоб в лоб — и поэтому выжить. Научиться, как мгновенно заполнять бреши в обороне противника, по мере того как они проявляются, и, подобно воде, течь вместе с любой ситуацией. В главе 6 мы обсуждали то, что он собирался показать в начальной сцене фильма, которая так и не была отснята. Мы также говорили, что он надеялся, пользуясь этим фильмом как аллегорией, раскрыть глубокие духовные истины через истории, которые неискушенному глазу покажутся довольно простыми.

Хотя Брюс Ли при жизни завершил только четыре фильма, вы можете заметить, что в каждом он пытался преподать моральный урок, который довел бы до сознания зрителя некие вечные ценности. Именно этот дар Ли ставил обособленно от всех остальных мастеров боевых искусств и, разумеется, продолжает отделять его от тех, кто пытался заменить его на экране. Он был философ и учитель, и его жизнь и призвание отражали эту его природную склонность.

Без сомнения, способность честно выражать самого себя проявляется в каждом его фильме. Именно потенциальная возможность самовыражения через кинематографические аллегории привлекала Ли в первую очередь в этой профессии. Когда американский журналист спросил его, получает ли он удовольствие от работы актера, Ли ответил: «Да, от начала и до конца — потому что это мой путь выражения самого себя».

Ли уподоблял процесс честного самовыражения своей огромной внутренней силе (которую я предпочел назвать его «внутренним воином»), и именно это основное, чистое и честное чувство, которое он выражал так убедительно через фильм, по мнению Ли, было главной причиной интереса к нему публики.

> Во мне есть эта сила, из-за которой публика верит в то, что я делаю, потому что я в это верю. Эта сила присутствует, и я должен играть таким образом, чтобы моя игра находилась где-то на границе между реальностью и вымыслом. И пока то, что я делаю, заслуживает доверия и пока я обладаю этой силой, все хорошо.

Хотя Брюса Ли нет больше среди нас и он не преподает больше нам другие уроки, нам повезло, что через записанные на бумаге и на пленке его слова, которые он оставил после себя, через его фильмы учение его продолжает жить. Несмотря на свое отсутствие в материальном мире, Ли продолжает наставлять

других с тем же авторитетом, которым он пользовался в своей короткой жизни. Все указывает на то, что Ли будет продолжать учить, вдохновлять и побуждать целые поколения людей постигать его способ личного освобождения.

Именно руками тех людей, которые, может быть, впервые попробовали применить его мудрость, философское наследство Брюса Ли будет передано будущим поколениям.

Глава 17
В процессе развития

Дэниел Иносанто, один из первых учеников Ли, человек, которого сам Ли выбрал для преподавания боевых искусств в третьей и последней школе Ли в Лос-Анджелесе, сделал ряд метких замечаний по поводу более широкого применения философии боевых искусств Ли. «Философия джит кун до, — сказал он, — сама по себе не являлась конечной целью для Брюса, точно так же она и не была побочным продуктом его занятий боевыми искусствами; она была средством самопознания. Она была его рецептом личного роста. Она была исследованием свободы — свободы действовать естественно и эффективно не только в бою, но и в жизни. В жизни мы впитываем то, что полезно, и отвергаем то, что бесполезно, и добавляем к нашему опыту то, что подходит именно нам».

В результате применения принципов джит кун до Брюса Ли к повседневному существованию Иносанто мог вести более полную, более продуктивную жизнь. Но это не значит, что они существуют только для таких мастеров высшего класса, как Иносанто. Как уже упоминалось в начале этой книги, представители всех слоев общества находятся под влиянием философии и мировоззрения Брюса Ли и выигрывают от ее применения. По этому поводу я недавно имел удовольствие беседовать с Алексом Бен Блоком. Речь шла о влиянии Ли на его жизнь. Блок является издателем «Hollywood Reporter», и за интервью с Ли в 1972 г. последовала книга — первая, написанная о нем в этой стране. Она называлась «Легенда о Брюсе Ли» и была опубликована в 1974 г.

Я спросил у Блока о том, что он вынес для себя из разговоров с Ли. Блок подумал минуту, потом ответил: «До этого интервью я предполагал, что Ли — просто типичная кинозвезда, что я увижу своего рода болтливого молодца, ограниченного и поверхностного. Но за то короткое время, что я беседовал с ним, я понял, что это был человек, который прошел трудный путь, человек, на долю которого выпали и предрассудки, и поражения, и проблемы, который оказывался в непростых экономических обстоятельствах. Это был человек, который действительно думал о многом. У него была своя философия, и эту философию он выработал, анализируя ход своей жизни, начиная почти с самого начала. Он был тем человеком, который сказал: «Вы не должны просто брать то, что попадается под руку. Вы можете вернуться назад и начать с чистого листа бумаги, взять что-то старое, и что-

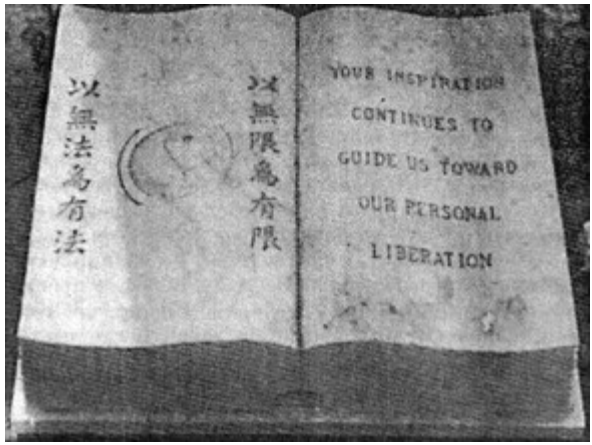
то новое, и что-то подлинное, смешать все это, увязать вместе все эти кусочки, чтобы создать что-то новое». Это было достаточно сильное впечатление. И когда я начал смотреть его фильмы, это впечатление усилилось, потому что я понял, что он способен переводить свое искусство на язык киноэкрана».

Блок все больше понимал, что его жизнь, как и жизнь Иносанто, Теда Вонга и многих из тех, с кем был связан Ли, изменилась к лучшему благодаря пережитому опыту: «Трудно отделить интервью, которое я провел, от исследований, которые я сделал, и от книги, которую я написал о впечатлениях, которые интервью оставило во мне, о людях, которых я встречал, с которыми поддерживал отношения. Все это вдохновляло меня, я многое узнал, пережив все эти впечатления. Моя жизнь действительно была затронута во многих, самых разнообразных отношениях». Пример Блока не является единственным, но он действительно служит иллюстрацией того факта, что Брюс Ли и философия, которую он проповедовал, продолжают жить и оказывать влияние на людей всех слоев общества.

Так что же в философии Брюса Ли подходит лично вам? Это вопрос, на который только вы можете ответить, и, как вы уже поняли, ваш ответ во многом будет зависеть от того, какие цели вы преследуете в жизни.

Брюс Ли намеренно не оставил никакой программы или некой безразмерной системы, которая предназначалась бы для всех и каждого, кто захочет заняться самопросвещением, по одной простой причине: самопросвещение — это именно то, чем оно является, просвещением собственного «я». Если же вы принимаете чьи-то методы или копируете стиль жизни других, в этом случае вы преуспеете только в просвещении самого себя относительно методов, эффективных для другого человека в его личном поиске истины.

Если вы хорошо поняли, в чем заключались идеи Брюса Ли, тогда вы также поймете, что его путь состоит в отсутствии пути. Его метод заключается в отсутствии метода. По сути, эмблема Ли для его искусства джит кун до содержит китайские иероглифы, которые выражают именно это положение его философии: *«Пользуясь отсутствием пути как путем; не имея ограничений как ограничение».*



У подножия могильной плиты Брюса Ли на кладбище Лейк-Вью в Сиэтле, Вашингтон. Это глубокое и очень точное высказывание — ТВОЕ ВДОХНОВЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТ ВЕСТИ НАС К ЛИЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ

Философия Брюса Ли подчеркивает, что мы не должны попадаться в сети традиций прошлого в ущерб жизни в будущем. Его философия призывала брать лучшее из всего, что относится к конкретным представлениям о счастье отдельной личности, будь то прекрасная скульптура или красивое стихотворение или даже радость, которую испытывают от занятий какими-то боевыми искусствами или от какой-то профессии, учиться синтезировать это знание, чтобы сделаться лучше, стать более продуктивной личностью, кем-то, кто оставит после себя какую-то отметку в позитивном, творческом, более продуктивном смысле в обществе — не потому, что общество «требует» этого, а потому что в этом ваша истинная природа, или ли.

Следование тому, что называется «путь воды», или Дао, явится освободительным процессом, в результате которого вы станете лучше, сможете развить межличностные взаимоотношения и будете жить на основе честности, целостности и понимания, что позволит всем нам ладить друг с другом и сосуществовать во все более усложняющемся и трудном мире Вселенной.

Так что же вы можете узнать из философии Брюса Ли? Возможно, если вы научитесь применять уроки, приведенные на этих страницах, вы увидите Вселенную и свою роль в ней более ясно. Вы не захотите ни владеть, ни находиться во владении. Вы больше не будете домогаться рая и бояться ада. И вы больше не будете судить людей с позиции укрепившихся предрассудков. Если вы сможете преодолеть препятствие в самом себе, вы узнаете, что с самого начала имели внутри себя лекарство от ваших страданий. Вы придете к пониманию того, что никогда не

обретете внутренний свет, если, подобно свече, не станете собственным горючим, потребляя самих себя.

И если вы где-то на своем пути придете в уныние, просто вспомните слова Брюса Ли из его письма, которое он написал одному из своих ближайших друзей, Таки Кимуре, после того как последний пережил большие трудности:

> Жизнь — это процесс вечного движения, и где-то на пути может вдруг выскочить какая-то очень большая неприятность — она может оставить шрам. Но поток жизни движется вперед, как проточная вода, и, если она где-то останавливается, она делается затхлой. Смело иди вперед, мой друг, потому что каждое переживание означает для нас урок.

Так помните урок, который, надеялся Ли, запомнит и его сын: *«Иди вперед».*

Приложения

Эко-дзэн

Объединение философии с боевыми искусствами или, точнее говоря, соединение в целое того, что разделили наши культурные взгляды, — вот то, что характеризует дело жизни Брюса Ли и выдвигает вперед его искусство. В то же время, однако, такое воссоединение возвращает нас обратно к почти забытому ритуалу, столь явно отсутствующему в современном обществе — традиционному обычаю посвящения во взрослые.

Практикуемый во многих древних культурах, этот ритуал неизменно состоял из физической и духовной подготовки, и обучение завершалось испытанием, или «дознанием», предназначенным испытать инициируемого и обеспечить гальванизирующее переживание, чтобы, по сути, приварить дух к телу, перед тем как отправить его в путь длиною в жизнь. Пройдя этот ритуал, люди становятся ответственными перед духом и перед культурой, призванные теперь жить по своим законам, называемым по-разному: дхарма, маат, ме, рта, дао, мечта и великий дух. Широко распространенный в странах Востока интерес к «путям освобождения» продолжает расти, потому что мы распознаем в этих путях обычную мудрость первоначально живших народов. Обратите внимание: такой завораживающий аспект боевых искусств, как ритуал перехода, полностью освещен в эссе «Дао ву-син», записанном после беседы с моим отцом в начале 1960-х годов, и впервые появляется в этой книге.

Сегодня один из ярчайших лучей надежды на то, что человечество снова поймет завершенность природы и воссоединится с ней, появляется вместе с историческим интересом Запада к восточной философии. Возможно, что некое пробуждение к реальности видения мира соединенных систем усилит развитие жизнеспособных технологий, которые, в свою очередь, проложат путь к быстро растущей индустриальной базе Востока. Наша самая большая ставка делается на то, что этот процесс укоренится, прежде чем точка зрения сепаратизма позволит непримиримым действиям расстроить равновесие организма и окружающей среды, от которого зависит выживание всего живого.

Мой отец говорит об этой потребности в «Эко-дзэн» (глава из его книги «Философии Азии»), часть которой приводится ниже.

Алан Уотс

Введение Марка Уотса

Когда ученый приступает к тщательному наблюдению за поведением людей и вещей, он обнаруживает, что они тесно взаимосвязаны, и поведение организма неотделимо от поведения окружающей среды. Мы пришли к мысли, что изображение существует отдельно от фона, но в действительности они держатся вместе, так же неотделимо друг от друга, как позитивное от негативного, верх от низа и жизнь от смерти. Их нельзя разделить. Поэтому существует своего рода секретный заговор между изображением и фоном: они действительно одно целое, но выглядят по-разному. Они нужны друг другу, как мужчине нужна женщина, и наоборот. Но обычно мы совершенно не осознаем этого. И таким образом, биолог приходит и говорит, что то, что он описывает, не является больше просто организмом и его поведением. Он описывает поле, которое теперь называет «организм — окружающая среда», и это поле — в действительности то, что представляет собой индивидуум. Сейчас это отчетливо признают все существующие науки, однако средний индивидуум — и на самом деле средний ученый — не чувствует, что это соответствует его теории. Он по-прежнему считает себя средоточием восприимчивости, заключенным в мешок из кожи. Цель буддийской дисциплины, или методов психологической подготовки, — так сказать, вывернуть это чувство наизнанку; изменить состояние дел таким образом, чтобы индивидуумы чувствовали себя всем сущим. Весь космос сосредоточен, чтобы выразить себя здесь, и вы есть весь космос, выражающий себя повсюду. Иными словами, реальность моего «я» — не есть что-то, что заключено под моей кожей, внутри этой оболочки, реальность моего «я» — все, что есть за пределами моей кожи, но делающее то, что есть моя кожа и то, что под ней. Таким же образом, когда в океане появляется волна, эта волна не существует отдельно от океана. Каждая волна на поверхности океана есть весь океан, который волнуется. Океан волнуется, он говорит: «У-у-у — я здесь! Я могу волноваться разными способами, могу волноваться так, а могу этак». И таким же образом, «океан бытия» волнует каждого из нас, и мы все — его волны, но волна по сути своей есть океан.

И теперь ваше чувство собственной личности будет вывернуто наизнанку. Вы не забудете, кем вы были, ваши имя и адрес, номер телефона, номер карточки социального обеспечения и то, какого рода место вы занимаете в обществе. Но вы будете знать, что данная конкретная роль, которую вы играете, и данная

конкретная личность, которой вы являетесь, суть поверхностны, а в действительности вы — все то, что есть. Инверсия, или переворачивание с ног на голову чувства собственной личности, состояния самосознания, которым обладает средняя личность, — в этом цель буддийских дисциплин.

Думаю, что это имеет сегодня для западного мира первостепенное значение. Мы развили у себя невероятно мощные технологии. Мы располагаем средствами видоизменения физической Вселенной намного большими, чем когда бы то ни было. Как же мы собираемся их использовать? Китайская пословица гласит, что если неправильный человек использует правильные средства, эти правильные средства работают неправильно. Предположим, что наши технические знания — правильные средства. Какие люди будут использовать эти знания? Будут ли это люди, которые ненавидят природу и считают себя отчужденными от нее, или это будут люди, которые любят физический мир и чувствуют, что физический мир — это их собственный организм?

Само отношение к технологии как методу борьбы с окружающим миром успешно применимо только для уничтожения мира, то есть для того, что мы делаем. Мы используем абсурдные, непроверенные, близорукие методы избавления от насекомых, заставляем расти наши фрукты и овощи, лишаем наши холмы деревьев и т. д., полагая, что это вид прогресса. В действительности же это превращение окружающего мира в кучу отходов. Говорят, что американцы, которые находятся на гребне технологического прогресса, материалисты. Утверждение не имеет ничего общего с правдой.

Американская культура посвящена ненависти к материальному и трансформации его в отходы. Посмотрите на наши города. Разве они похожи на те, что сделаны людьми, которые любят материальное? Все здесь сделано из дряни, которая представляет собой комбинацию гипса, папье-маше и синтетического клея и испускает самые разные ароматы.

Главный урок, который необходимо извлечь из всего этого, — что технология и ее возможности должны находиться в руках истинных материалистов. Это люди, которые любят материальное — лелеют дерево и камень, пшеницу и яйцо, животных и прежде всего саму Землю и обращаются с ней с тем же почитанием, с которым надлежит обращаться с собственным телом.

Дао ву-син

Очевидно, наилучшим образом показать значение того, что по-китайски называют «ву-син», а по-японски «му-шин» (несвязанный ум), можно через приложение философии дзэн к японскому искусству фехтования. Вероятно, многие из вас знают, что японское фехтование, или кэндо, переводится как «путь меча». Это искусство, в котором используются жуткого вида мечи; и самураи, то есть солдаты феодальной Японии, практикуя дзэн, чтобы придать себе мужества, применяли его принципы в искусстве фехтования.

Далее. Если вам доведется учиться с инструктором японскому искусству фехтования, вам сначала не дадут меч с объяснениями, как им пользоваться. Вместо этого вас сделают кем-то вроде подметальщика дома. Вы должны будете заниматься всякой повседневной домашней работой: подметать пол, вытряхивать постели, мыть посуду и т. д., и т. п. И пока вы будете все это делать, хозяин будет держать в руке тренировочный меч под названием синай, лезвие которого сделано из шести полос бамбука, некрепко связанных вместе, и если вас им ударят, вы можете получить довольно ощутимую затрещину, но, по крайней мере, вас не убьют! Однако пока бедный мальчик, ученик, занимается домашними делами, учитель шныряет по дому с такой штукой и неожиданно лупит ученика по голове!

Предполагается, что мальчик должен защищаться любыми подручными средствами: если у него в руке сковорода, ожидается, что он воспользуется сковородой. Если он в этот момент взбивал подушку, тогда ожидается, что он будет защищаться подушкой. И везде, всегда в самые неожиданные моменты учитель, прокравшись за ним, бьет его по голове. Через какое-то время бедняга перемещается, постоянно оглядываясь направо и налево, в любой момент ожидая, что учитель ударит его. Именно тут он начинает составлять в голове план, как быть готовым к нападению. Если, например, он идет по коридору, он ждет, что учитель выйдет как раз из-за угла в конце коридора, но вместо этого, как раз тогда, когда он уже готов защищаться от нападения спереди — бах! — он получает удар по голове сзади.

Теперь, когда все это продолжается в течение

немалого времени, остаются только две возможности: либо ученик получает нервный срыв и уходит, либо он что-то узнает.

Что же он узнает? Он узнает, что учитель всегда перехитрит его. Что он никогда не может быть готов к неожиданному нападению, поэтому он оставляет попытки контролировать ситуацию. Он бросает попытки подготовиться. Иначе говоря, он просто бродит по дому с мыслью: «Ну ладно, может быть, меня ударят, а может быть, нет». Он перестает заботиться о том, ударят его или нет — и в этот момент учитель дает ему тренировочный меч и говорит: «Теперь ты можешь начать учиться фехтованию».

Важность всего этого заключается в том, что если, скажем, вы встретились лицом к лицу с группой нападающих и не знаете, откуда придет следующее нападение, если вы попытаетесь подготовиться заранее или будете готовы отразить нападение одного, вы можете совершенно неожиданно обнаружить, что имеете дело совсем с другим, который уже нападает на вас. И вся ваша подготовка пропала даром, потому что теперь вы должны уйти с первого плана контратаки, чтобы иметь дело со вторым. Но если вы находитесь в средней, или несвязанной, позиции и не напрягли свой ум в каком-то конкретном направлении, в этом случае вы готовы двигаться в любую сторону, откуда бы ни последовало нападение.

И точно таким же образом способ обучения дзэн дает понять, что вы не можете — не можете — полностью контролировать вашу жизненную ситуацию. Другими словами, не можете по существу распоряжаться собой.

Алан Уотс

Основные работы Брюса Ли

1940–1958 гг. Играет не менее чем в двадцати фильмах для детей. Первый фильм с его участием (в возрасте трех месяцев) снят в Сан-Франциско, он называется «Девушка Золотых Ворот». Другие фильмы: «Рождение человечества» (1946 г.), «Мой сын», «А Чеунг», «Это отец виноват», «Гроза» и последний фильм для детей — «Сирота», снятый в Гонконге в 1958 г.

1963 г. Пишет и сам издает книгу по кунг-фу под названием «Китайское кунг-фу: Философское искусство самообороны». Напечатано было только пятьсот экземпляров.

9 сентября 1966 г. — 14 июля 1967 г. Исполняет главную роль в телесериале ABC-TV «Зеленый Шершень». Он участвует в 26 сериях.

27 января 1967 г. Появляется в роли Като в телесериале ABC-TV «Бэтмен».

14 июля 1967 г. Играет в одной из серий в телесериале «Отважный».

5 июля 1968 г. Технический директор фильма «Спасательная команда», пародии на вульгарный шпионский боевик. Дин Мартин в главной роли спец-агента Мэтта Хелма.

1 августа 1968 г. Снимается в фильме «Марлоу» для киностудии MGM. Первоначально картина называлась «Сестричка». Сценарий создан по одноименному роману Рэймонда Чандлера. В главной роли Филипа Марлоу снимался Джеймс Гарнер. В одной из зрелищных сцен Ли входит в офис Марлоу и крушит его, в частности восьмифутовым вертикальным киком разбивает огромную люстру.

12 ноября 1968 г. Снимается в одной из серий телесериала «Блонди» для киностудии «Юниверсал».

15–22 ноября 1968 г. Снимается в одной из серий телесериала «Новобрачные идут» для «Скрин Джемс». Серия называлась «Свадьба по-китайски», Ли играл большую, хотя и второстепенную, роль, не связанную с боевыми искусствами.

16–24 апреля 1969 г. Работает в качестве технического директора сцены сражения в фильме «Прогулка под весенним дождем» киностудии «Коламбиа пикчерс».

24 июня — 1 июля 1971 г. Снимается в первой серии телесериала «Лонг-стрит». По сценарию, который написан самим Ли и его учеником Стирлингом Силифантом, Ли учит Джеймса Франсискоса искусству джит кун до.

7 июля 1971 г. Снимается в трех дополнительных сериях в «Лонг-стрит», которые называются «Прочитай наследство

смерти», «Дитя среды» и «“Я вижу”, — сказал слепой».

12 июля 1971 г. Уезжает в Пак-Чонг, Таиланд, чтобы сниматься в фильме «Большой босс» киностудии «Голден Харвест Филмз». Возвращается в Лос-Анджелес 6 сентября 1971 г. Фильм окончательно подтверждает репутацию Брюса Ли как кассовой приманки и побивает все рекорды кассовых сборов в Гонконге.

9 ноября 1971 г. Дает интервью Пьеру Бертону, которое с того времени известно под названием «Потерянное интервью». Это единственное интервью Ли, которое существует на видеопленке.

1971 г. Заканчивает съемки в своем втором фильме для «Голден Харвест». Фильм называется «Кулаки ярости». Он побивает рекорд, установленный фильмом «Большой босс». Брюс становится национальным героем.

1972 г. Создает свою собственную компанию по производству фильмов «Конкорд продакшнз» с участием учредителя «Голден Харвест» Рэймонда Чоу. Ли уезжает в Рим, чтобы сниматься в фильме «Путь Дракона». Вместе с ним в фильме снимается Чак Норрис (Ли также давал Чаку работу во время съемок «Спасательной команды»). Этот фильм устанавливает новый рекорд кассовых сборов.

Начинает сниматься в серии сражений, необходимых для фильма «Игра со смертью», где переплетаются философия и боевые искусства. Но работа над фильмом прерывается, потому что Ли начинает сниматься в следующей картине, создаваемой в совместном производстве «Секвойи» и «Конкорда» для «Уорнер Браззерз».

1973 г. Снимается в фильме «Выход Дракона», который до сих пор считается классическим фильмом в жанре боевых искусств.

20 июля 1973 г. Умирает в Гонконге.

Август 1973 г. «Выход Дракона» лидирует по популярности во всем мире. Хотя он вышел на экраны только в августе, он обгоняет по кассовым сборам все фильмы этого года, за исключением «Экзорциста». В фильм было вложено всего 500 тысяч долларов, он принес на этот момент более 300 миллионов долларов.

1974 г. Немногим более года со дня смерти Ли выходит как театральное представление компиляция трех серий «Зеленого Шершня».

1975 г. Линда Ли издает некоторые из записей ее мужа о принципах рукопашного боя, о теории и философии. Книга называется «Дао джит кун до».

Осень 1978 г. Последний фильм Ли, «Игра со смертью»,

переписывается и завершается с участием дублера и с помощью картонных манекенов Брюса Ли. Он плохо отредактирован и, несмотря на тот факт, что сам Ли отснял час пленки со своим участием, из этого материала в фильм были включены только пятнадцать минут. Неряшливое редактирование и слабые дублеры фактически разрушили сценарий фильма. Хотя его рекламировали как «дань памяти Брюса Ли», к сожалению, это не так. И все же, благодаря силе воздействия его имени, сборы от фильма по всему миру превысили 300 миллионов долларов.

Ноябрь 1993 г. В архивах канадского телевидения и радиовещания обнаружили совершенно неповрежденную видеозапись интервью Брюса Ли с Пьером Бертоном. Вскоре его выпустили на телеэкраны под названием: «Брюс Ли: Потерянное интервью». Оно сразу же произвело триумф среди поклонников Брюса Ли по всему свету и в настоящее время считается самым захватывающим фильмом о живом Брюсе Ли. Оно наиболее ярко подчеркивает харизматическое начало в Ли, когда он не играет роль, а просто остается самим собой.

Хронологические факты жизни Брюса Ли

27 ноября 1940 г. *Сан-Франциско*. Родился в «час Дракона» (между 6.00 и 8.00 утра) в больнице на Джексон-стрит в Чайнатауне у мистера и миссис Ли Хой Чуен. Мать окрестила его именем Ли Джун Фэн («Вернись назад»), так как верила, что однажды он вернется в Соединенные Штаты. Больничная медсестра переименовала его в Брюса. В конце концов он получает прозвище Сай Фон («Маленький феникс»), это женское имя. Его родители, следуя китайской традиции в отношении родившихся сыновей, называют его женским именем, чтобы ввести в заблуждение духов, которые могут украсть его душу.

Февраль 1941 г. *Сан-Франциско*. Выходит первый фильм с его участием — ему три месяца. Вскоре ему дают прозвище Мо Си Тунг («Никогда не сидит спокойно»).

1946 г. *Гонконг*. Играет роль в своем первом «настоящем» фильме — «Начало мальчика». Ему шесть лет. В восемь лет снимается во втором фильме. Именно в нем он получает имя Ли Сиу Лунг («Ли Маленький Дракон») — под этим именем он позднее становится известен в Гонконге и во всех мандаринских кинотеатрах Юго-Восточной Азии. Все говорило за то, что он снимется в Гонконге больше чем в двадцати фильмах, до того как ему исполнится восемнадцать лет. Последний фильм, где он снимался в главной роли ребенка, назывался «Сирота».

1953 г. *Гонконг*. После окончания средней школы поступает в колледж «Ла Салль». Ли очень быстро наскучил формализм этой высшей католической школы (в которой впоследствии будет учиться его сын Брэндон), поэтому, несмотря на острый ум, он начинает получать плохие оценки. Его любимым занятием вне школы становятся потасовки с мальчиками из английских семей.

Заявляет, что его «задирают» в школе и после этого начинает заниматься кунг-фу в стиле Вин Чун под руководством мастера боевых искусств Ипа Мэна. Его мать оплачивает занятия по существующей ставке двенадцать гонконгских долларов за урок. У Ли происходит первая стычка с Триадами, китайской мафией, когда он сбивает с ног сына одного из главарей, которому он отказался подчиняться. Его постоянные драки начинают беспокоить родителей.

1958 г. *Гонконг*. В возрасте тринадцати лет его признают «Чемпионом ча-ча-ча колоний Британской короны». В своем бумажнике он держит карточку со списком 108 различных шагов танца.

29 марта 1958 г. *Гонконг*. Переходит в колледж Св. Фрэнсиса

Ксавьера, после того как его попросили покинуть колледж «Ла Салль». В новом колледже Ли решает участвовать в межшкольных соревнованиях Брата Кенни по боксу. Используя технические приемы западного бокса и Вин Чун, Ли наносит полное поражение Гари Элму из школы Св. Георга Пятого, который три года подряд отстаивал звание чемпиона.

29 апреля 1959 г. *Гонконг*. Принимает вызов драться на крыше от членов соперничающей школы кунг-фу. Снимая пиджак, он получает удар исподтишка, впадает в ярость и выбивает ошеломленному противнику зуб. Родители мальчика жалуются властям. Вмешивается отец Ли, Ли Хой Чуен. Решено, что сын вернется в Сан-Франциско.

17 мая 1959 г. *Сан-Франциско*. Вернулся через восемнадцать лет в Сан-Франциско (во время путешествия обучает желающих ча-ча-ча). Поездка, которая продолжалась восемнадцать дней, стала временем серьезного самоанализа и переоценки самого себя.

3 сентября 1959 г. *Сиэтл*. Впервые приезжает в Сиэтл. Вскоре по приезде Ли поступает в Эдисоновс-кую техническую школу, чтобы закончить среднее образование. Вскоре он приобретает последователей в лице нескольких учеников школы — после того как они видят его выступление на Морской ярмарке в Сиэтле.

1960 г. *Сиэтл*. Его вызывает на бой владелец черного пояса из Японии. Еще со времени одного из своих ранних выступлений Ли подвергается нападкам со стороны этого человека по поводу взглядов Ли на боевые искусства. Сначала Ли игнорирует его нападки, но потом теряет терпение и соглашается на бой «без правил» в местном отделении YMCA[6].

Бой продолжается только одиннадцать секунд и заканчивается, когда Ли прямым ударом отправляет противника лететь по залу. Тот просит Ли взять его в ученики.

Декабрь 1960 г. *Сиэтл*. Заканчивает Эдисоновскую техническую школу.

27 марта 1961 г. *Сиэтл*. Поступает в Университет Вашингтона. Вскоре после этого знакомится с семнадцатилетней Линдой Эмери, ставшую впоследствии его женой. Много времени посвящает изучению философии. Читает лекции по философии кунгфу и китайской философии и публикует за свой счет написанную им книгу «Китайское кунг-фу. Философское искусство самообороны».

26 марта 1963 г. *Сиэтл*. После четырех лет, проведенных в Соединенных Штатах, уезжает в Гонконг.

Август 1963 г. *Сиэтл*. Возвращается из Гонконга.

1964 г. *Сиэтл*. Уходит из Университета Вашингтона после весенней четверти.

19 июля 1964 г. *Сиэтл*. Уезжает в Окленд, Калифорния.

2 августа 1964 г. *Лонг-Бич*, Калифорния. Устраивает показательное выступление на международном турнире по каратэ Ed Parker's в Лонг-Бич. Паркер снимает выступление на пленку и дает ее для просмотра Джею Себрингу, парикмахеру продюсера фильма «Бэтмен» Уильяма Доузье, который устраивал просмотры на роль в новом экспериментальном телеспектакле «Сын номер один». Ли участвует в кинопробах «20-th Century-Fox», но шоу так и не увидело свет.

3 августа 1964 г. *Окленд*. Начинает преподавать кунг-фу в Окленде.

17 августа 1964 г. *Сиэтл*. Женится на Линде Эмери.

1964 г. *Окленд*. Принимает вызов, брошенный одним из лучших мастеров боевых искусств в китайской общине, специализирующейся на обучении кавказцев китайским единоборствам. Хотя Ли победил его за три минуты, он недоволен тем, что это заняло так много времени, а также тем, насколько усталым он чувствует себя потом. Он приступает к пересмотру своего «традиционного» подхода к боевым искусствам.

1965 г. *Лос-Анджелес*. Доузье выплачивает Ли 1800 долларов в качестве предварительного гонорара за услуги — «Зеленый Шершень» будет сниматься в следующем году.

1 февраля 1965 г. *Окленд*. Становится отцом — у Линды и Брюса рождается мальчик, Брэндон, которого Ли описывает как «единственного белокурого голубоглазого китайца в Калифорнии».

8 февраля 1965 г. *Гонконг*. Умирает отец Ли.

Июль 1965 г. *Гонконг*. Едет в Гонконг навестить семью и берет с собой маленького сына. Там он несколько по-иному смотрит на боевые искусства, закладывает концептуальную основу для того, что впоследствии станет революционным подходом к боевым искусствам, джит кун до.

6 июня 1966 г. *Голливуд*. Начинает сниматься в новом телесериале «Зеленый Шершень». Телевизионный дебют Брюса — роль Като, слуги и шофера Зеленого Шершня. Получает тонны писем от поклонников, фильм становится хитом среди детей в Соединенных Штатах, но после одного сезона шоу закрывают.

5 февраля 1967 г. *Лос-Анджелес*. Учреждает Институт Джун Фэн Кунг-фу в Чайнатауне.

6 мая 1967 г. *Вашингтон*, округ Колумбия. Выступает на Национальном чемпионате по каратэ.

24 июня 1967 г. *Нью-Йорк*. Выступает на Всеамериканском открытом чемпионате по каратэ в Мэди-сон-сквер Гарден.

30 июля 1967 г. *Лонг-Бич*, Калифорния. Присутствует на международном турнире по каратэ в Лонг-Бич.

Март 1968 г. *Лос-Анджелес*. Начинает давать частные уроки. Некоторые из его учеников — знаменитости, с которых он берет по 250 долларов за час. Список его учеников похож на справочник «Кто есть кто в Лос-Анджелесе»: Стив МакКуин, Джеймс Кобурн, Ли Марвин, Джеймс Гарнер, Карим Абдул-Джаббар, киносценарист Стирлинг Силифант и кинорежиссер Роман Полански.

1968 г. *Лос-Анджелес*. Получает работу технического директора в фильме «Спасательная команда».

Приступает к завершению концептуальной структуры своей философии боевых искусств, которую он называет «джит кун до», то есть «путь преграждающего кулака». В ней делается упор на экономность в движениях и свободу выбора средств для выражения в бое.

1968–1969 гг. *Голливуд*. Получает случайные роли в кино- и телефильмах, в том числе в «Блон-ди», «Новобрачные идут» и «Марлоу», но расизм в Голливуде не дает Ли возможности достичь того успеха, на который, как он убежден, он мог бы рассчитывать.

19 апреля 1969 г. *Санта-Моника*. У Брюса и Линды родилась дочь Шэннон.

1969–1970 гг. *Голливуд*. Работает вместе со Стирлингом Силифантом и Джеймсом Кобурном над сценарием «Молчаливой флейты», который основан на философии боевых искусств Брюса Ли. Впоследствии студия «Уорнер Бразерз» решает, что будет финансировать его только в том случае, если съемки будут происходить в Индии (где у них заморожены кое-какие средства). К сожалению, место действия не совпадает с идеей Силифанта и Кобурна, и они выходят из проекта.

27 июня 1971 г. *Лос-Анджелес*. Играет в пробной серии телесериала «Лонг-стрит», который снимает «Парамаунт пикчерс» по сценарию Стирлинга Силифанта. Серия называется «Путь преграждающего кулака» (то есть джит кун до). Ли исполняет второстепенную роль инструктора боевых искусств. Реакция публики на героя Ли оказывается настолько сильной, что «Парамаунт» берет его еще на три серии и подумывает о создании сериала исключительно для Брюса Ли в главной роли.

1971 г. *Лос-Анджелес*. Знакомится с Фредом Вейн-штраубом и планирует приступить к работе над идеей телесериала «Воин» (позднее переименованного в «Кунг-фу»). Ли решает выяснить,

каковы возможности в Гонконге.

Гонконг. Прибывает в Гонконг, не подозревая, что он здесь суперзвезда благодаря повторным прокатам «Зеленого Шершня», который в Гонконге очень популярен. Рэймонд Чоу, собственник новой компании по производству фильмов, пытается завлечь Ли на главную роль в одном из его фильмов. Он предлагает Ли главную роль в фильме «Большой босс».

Июль 1971 г. *Таиланд*. Приступает к работе над фильмом «Большой босс» (в США был выпущен на экраны под названием «Кулаки ярости»). Снятый в Пак-Чонге, Таиланд, всего лишь за 100 тысяч долларов, фильм выходит на экраны Гонконга и получает восторженные отзывы прессы и толпы обезумевших поклонников. В первом же прокате он побивает рекорд в 3,2 миллиона долларов.

7 декабря 1971 г. Получает официальное уведомление, что главная роль в телесериале «Воин» отдана танцору и актеру Дэвиду Кэррадину, так как голливудские продюсеры считают, что Брюс выглядит слишком по-китайски, чтобы играть главную роль в западном телесериале.

9 декабря 1971 г. *Гонконг*. Записывает историческое «Потерянное интервью» с канадским журналистом Пьером Бертоном. Это единственный случай, когда он целых полчаса рассказывает о своей жизни, искусстве и карьере. После того как интервью показали один раз по телевидению в Онтарио, Канада, пленка с записью исчезла, и все считали, что ее уничтожили.

1972 г. *Гонконг*. Второй фильм Ли, «Кулаки ярости» (в США вышел на экраны под названием «Китайские контакты»), снятый за 200 тысяч долларов, побивает рекорды «Большого босса». В Сингапуре перекупщики получают 45 долларов за билет, который стоит 2 доллара, и показ переносят на другое время, чтобы облегчить ситуацию с пробками на дорогах. На Филиппинах прокат закрыт, чтобы отечественные фильмы получили возможность для проката. В конечном итоге первые два фильма Ли собрали более 20 миллионов долларов.

Отказывается от предложения снимать фильм «Желтый тигр» по сценарию Ло Вея в пользу фильма, который сам создает, пишет к нему сценарий, выступает в качестве режиссера и исполнителя главной роли. Ли дает фильму рабочее название «Выход Дракона». Это его третий фильм — «Путь Дракона» (в США шел после смерти Ли под названием «Возвращение Дракона»). И снова фильм побивает рекорды кассовых сборов в Гонконге.

Брюс Ли объявляет о своем следующем проекте — фильме «Игра со смертью», в котором будет рассказываться о величайших мировых мастерах боевых искусств. Он приступает к

подготовительной работе над фильмом, снимает несколько сцен сражений, в том числе с участием суперзвезды Национальной ассоциации бокса Карима Абдул-Джаббара.

Голливуд. Ли заключает крупную сделку с «Уорнер Бразерз» на съемки фильма «Выход Дракона», первый фильм совместного производства киноиндустрии США и Гонконга. Работа над фильмом «Игра со смертью», не завершена.

Февраль 1973 г. *Гонконг*. Начинаются съемки «Выхода Дракона». Ли теперь окружен толпой каждый раз, когда он куда-то отправляется. Ему также пытаются бросить вызов, как современному Билли Киду, те борцы, которые хотели бы сделать себе на этом имя. Ли в основном игнорирует их, но, когда его вынуждают, устилает пол телами противников.

Апрель 1973 г. *Гонконг*. Завершает съемки фильма «Выход Дракона». На специальном предпрокат-ном просмотре (без музыки и спецэффектов) Ли приходит к пониманию, что это именно тот фильм, который сделает его звездой международного класса.

10 мая 1973 г. *Гонконг*. Падает в обморок во время процедуры дублирования фильма «Выход Дракона». Его охватывают судороги, он теряет сознание. Его немедленно отвозят в больницу, где врачи обнаруживают большую опухоль мозга и назначают лекарства, чтобы ее уменьшить. Ли летит в Калифорнию, чтобы пройти осмотр в UCLA (Университет в Лос-Анджелесе). Собирается консилиум, и врачи объявляют, что его здоровье в прекрасном состоянии, а тело — восемнадцатилетнего юноши.

20 июля 1973 г. *Гонконг*. Умирает от отека мозга, причина смерти формулируется как «несчастный случай». Мгновенно возникшую опухоль в мозгу считают вызванной аллергической реакцией на сочетание лекарств мепробамата (противоболевой компонент, входящий в средство от боли в пояснице) и аспириноподобной таблетки против головной боли под названием экваджезик.

25 июля 1973 г. *Гонконг*. Символические похороны проводятся в пользу семьи, друзей и поклонников. В Коулуне собирается двадцатипятитысячная толпа.

31 июля 1973 г. *Сиэтл*. Тело предано земле на кладбище Лейк-Вью. Гроб несут друзья и ученики Ли: Стив МакКуин, Джеймс Кобурн, Дэни Иносанто, Питер Чин, Таки Кимура и брат Брюса, Роберт Ли.

Об авторе

Джон Литтл — наиболее подходящий человек для выполнения задачи связать философию Брюса Ли с его подходом к жизни. Литтл имеет степень в области философии, которую ему присвоил Университет МакМастер в Хэмилтоне, Онтарио, Канада, он является соавтором двух книг о здоровье и спортивной форме (Литтл более пятнадцати лет освещал эти вопросы в различных журналах, специализирующихся на здоровье и спорте). Он сам был учеником Ли, у которого изучал искусство джит кун до.

По распоряжению семьи Брюса Ли Литтл — единственное лицо, уполномоченное пересмотреть все личные записи, наброски и комментарии Ли, а также редактировать книги на тему боевых искусств Ли и их глубокого философского обоснования. Замечательная осведомленность Литтла относительно тонкостей восточной и западной философии в совокупности с тем уважением, с которым он относится к сохранению сути слов Ли и значения его учения, придает этой книге редкую целостность.

notes

1

Сифу — по-китайски «учитель». — Прим. пер.

2

Фраза «Дао джит кун до» на самом деле неправильна, так как «до» и «дао» — это одно и то же. Джит кун до переводится как «путь преграждающего кулака», следовательно, «Дао джит кун до» переводится как «путь пути преграждающего кулака».

3

Брюс Ли «Дао джит кун до», 1975 г.

4

Там же.

5

Примерно 70 кг. — Прим. пер.

6

World Alliance of Young Men's Christian Association — Всемирный альянс молодых христиан. — Прим. пер.